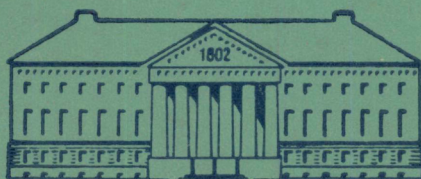

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHİK 452 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

ÕIGUSTEADUSLIKKE TÕID
ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ

XXIV

ТАРТУ 1978

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIÑIK 452 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА**

**ÕIGUSTEADUSLIKKE TÕID
ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ**

XXIV

ТАРТУ 1978

Redaktsioonikolleegium: V. Kelder, E. Laasik, J. Mäll, I. Rebane,
P. Vihalem, E. Salumaa (esimees)

Vastutav toimetaja: L. Saarnits

Редакционная коллегия: В. Кельдер, Э. Лаасик, Ю. Мялл, И. Ребане, П. Вихалем, Э. Салумаа (председатель)

Ответственный редактор: Л. Саарнитс

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ОТНОШЕНИЙ ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ

Канд. юрид. наук П. П. Касьяк

Кафедра гражданского права и процесса

Отношения общей собственности и их виды представляют интерес для юриста прежде всего как предмет правового регулирования. Известно, что исследование проблемы правового регулирования любой отрасли общественных отношений должно опираться на знание особенности данного комплекса (системы) общественных отношений, ибо качественные особенности предмета регулирования определяют характер самого метода их правового регулирования, а также механизм, т. е. взаимодействие средств этого метода. Это положение полностью относится и к исследованию проблемы правового регулирования отношений общей собственности. Следовательно, чтобы определить понятие права общей собственности как совокупности правовых норм, а также понятия правоотношения и субъективного права общей собственности или объяснить вообще правовое регулирование отношений общей собственности, следует исходить из сущности и понятия отношений общей собственности.

Такой подход к изучению правовых явлений в принципе не новый, но в литературе, посвященной вопросам права общей собственности, последовательно не проводился. В соответствующих исследованиях, как правило, основанием определения понятия права общей долевой собственности и права общей совместной собственности приняты в разных комбинациях норма права собственности, доля в субъективном праве общей собственности, доля в стоимости имущества, находящегося в общей собственности, и доля в самом общем имуществе.¹ Характерно при этом,

¹ См. напр. М. Зимелева. Общая собственность в советском гражданском праве. — Уч. зап. ВЮИ, вып. II. М., 1941, с. 3—90, М. Г. Маркова. Понятие и содержание права общей собственности. В кн.: Очерки по гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1957, с. 79—92; Ш. Тагайназаров. Общая долевая собственность граждан и общая совместная собственность супругов в советском праве. Автореф. канд. дисс. Душанбе, 1966.

во-первых, то, что понятия права общей долевой и совместной собственности определяются исходя непосредственно из указанных оснований, минуя соответственные материальные отношения общей собственности и правоотношения общей собственности, и во-вторых, то, что авторов этих исследований почти без исключения интересует сущность и понятие права общей долевой собственности или права общей совместной собственности в отдельности, а не их обоих вместе, охватываемых единым понятием права общей собственности.

Шагом вперед в этом смысле является исследование Р. П. Мананковой, в котором субъективное право общей долевой собственности исследуется не как изолированное явление, а как составная часть правоотношения общей долевой собственности. Однако и у нее отсутствует анализ решающего звена правового регулирования — самого отношения общей долевой собственности.²

Если исходить из того, что субъективное право общей долевой собственности и субъективное право общей совместной собственности существуют в рамках правоотношений, то мы должны признать и существование соответствующих материальных отношений общей собственности. Без этих отношений невозможно возникновение правоотношения, а следовательно, и субъективного права общей собственности. И далее, если мы предполагаем существование отношений общей долевой и общей совместной собственности в качестве подвидов отношений общей собственности, то мы должны признать и возможность определения единого понятия отношений общей собственности. Это единое понятие отношений общей собственности и послужит основой для определения понятий отношений общей долевой и общей совместной собственности, а также соответствующих юридических явлений как результата правового регулирования этих материальных общественных отношений.

Исходя из сказанного автор статьи и делает попытку проанализировать предмет правового регулирования института права общей собственности, т. е. рассмотреть отношения общей собственности как целостную систему, а затем рассмотреть и отдельные виды отношений общей собственности как ее подсистемы.

Понятие отношений общей собственности. Системный анализ общественных явлений требует при исследовании отношений общей собственности рассматривать эти отношения, с одной стороны, как подсистему более широкого явления — системы отношений собственности в целом, а с другой — как относительно самостоятельное явление, которое само охватывает определенные подсистемы. Для определения понятия отношений общей

² Р. П. Мананкова. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству. Автореф. канд. дисс. Томск, 1970.

собственности необходимо прежде всего, рассмотреть связь между системой отношений собственности и входящей в нее подсистемой — отношениями общей собственности.

Соотношение между названными явлениями можно квалифицировать в философском плане как соотношение между категориями части и целого, отдельного и общего. Закономерности, которые находят отражение в этих философских категориях, свойственны и отношениям общей собственности, и отношениям собственности в целом и тем самым помогают раскрыть сущность этих общественных явлений.

Полагая, что сущность и понятие отношений собственности как общего явления в нашей специальной литературе достаточно разработаны и могут служить основанием для исследования подсистемы этого явления, мы ограничимся в дальнейшем исследованием лишь специфических признаков системы отношений общей собственности. Укажем здесь только на то, что в трактовке отношений собственности как предмета правового регулирования сложились две основные концепции. По первой из них сущность и понятие отношений собственности объясняется через категорию «присвоение» как общественное отношение присвоения. По второй, то же самое объясняется через категории владения, пользование и распоряжение как комплицированное общественное отношение, составляющее, в свою очередь, три вида общественных отношений, которые возникают в связи с владением, пользованием и распоряжением вещью (или вещами). Для разработки сущности и понятия отношений общей собственности в настоящей работе принята за основу вторая концепция, которую автор статьи считает более обоснованной.³

Попытаемся теперь выяснить, какие признаки являются общими для системы отношений собственности в целом и для отношений общей собственности как одной из ее подсистем. Исходя из второй концепции понятия отношений собственности можно констатировать, что как отношения собственности в целом, так и отношения общей собственности являются совокупностью общественных отношений в связи с владением, пользованием и распоряжением некой вещью или вещами. Им свойственна взаимосвязь между собственником (общим собственником), осуществляющим фактическую власть над вещью, извлекающим полезные свойства из вещи и определяющим судьбу вещи, и всеми остальными лицами, которые воздерживаются от препятствования собственнику (общему собственнику) в этих действиях. Итак, отношениям общей собственности присущ абсолютный характер так же как отношениям собственности в целом. В прин-

³ Подробнее см. об этом: П. П. К а с ь к. О правоотношении собственности и о субъективном праве собственности. — Уч. зап. ТГУ. Труды по правоведению XVII. Тарту, 1975, с. 39—41.

ципе как у отношений собственности вообще, так и у отношений общей собственности одинаковыми являются круг субъектов и объектов, а также цель действия субъектов в этих общественных отношениях.

Каковы же специфические признаки системы отношений общей собственности и чем они обусловлены?

Специфические признаки отношений общей собственности вытекают из того факта, что при этой форме собственности, в отличие от других видов и форм отношений собственности, всегда имеются два или более собственника (т. е. множественность собственников) при наличии одной и той же вещи (или совокупности вещей) в качестве объекта общественных отношений.

Эта множественность собственников при наличии одной и той же вещи (совокупность вещей) оказывает прямое влияние на характер отношений между общими собственниками и всеми остальными лицами. Сравнивая эти отношения собственности с отношениями индивидуальной собственности, заметим, что особенности этих общественных отношений выявляются главным образом на стороне собственника (общих собственников). На стороне корреспондирующих собственнику (общим собственникам) остальных лиц эти отношения, по существу, одинаковые — все другие лица воздерживаются от какого-либо вмешательства во владение, пользование и распоряжение независимо от того, корреспондирует ли им индивидуальный собственник или общие собственники. Одинаковый характер поведения противостоящих собственнику (общим собственникам) лиц и определяет одинаковый характер соответствующих общественных отношений на их стороне. Единственным различием между этими отношениями собственности в этой части является то, что у остальных лиц (несобственников) возникает в связи с одним же объектом отношений общей собственности не один, а в зависимости от числа общих собственников — два или несколько отношений собственности.

Зато на стороне собственника и общих собственников можно заметить в этих отношениях существенные особенности. Если при индивидуальной собственности единственный собственник владеет, пользуется и распоряжается своей вещью в полном объеме, то при общей собственности по поводу одной и той же вещи это делают два или несколько общих собственников. Это значит, что все общие собственники сообща владеют, пользуются и распоряжаются вещью в таком же объеме, как один индивидуальный собственник. Общие собственники в отдельности владеют, пользуются и распоряжаются общей вещью каждый, но не в полном, а в ограниченном объеме. Объем владения, пользования и распоряжения общего собственника ограничен теми же действиями других общих собственников по поводу одной и той же вещи. Ограниченный характер действий общих собственников по поводу

общей вещи определяет и ограниченный характер соответствующего общественного отношения по сравнению с отношением индивидуальной собственности.

Множественностью собственников на одну и ту же вещь обусловлены, кроме специфики отношений собственности между общими собственниками и всеми остальными лицами, специфические отношения между самими общими собственниками. Эти отношения возникают также в связи с осуществлением фактической власти над вещью, извлечением из нее полезных свойств и определением судьбы вещи, т. е. в связи с владением, пользованием и распоряжением общей вещью общими собственниками. Хотя эти отношения возникают из тех же действий и направлены на те же цели, что и в отношениях между общими собственниками и всеми остальными лицами, их характер является иным, по сравнению с последними. В отношениях между общими собственниками каждому общему собственнику корреспондирует точно определенное число других собственников. Корреспондирующие одному общему собственнику другие общие собственники не только воздерживаются от препятствования этому собственнику в осуществлении владения, пользования и распоряжения общей вещью, но и оказывают ему активное содействие. Таким же образом ведет себя и вышеуказанный общий собственник по отношению к другим общим собственникам. Из этого следует, что отношениям между общими собственниками свойствен релятивный характер.

Таким образом, каждый общий собственник по поводу общей вещи участвует в специфических общественных отношениях со всеми общими собственниками той же вещи, и в то же время и со всеми остальными лицами. Эти двоякие специфические отношения общих собственников между собой и со всеми остальными лицами и образуют отношение общей собственности.

Из этого следует, что отношение общей собственности — это сложное общественное отношение, в котором соединяются, с одной стороны, троякие отношения владения, пользования и распоряжения и, с другой стороны, двоякие специфические отношения, вытекающие из множественности собственников на одну и ту же вещь (совокупность вещей).

Толкование отношений общей собственности как совокупности общественных отношений, складывающихся, с одной стороны, между одним общим собственником и всеми другими общими собственниками, а с другой — со всеми остальными лицами, встречается и в специальной литературе.⁴ Однако имеется и такая

⁴ М. Г. Шах. Общая собственность по советскому гражданскому праву. Автореф. канд. дисс. Л., 1953, с. 8—9; Ю. С. Червоный. Понятие и виды общей собственности по советскому праву. — Вопросы государства и права развитого социалистического общества. Тезисы республиканской научной конференции 24—26 сентября 1975 г. Харьков, 1975, с. 102—103.

точка зрения, что отношениями общей собственности являются только отношения между самими общими собственниками по поводу владения, пользования и распоряжения общей вещью.⁵

С последней точкой зрения нельзя согласиться. Бесспорным следует признать тот факт, что в связи с принадлежностью вещи одновременно двум или нескольким лицам существуют двоякие общественные отношения: отношения между общими собственниками и всеми остальными лицами и отношения между самими общими собственниками. Если даже не видеть отличия первых из названных отношений от отношений индивидуальной собственности, их все же нельзя считать отношениями индивидуальной собственности, ибо последние возникают и существуют только в связи с принадлежностью вещи (совокупности вещи) одному лицу.

Следовательно, общественные отношения в связи с принадлежностью вещи (совокупности вещей) двум или нескольким лицам неизбежно придется зачислить в состав отношений общей собственности. Третьей возможности (третьего вида отношений собственности в зависимости от субъектного состава) не существует.

Говоря в связи с отношением общей собственности о двояких общественных отношениях, в которых субъектами выступают общие собственники, нужно подчеркнуть, что эти отношения являются не самостоятельными и не зависимыми друг от друга, а тесно связанными и взаимно зависимыми компонентами отношений общей собственности. Их обусловленность выражается в том, что одни из них не возникают без других, а существуют, изменяются и прекращаются они вместе. У этих отношений один единый субъект — общий собственник, которому корреспондируют другие общие собственники и все остальные лица. Это обстоятельство дает основание рассматривать указанные отношения как единое комплексное общественное отношение аналогично отношению индивидуальной собственности, которое представляет собой единство отношений владения, пользования и распоряжения. Поскольку отношение общей собственности также охватывает отношение владения, пользования и распоряжения, постольку это отношение является двояко комплицированным общественным отношением.

Сказанное дает только самое общее схематическое представление об отношении общей собственности. Для раскрытия сущности и определения понятия этого общественного явления и для разграничения подвидов отношений общей собственности необходим их дальнейший углубленный анализ.

Общественные отношения, в том числе и общей собствен-

⁵ Х. В. Сепп. Проблемы приобретения права собственности и права оперативного управления. Автореф. канд. дисс. Вильнюс, 1974, с. 6—7.

сти, возникают в результате поведения их субъектов и выражаются в нем. Непосредственным источником возникновения отношения общей собственности является поведение его субъектов, т. е. поведение общих собственников одной и той же вещи (вещей) и поведение всех остальных лиц (несобственников той же вещи или вещей). Для раскрытия же сущности отношения общей собственности, исследование поведения этих общих собственников имеет первостепенное значение, ибо поведение остальных лиц не отличается здесь от их поведения в иных отношениях собственности, где оно всегда выражается в одинаковом пассивном воздержании.

Итак, дальнейший анализ должен идти в направлении исследования поведения субъектов отношений общей собственности (особенно общих собственников) и обстоятельств, вызывающих особенности в этом поведении и тем самым в отношении общей собственности.

Поведение общих собственников направлено, как и у индивидуальных собственников, на удовлетворение их материальных и культурных потребностей или на достижение целей соответствующего юридического лица или государства. Достигаются эти цели посредством владения, пользования и распоряжения вещами как объектами индивидуальной или общей собственности. В принципе это действие — владение, пользование и распоряжение — одинаково независимо от числа собственников одной и той же вещи. Это действие как при индивидуальной, так и при общей собственности выражается в осуществлении фактической власти над вещью, в извлечении полезных свойств вещи и в определении судьбы вещи. Главное различие между индивидуальным и общим владением, пользованием и распоряжением вещью состоит, как уже сказано, в разном объеме этого действия. При отношении общей собственности это действие является ограниченным по сравнению с тем же самым действием при отношении индивидуальной собственности.

Причина и сущность этой ограниченности достаточно ясны — если индивидуальный собственник может владеть, пользоваться и распоряжаться своей вещью в полном объеме, т. е. не считаясь при этом с желанием каких-нибудь других лиц совершать те же действия, то общие собственники такой самостоятельности не имеют. Они вынуждены во владении, пользовании и распоряжении общей вещью учитывать желание всех других общих собственников также владеть, пользоваться и распоряжаться общей вещью. В той мере, в какой владеет, пользуется и распоряжается общей вещью один из общих собственников, другие лишаются возможности совершения того же действия. В этом смысле владение, пользование и распоряжение каждого общего собственника и является ограниченным в сравнении с индивидуальным собственником.

Более сложен вопрос о мере каждого общего собственника в осуществлении владения, пользования и распоряжения общей вещью и об обстоятельствах, определяющих меру каждого общего собственника в этом действии.

Здесь мы впервые сталкиваемся с понятием «доля». Это понятие широко используется в связи с правовым регулированием отношений общей собственности, особенно при определении понятия субъективного права общей долевой и общей совместной собственности. Несмотря, однако, на широкое использование понятия «доли», единства в понимании сущности соответствующего явления и содержания самого понятия в специальной литературе не достигнуто.

Наиболее часто под долей понимается доля в самом субъективном праве общей долевой собственности. Многие авторы признают существование долей в субъективном праве общей долевой собственности.⁶ Часто это сопровождается признанием существования долей либо в имуществе, находящемся в общей долевой собственности⁷, либо в имуществе, находящемся как в общей долевой, так и в общей совместной собственности⁸.

Говоря о долях в общем имуществе, указанные авторы обычно подразумевают под этими не физически (реально, в натуре) обособленные доли, а физически необособленные (идеальные, мысленные) доли в имуществе. Только в виде исключения можно встретить в нашей юридической литературе раннего периода высказывания о том, что в имуществе, находящемся в общей долевой собственности, имеются реально (в натуре) определенные доли.⁹

По другому более распространенному пониманию доли существуют не в субъективном праве общей собственности, а в стоимости имущества, находящегося в общей долевой собствен-

⁶ М. Зимелева. Ук. работа, с. 5—9; Д. Ф. Еремеев. Право личной собственности в СССР. М., 1958, с. 71—72; Советское гражданское право. Том I. М., 1959, с. 363—364; Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. М., 1962, с. 138—139.

⁷ Д. М. Генкин. Право собственности в СССР. М., 1961, с. 153—154; Советское гражданское право. Том I. М., 1965, с. 384; Гражданский кодекс РСФСР. Учебно-практическое пособие. Часть I. Свердловск, 1965, с. 258, 269; Ш. Тагайназаров. Ук. работа, с. 9.

⁸ М. Г. Шах. Общая собственность по советскому гражданскому праву. Автореф. канд. дисс. Л., 1953, с. 7—8; Р. О. Халфина. Право личной собственности. М., 1964, с. 45—46; О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой. Новый гражданский кодекс РСФСР. Изд-во ЛГУ, 1965, с. 132, 135, 146; О. С. Иоффе. Советское гражданское право. М., 1967, с. 456, 458, 466; Советское гражданское право. Том I. Изд-во ЛГУ, 1971, с. 330—331, 334—341.

⁹ Учебное пособие по советскому гражданскому праву. М., 1938, с. 94; Гражданское право. Т. I. М., 1938, с. 170; Гражданское право. Т. I. М., 1944, с. 243; С. Коровкин. Против формального понимания закона. — «Социалистическая законность», 1955, № 10, с. 35—39.

ности.¹⁰ Некоторые сторонники этой точки зрения признают одновременно и существование долей в общем имуществе¹¹ или в правовой взаимосвязи собственников.¹² Возможность существования долей в субъективном праве они все отрицают.

Не все авторы придерживаются последовательности в трактовке понятия доли.¹³

Характерно, что сторонники обеих изложенных выше основных концепций не пытались раскрыть, каким образом доли в общем имуществе или в стоимости общего имущества оказывают влияние на правоотношение общей собственности, субъективные права общей долевой и общей совместной собственности, а также не ставили вопроса, возможно ли такое влияние помимо материальных отношений общей собственности.

Припомним тут наш основной тезис о том, что характер и особенности правовых явлений обусловлены соответствующими общественными отношениями, составляющими предмет правового регулирования данной отрасли права, и что это общее положение полностью приложимо к характеру и особенностям права общей собственности. Из этого следует, что если мы признаем долевой характер права общей собственности, то мы должны признать такой же характер отношений общей собственности и наоборот, — если у отношений общей собственности отсутствует долевой характер, то не может быть речи о таком же характере субъективных прав общей долевой и общей совместной собственности.

Итак, какими являются отношения общей собственности, присущ ли им долевой характер, и если да, то в чем это выражается?

Для получения ответа на поставленный вопрос, обратимся снова к поведению общих собственников как субъектов отношений общей собственности. Рассмотрим теперь меру поведения каждого общего собственника в осуществлении владения, пользо-

¹⁰ М. Г. Маркова. Ук. работа, с. 79—82, 91—92; Х. Ринк. Конструкция доли общей собственности в советском гражданском праве. — Уч. зап. Тартуского ун-та. Труды юридического факультета. 1959, с. 110—112; Ю. Г. Басин, У. К. Ихсанов, С. И. Меерзон, Г. И. Тулеугалиев. Советское гражданское право. Учебное пособие. Вып. III. «Право собственности». Алма-Ата, 1970, с. 159—160; Р. П. Мананкова. Ук. работа, с. 5—9.

¹¹ М. Г. Маркова. Ук. работа, с. 84.

¹² Р. П. Мананкова. Ук. работа, с. 5.

¹³ Так, В. Ф. Маслов в одной своей книге трактует долю как долю в праве собственности на общее имущество, в другой — как долю в ценности (стоимости) общего имущества, а в третьей — как долю в общем имуществе. (В. Ф. Маслов. Осуществление и защита права личной собственности в СССР. М., 1961, с. 119; его же, Вопросы общей собственности в судебной практике. М., 1963, с. 3; его же, Основные проблемы права личной собственности в период строительства коммунизма в СССР. Харьков, 1968, с. 134). Р. П. Мананкова, в свою очередь, на одной и той же странице своей работы утверждает, что доля — это не часть, стоимости и продолжает суждение о доле именно как о части стоимости (Р. П. Мананкова. Ук. работа, с. 7).

вания и распоряжения общей вещью и обстоятельства, определяющие меру каждого общего собственника в этом действии.

Мера владения, пользования и распоряжения общей вещью может быть у общих собственников равной или неравной. Это значит, что общий собственник в одном случае владеет, пользуется и распоряжается общей вещью в такой же мере, как и другие общие собственники, а в другом случае эта мера является большей или меньшей по сравнению с мерой других общих собственников.

Чем обусловлена в каждом конкретном случае мера общего собственника во владении, пользовании и распоряжении общей вещью?

Думается, что таким обуславливающим обстоятельством является доля в общем имуществе, которая принадлежит конкретному общему собственнику.

В каком смысле идет здесь речь о доле? Надо сразу оговорить, что не в смысле физически обособленной части имущества. В специальной литературе такое понимание конструкции доли подвергалось справедливой критике со стороны сторонников обеих основных концепций доли. Правильно указывалось, что с определением общему собственнику физически обособленной части в общем имуществе общая собственность в этой части прекращается, а взамен ее возникает индивидуальная собственность.¹⁴ Не имеется в данном случае в виду и такая доля имущества, под которой подразумевается часть стоимости имущества или некоего другого явления. Речь здесь идет о доле в смысле физически необособленной части в самом общем имуществе, в самой общей вещи.

Нужно отметить, что некоторые авторы отрицают существование таких долей в общем имуществе.¹⁵ М. В. Зимелева даже называет соответствующую конструкцию общей собственности ненужной и неоправданной в советском гражданском праве.¹⁶

С такой точкой зрения нельзя согласиться. Существование долей в общем имуществе вытекает из факта принадлежности вещи одновременно двум или нескольким лицам, т. е. из самой сущности общей собственности. При индивидуальной собственности вещь принадлежит полностью одному лицу как собствен-

¹⁴ М. Зимелева. Ук. работа, с. 5—6; Ф. Можара. По поводу предложения тов. Коровкина. — «Социалистическая законность», 1955, № 4, с. 35; Х. Ринк. Ук. работа, с. 105—108; Д. М. Генкин. Ук. работа, с. 154—156; Советское гражданское право. Том I. Изд-во ЛГУ, 1971, с. 330—331.

¹⁵ М. Зимелева. Ук. работа, с. 5—6; Советское гражданское право. Том I. М., 1959, с. 363—364; Д. М. Генкин. Право собственности в СССР. М., 1961, с. 149; В. Ф. Маслов. Основные проблемы права личной собственности в период строительства коммунизма в СССР. Харьков, 1968, с. 134—135, 153.

¹⁶ М. Зимелева. Ук. работа, с. 5—6.

нику. Общая вещь не может принадлежать целиком каждому общему собственнику. Кстати, это заметили уже древние римские юристы.¹⁷ Они первыми утверждали, что общая вещь принадлежит в долях общим собственникам.¹⁸ Этот принцип соответствует и современному пониманию принадлежности вещи общим собственникам и ничем не противоречит принципам советского гражданского права.

Отрицание принадлежности общей вещи целиком каждому общему собственнику и в то же время отрицание принадлежности общей вещи также в долях каждому общему собственнику привело бы к признанию того, что общая вещь вообще не принадлежит общим собственникам. Вряд ли кто-нибудь захочет утверждать это.

Единственным логическим выходом из этой дилеммы является признание того, что общая вещь принадлежит в долях общим собственникам.

Большинство авторов и признает существование долей в общем имуществе, часть из них это прямо заявляет и обосновывает,¹⁹ другие соглашаются в этом при анализе правовых норм общей собственности,²⁰ которые многократно закрепляют принцип долевого характера общего имущества (см. напр. ст. ст. 120—122, 128—132, ГК РСФСР; ст. ст. 125—127, 131—135 ГК ЭССР; ст. ст. 21 и 23 КобС РСФСР; ст. ст. 24 и 26 КобС ЭССР).

В связи с признанием долей в общем имуществе придется остановиться коротко и на их терминологическом обозначении в специальной литературе. Физически обособленные (выделенные) части в имуществе обычно обозначаются терминами «реальная доля» и «натуральная доля». Зато физически не обособленные (не выделенные) части, как бы в противовес первым, называются «идеальными долями» или «мысленными долями». Такой сопоставительный характер этих двух пар терминов вызывает представление, будто обозначаемые этими терминами явления имеют такой же сопоставительный характер в философском плане — что первые из них имеют объективно реальный характер, а другие субъективный характер в роде идеологических явлений. Но это не так.

Имущество в виде вещи является частью материального мира и поэтому имеет всегда объективно реальный характер. Такой

¹⁷ D. 13.6. l. 5, § 15.

¹⁸ D. 1.8. l. 6, § 1.

¹⁹ М. Рейхель. Общественные отношения супругов в советском праве. — «Советское государство и право», 1940, № 8—9, с. 120—121; М. Г. Шах. Ук. работа, с. 7—8; Ш. Тагайназаров. Ук. работа, с. 7—9.

²⁰ Советское гражданское право. Том I. М., 1965, с. 384; Гражданский кодекс РСФСР. Учебно-практическое пособие. Часть I. Свердловск, 1965, с. 258, 269; О. С. Иоффе. Советское гражданское право. М., 1967, с. 456, 458, 466; Советское гражданское право. Том I. Изд-во ЛГУ, 1971, с. 330—331, 334, 341.

же характер имеют части его — как физически обособленные, так и физически не обособленные. Поэтому прилагательное «реальное» подходит по существу к долям в обоих значениях и не может быть использовано для обозначения только одного из них. По той же причине термины «идеальная доля» и «мысленная доля» являются не подходящими, не выражающими действительный характер соответствующих долей в имуществе.

Для обеспечения ясности высказанной мысли было бы целесообразно обозначать эти доли в имуществе соответственно физически обособленными и физически необособленными долями.

В связи с долями в имуществе нас интересуют доли в стоимости имущества и взаимосвязь между этими явлениями.

Как известно из политической экономии, категория «стоимость» свойственна только товару. Также известно, что не всякое имущество как вещь является товаром. Значит, не в связи со всякой вещью мы можем говорить о стоимости.

Товаром не являются, во-первых, вещи, полезность которых для человека не опосредствована трудом, например, воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д.²¹ В Советском Союзе земля, ее недра, воды, леса и другие объекты исключительной собственности государства не являются товаром и потому эти вещи исключены из товарного оборота. Во-вторых, товаром не являются вещи, которыми, хотя они полезные и представляют собой продукты человеческого труда, удовлетворяются собственные потребности их изготовителей.²²

Социалистические предприятия изготавливают продукцию, как правило, не для своих потребностей, а для продажи. Это значит, что продукция социалистического производства представляет собой товар и в отношении его оправданно говорить о стоимости. Зато граждане часто изготавливают разные потребительные предметы для удовлетворения своих личных нужд. Эти вещи не являются товаром и в строго научном плане неправильно говорить об их стоимости. Следовательно, в том же смысле неправильно говорить и о долях стоимости этих вещей, если они находятся в общей собственности.

Однако, несмотря на этот принцип, обычно говорится о стоимости и о долях стоимости также в отношении вещей, которыми удовлетворяются потребности их изготовителей. Оправданием этого является, по-видимому, то, что вещи, изготовленные с целью удовлетворения потребностей самих их изготовителей, могут быть в любой момент направлены в гражданский оборот и тем самым превращены в товары. Это действительно так. Но является ли это обстоятельство достаточным, чтобы расширить марксово понятие «стоимости»? Думается, что нет. Во всяком

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 23, с. 49.

²² Там же.

случае, необходимо иметь в виду весьма условный характер такой трактовки.

Рассмотрим далее категорию «стоимость» в ее подлинном значении, т. е. как понятие, которое свойственно товару.

В связи с товаром различают прежде всего потребительную стоимость и меновую стоимость. «... каждый товар представляется с двух точек зрения: как потребительная стоимость и как меновая стоимость».²³ Потребительная стоимость — это сама вещь, способная своими полезными свойствами удовлетворить какую-либо потребность человека.²⁴ Меновая стоимость — это количественное отношение, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода.²⁵ Кроме потребительной стоимости и меновой стоимости различаются еще стоимость товара или просто стоимость. Последняя не может быть отождествлена ни с потребительной стоимостью, ни с меновой стоимостью, ни с их суммой. Стоимость товара — это овеществленный в товаре общественный труд.²⁶ Соотношение этих понятий состоит в том, что потребительная стоимость есть вещественная основа, в которой выражается определенная меновая стоимость как экономическое отношение,²⁷ а меновая стоимость, в свою очередь, — способ выражения или форма проявления стоимости товара.²⁸ Для характеристики соотношения стоимости и меновой стоимости можно еще добавить, что «стоимость является внутренним свойством товара, меновая же стоимость есть внешнее проявление стоимости».²⁹

Изложение здесь основных положений о категории «стоимости» в ее разных значениях обусловлено тем, что сторонники концепции «доля в стоимости» пишут о стоимости, смешивая ее общее понятие и конкретные формы проявления.³⁰

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 13.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 13—14; т. 23, с. 43—44.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 14.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 15; т. 23, с. 48—49.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 14.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 47.

²⁹ Курс политической экономии. Том I, М., 1973, с. 139.

³⁰ Так, М. Г. Маркова своей основной тезис: «каждому из участников общей собственности принадлежит доля экономической ценности, доля стоимости общей вещи, но не доля в праве на общую вещь», выводит из того, что «экономическим отношением, лежащим в основе доли, ее экономическим содержанием являются стоимостные отношения (стоимость вложенных трудовых затрат)». (М. Г. Маркова. Ук. работа, с. 82). Выходит, что основанием и в то же время экономическим содержанием доли является не стоимость как овеществленный в товаре общественный труд, а меновая стоимость, ибо о стоимостных отношениях можно говорить только в значении последней. Стоимостные отношения (т. е. меновая стоимость) М. Г. Маркова, по-видимому, отождествляет со «стоимостью вложенных трудовых затрат». Последнее выражение показывает, что с точки зрения М. Г. Марковой можно говорить кроме стоимости товара и о стоимости вещи вообще, также о стоимости «вложенных

Неправильное применение категории стоимости в ее разных значениях и является причиной того, что указанные авторы не различают доли в общей вещи как объекте общей собственности и доли в стоимости вещи как товара. Вследствие этого сторонники концепции «доля в стоимости» до сих пор и не могли убедительно объяснить, в каком смысле говорят они о долях в стоимости, и почему они считают это долями в общем имуществе. Обосновать этот тезис вряд ли вообще возможно, ибо это понимание предполагает отсутствие долей в самом общем имуществе как вещи, что противоречит действительности.

Если исходить из понятия стоимости как овеществленного в товаре общественно необходимого труда, то можно говорить и о долях в стоимости. Стоимость является делимой, так же как количество общественно необходимого труда, которым определяется количество стоимости товара и рабочее время, которым измеряется количество труда. Делимыми являются и деньги, которые выполняют роль меры рабочего времени, количества общественно необходимого труда и тем самым — меры стоимости товара.³¹

Здесь необходимо подчеркнуть, что стоимость товара и доля в стоимости товара не тождественны определенному количеству денег и доле этого количества денег, которые соответствуют этим количествам стоимости. Признать тождественность этих величин, значит допустить такую же ошибку, как признать тождественность товара с гириями, которыми взвешивают товар. Но именно такую ошибку можно встретить у авторов, которые отождествляют долю в имуществе с долей в стоимости.³²

Существование долей в стоимости товара не противоречит, а наоборот, предполагает существование долей и в вещи как в потребительной стоимости. Потребительная стоимость в качестве вещи со своими полезными свойствами является вещественным носителем меновой стоимости,³³ а следовательно, и стоимости товара как овеществленного общественного труда. Логично, что в

трудовых затрат». Здесь она допускает еще одну ошибку, забывая, что стоимость и есть овеществленный в товаре общественный труд. Получается, по существу, «стоимость стоимости»...

Х. Ринк, обосновывая концепцию «доля в стоимости», утверждает, что объектами права собственности могут быть только вещи, которые имеют стоимость. Он также пишет о реализации меновой стоимости вещи. (Ринк Х. Ук. работа, стр. 111). Оба эти высказывания противоречат общепризнанному учению о стоимости.

Х. Сепп, в свою очередь, пишет о стоимости и о меновой стоимости как о равнозначных понятиях. (H. S e p p. Ühise omandiõiguse mõistest. Eesti NSV tsiviil- ja protsessiseadusandluse kohaldamise ja täiustamise probleeme. Ettekannete teesid. Tartu, 1971, lk. 13).

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 104.

³² М. Г. Маркова. Ук. работа, с. 83. Х. Сепп. Ук. работа, с. 13.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, 44.

этом вещественном носителе имеются доли, которые соответствуют долям в самой стоимости товара.

Потребительная стоимость товара — эта сама вещь с присущими ей полезными свойствами. Потребительная стоимость в таком понимании весьма близка понятию объекта собственности, в том числе и объекта общей собственности. В обоих случаях мы имеем дело с вещью как объективной реальностью, частью материального мира. Разница только в том, какой аспект данной вещи в конкретном случае акцентируется. Если мы рассматриваем вещь в качестве объекта собственности, то акцентируем ее принадлежность кому-нибудь. Если же мы рассматриваем вещь в качестве потребительной стоимости, то акцентируем ее свойства, которые способны удовлетворять какую-нибудь потребность людей. Оба эти признака существуют у вещей, как правило, одновременно, не исключая друг друга. Такая тождественность объекта собственности и потребительной стоимости дает в объективном плане основание сказать, что в обоих случаях однородны и доли в вещи. Следовательно, долю в общей вещи (в общем имуществе, в объекте общей собственности) можно рассматривать также в качестве вещественного носителя доли в стоимости той же вещи как товара.

Характер взаимосвязи между долями в вещи как товара (в имуществе) и долями в стоимости определяет и взаимосвязь объемов этих долей как равных величин. Доле в имуществе соответствует по объему такая же доля в стоимости. Большей доле в имуществе соответствует большая доля в стоимости, меньшей доле в имуществе соответствует меньшая доля в стоимости. Объем долей как в имуществе, так и в стоимости выражается в дроби и в процентном отношении. Конкретной дроби или процентному показателю в имуществе соответствует всегда такая же величина в стоимости и наоборот. Поэтому по величине доли в имуществе можно решить вопрос об объеме доли в стоимости и по величине доли в стоимости можно решить вопрос об объеме доли в имуществе.

Что же является основой определения объема долей в имуществе и в стоимости? Некоторые авторы считают, что объем доли в стоимости определяется размером имущественных взносов и труда, вложенных в создание или приобретение общего имущества (общей вещи).³⁴ Утверждать это в виде общего правила неверно. Весьма существенным основанием определения объема долей в имуществе, а следовательно и в стоимости, являются закон и договор, а также односторонняя сделка. Например, при наследовании по закону объем каждого наследника определяется законом (Основы, ст. 118), при наследовании по завещанию — наследователем (Основы, ст. 119). В обоих случаях имуществен-

³⁴ М. Г. Маркова. Ук. работа, с. 82. Х. В. Сепп. Ук. работа, с. 8.

ные взносы и труд наследников для приобретения части наследственного имущества вообще не нужны. Законом предвосхищен и предполагаемый объем долей в общем имуществе супругов (ст. 21 КоБС РСФСР, ст. 24 КоБС ЭССР) и членов колхозного двора (ст. 129 ГК РСФСР, ст. 132 ГК ЭССР) вместе с указанием случаев, когда можно при определении конкретных долей от этого предполагаемого объема отступить. При приобретении имущества несколькими лицами по договору, объем доли каждого в общем имуществе определяется соглашением между ними и имущественные взносы или труд вкладываются в соответствии с этим соглашением (т. е. договором). Объем долей в общем имуществе и в его стоимости определяется размером имущественных взносов и труда только в тех исключительных случаях, когда это не предусмотрено законом, договором или односторонней сделкой, а также, когда законом допускается возможность изменения принципа равенства долей супругов и членов колхозного двора.

Имея в виду изложенное, нет оснований для признания существования долей только в стоимости и для отрицания их в самом имуществе, так же как нельзя говорить о долях в имуществе, и подразумевать под ними в действительности доли в стоимости, как это делают сторонники концепции «доля в стоимости».

Непосредственным результатом такой точки зрения является представление о том, что общим собственникам принадлежат не доли в общем имуществе (доли в потребительной стоимости), а доли в стоимости, что при купле-продаже доли в общем имуществе отчуждается и приобретается действительно доля в стоимости в ее денежном выражении. Оправданно возникает при таком представлении вопрос: кому же принадлежит общая вещь, если общим собственникам принадлежат только доли стоимости в ее денежном выражении? Такое представление противоречит также тому, что целью общей собственности является удовлетворение производственных и личных потребностей общих собственников. Общие собственники заинтересованы именно в получении и использовании доли в вещи как потребительной стоимости. Стоимость общего имущества интересует общих собственников только при выделе из общей собственности или при прекращении общей собственности вообще.

Резюмируя изложенное, можно констатировать существование долей как в общем имуществе (в общей вещи), так и в стоимости его. Но если речь идет о долях при существовании отношений общей собственности, то под ними следует подразумевать, в первую очередь, доли в объекте отношений общей собственности, т. е. в общем имуществе. Именно доли в общем имуществе, принадлежащее общим собственникам, обуславливают меру их владения, пользования и распоряжения общим имуществом. Мера владения, пользования и распоряжения общего имущества общим

собственником обуславливает, в свою очередь, объем отношения общей собственности с участием этого же общего собственника. Показателями объема отношений общей собственности являются те же самые дроби (или процентные отношения), которые выражают принадлежность общим собственникам долей в общем имуществе. Объем отношений общей собственности эти дроби (или процентные показатели) выражают в сравнении с условным отношением индивидуальной собственности, объектом которой является то же самое имущество в неразделенном виде.

Обратимся теперь снова к вопросу о долевого характере отношений общей собственности. Возможно ли существование долей в общественном отношении и можно ли говорить о долевого характере этого явления? Думается, что это возможно. Например, отношение собственности состоит из трояких общественных отношений — из отношений владения, пользования и распоряжения. Об этих составных частях отношения собственности и можно говорить как о долях в отношениях собственности и в этом смысле отношение собственности имеет долевого характер. Этот принцип действует и в отношениях общей собственности.

Но нас интересуют сейчас не те признаки, которые свойственны отношениям собственности вообще, а специфические признаки отношений общей собственности, в данном случае такой их долевого характер, который вытекает из обстоятельств, свойственных только отношениям общей собственности. Такими обстоятельствами являются: множественность собственников при одном объекте отношений собственности, долевого характер этого объекта и его стоимости, ограниченный характер поведения общего собственника в сравнении с индивидуальным собственником. Обуславливают ли эти обстоятельства специфический долевого характер отношений общей собственности?

Ответ на этот вопрос зависит от общего понимания отношений общей собственности. Если считать отношением общей собственности совокупность общественных отношений между общими собственниками одной и той же вещи, а также между ними и всеми остальными лицами, то следует ответить на поставленный вопрос положительно. Если же считать отношением общей собственности общественное отношение между общим собственником и всеми остальными лицами, в том числе и другими общими собственниками той же вещи, то ответ будет отрицательным.

В первом случае логическим основанием для существования долей было бы деление отношений общей собственности по отдельным общим собственникам. Эти доли в совокупности составили бы единое отношение общей собственности. В другом случае такое основание отсутствует. Нет и других критериев для обоснованного деления общественного отношения между одним общим собственником и всеми остальными лицами. Для этого не подходит ни круг субъектов общей собственности, ни доли в

объекте собственности и в его стоимости, ни своеобразное поведение самого общего собственника.

По кругу субъектов было бы единственно возможным вариантом деление отношения одного общего собственника с другими общими собственниками, с одной стороны, и со всеми остальными лицами, с другой. Но такое деление было бы чисто искусственным, оно ничем не обусловлено и ничего существенного не выражает. Поэтому говорить о долях в отношениях общей собственности в таком понимании не имеет смысла. Объем доли в объекте общей собственности и в его стоимости, как мы уже видели, оказывает влияние на меру поведения общего собственника, а через его поведение и на отношение общей собственности, но не в направлении деления на доли самого этого общественного отношения.

Итак, остается разрешить вопрос, какое именно общественное отношение из названных двух вариантов является отношением общей собственности. Представляется, что отношение собственности как абсолютное общественное отношение вообще — это взаимосвязь одного лица (собственника) с неопределенным кругом остальных лиц (несобственников). Множественность субъектов на стороне собственника при одной вещи обуславливает возникновение множественности соответствующих общественных отношений. При нескольких (общих) собственниках одна вещь в качестве единого объекта отношений собственности не может служить основанием единого общественного отношения, ибо общественные отношения возникают в результате поведения людей и именно последние образуют общественные отношения, действуя индивидуально (индивидуальным субъектом) или коллективно (коллективным субъектом). Понятно, что определяющим в этой части является активное поведение субъектов общественных отношений. Поэтому в абсолютных общественных отношениях число активных субъектов и определяет число соответствующих общественных отношений. Суммируя эти отношения собственности, в которых при одной и той же вещи собственниками являются два или несколько лиц, мы не получим ни количественно, ни качественно новое общественное отношение. Характер объекта отношений собственности, как мы уже видели, оказывает определенное влияние на поведение собственников и через это на отношение собственности, но и оно не может слить два или более отношений собственности в одно единое отношение.

Таким образом, признавая, что отношением общей собственности является взаимосвязь между общим собственником и всеми остальными лицами, в том числе другими общими собственниками одной и той же вещи, мы признаем также, что в отношении общей собственности отсутствуют доли, которые были бы обусловлены долями в общей вещи (имущества) и соответствовали бы последним. Доли в общей вещи оказывают влияние только на

объем отношения общей собственности, которое всегда меньше в сравнении с индивидуальной собственностью на ту же вещь.

Все изложенное позволяет нам определить понятие отношения общей собственности как общественное отношение по владению, пользованию и распоряжению общей вещью (общим имуществом) между общим собственником и всеми остальными лицами, в том числе и другими общими собственниками той же вещи (того же имущества), причем объем этого общественного отношения обусловлен объемом доли общего собственника в общей вещи (в общем имуществе).

Виды отношений общей собственности. Понятие общей собственности, будучи разновидностью понятия отношений собственности, представляет собой в то же время общее понятие, которое включает в себя два подвида отношений общей собственности — отношения общей долевой собственности и отношения общей совместной собственности. Оба эти вида отношений общей собственности имеют однородные общие признаки, свойственные отношениям общей собственности в целом, признаки, рассмотренные в первой части настоящей работы. Отношения общей долевой и общей совместной собственности имеют кроме того свои специфические признаки, свойственные только им отдельно и характеризующие эти отношения как разновидности отношений общей собственности.

Специфические признаки отношений общей долевой и общей совместной собственности вытекают первоначально из особенностей субъектного состава общих собственников в конкретном случае.

Общими собственниками могут выступать все субъекты гражданского оборота — государство, юридические лица и граждане. Таково наиболее общее деление общих собственников, но признаки, которые являются основанием этого деления общих собственников, не служат основанием разграничения отношений общей долевой и общей совместной собственности. Правда, государство и юридические лица выступают субъектами отношений общей собственности на стороне общих собственников только в отношениях общей долевой собственности, зато граждане могут быть такими же субъектами в отношениях как общей долевой, так и общей совместной собственности. Хотя государство, юридические лица и граждане существенно отличаются друг от друга как субъекты общественных отношений, эти их особенности не выступают как специфические признаки отношений общей долевой и общей совместной собственности.

Поскольку граждане выступают субъектами в отношениях как общей долевой, так и общей совместной собственности, постольку обоснованно искать особенности общих собственников, обуславливающие различие отношений общей долевой и общей совместной собственности, именно у граждан.

Первое, что мы замечаем при рассмотрении отношений общей собственности с участием граждан, является то, что в некоторых случаях граждане выступают такими же субъектами отношений собственности, как государство и юридические лица. Это те случаи, когда определен объем доли граждан в общем имуществе. Объем доли государства и юридических лиц в общем имуществе всегда является определенным. Это обстоятельство и объединяет всех этих субъектов как общих собственников.

В других случаях объем доли граждан в общем имуществе не определен. Имеются в виду случаи, когда граждане являются общими собственниками в качестве супругов или членов колхозного двора. Неопределенность объема доли в общем имуществе существенно отличает супругов и членов колхозного двора как общих собственников от государства и юридических лиц.

Чем обусловлено, что у граждан в одних случаях доля в общем имуществе определена, а в других не определена? Является ли этим обстоятельством гражданское законодательство, которое исходит в одних случаях из определенности, а в других из неопределенности объема долей в общем имуществе граждан? Думается, что нет. Правовые нормы только упорядочивают и закрепляют уже сложившиеся материальные отношения между гражданами по поводу общей вещи. Решающее значение имеет здесь другое обстоятельство, а именно — наличие или отсутствие такой личной связи между гражданами, которая предполагает существование у них для удовлетворения их материальных и культурных потребностей общего имущества без определения долей. Такой личной связью являются супружество и членство в колхозном дворе.

Брак и колхозный двор имеют некоторые сходные цели. Они одинаковые объединения лиц в том смысле, что оба могут существовать и добиваться цели, ради которых созданы, только на базе общего имущества. «Коммунистическое воспитание подрастающего поколения, развитие его физических и духовных сил является важнейшей обязанностью семьи».³⁵ Само собой разумеется, что главная тяжесть в этом деле лежит на супругах и что эта обязанность может быть успешно выполнена супругами лишь сообща, путем применения для этого как духовных ценностей, так и имущественных средств и ресурсов. Характер супружеских обязанностей, возможные и нормальные пути их выполнения, а также принцип равноправности супругов — все это делает ненужным во время брака определение долей в общем имуществе супругов как равными, так и неравными величинами. Однократное определение долей в супружеском имуществе в принципе возможно, но осуществление этого на практике связано, как

³⁵ Преамбула «Основ семейного законодательства Союза ССР и союзных республик».

правило, с обращением взыскания на имущество одного супруга, с аномалией в брачных отношениях или с прекращением брака вообще.

Колхозный двор как семейно-трудовое объединение лиц — это, как правило, аналогичное браку общественное образование. Это объединение лиц обычно включает в себя и супругов, а часто его субъектный состав и ограничивается лишь супругами. Колхозный двор непосредственно связан с общим имуществом, на базе которого происходит общее удовлетворение материальных и культурных потребностей его членов и коммунистическое воспитание подрастающего поколения. Свообразие семейно-трудового коллектива, в состав которого включаются как разные члены, кроме трудоспособных, также малолетние, престарелые и другие нетрудоспособные лица, общее ведение подсобного домашнего хозяйства на приусадебном участке, общее удовлетворение основных потребностей членов двора — все это делает ненужным определение долей в общем имуществе членов колхозного двора как равными, так и неравными величинами. Такое определение долей в общем имуществе членов колхозного двора требуется только в случае выхода члена двора из его состава, без образования нового двора, а также при образовании из одного двора двух или нескольких дворов, при обращении взыскания по личным обязательствам члена двора и при прекращении существования колхозного двора с разделом общего имущества между членами двора (ст. ст. 129 и 133 ГК РСФСР, ст. ст. 132 и 136 ГК ЭССР).

Определение долей в общем имуществе обуславливает владение, пользование и распоряжение этим имуществом, а также участие в доходах от него и в расходах по управлению и содержанию им соразмерно доле каждого общего собственника. В супружеских отношениях и в колхозном дворе определение долей в общем имуществе означало бы, что супруги и члены колхозного двора участвовали бы в воспитании детей и в уходе за престарелыми, а также в ведении подсобного хозяйства на приусадебном участке и в расходах на питание, жилье и т. д. лишь за счет общего имущества и в точном соответствии со своими долями в общем имуществе. Такое определение участия супругов и членов колхозного двора в общих делах семейного коллектива противоречило бы целям их личной связи, существенно ослабило бы экономическое единство брака и колхозного двора и тем самым причинило бы вред интересам семьи, семейно-трудового коллектива и всего общества. Поэтому наше законодательство совершенно обоснованно признает общее имущество принадлежащим супругам и членам колхозного двора без определения долей и соответствующие общественные отношения — отношениями общей совместной собственности (ч. 1 ст. 12 «Основ семейного законодательства», ст. 20 КоБС РСФСР, ст. 20 КоБС ЭССР, ст. ст. 26

и 27 «Основ гражданского законодательства», ст. ст. 116 и 126 ГК РСФСР, ст. ст. 120 и 129 ГК ЭССР). Практически это означает равное положение супругов и всех членов колхозного двора в повседневных общих имущественных делах, а в необходимых случаях возможность определения долей супругов или членов двора в их общем имуществе, соответственно конкретным обстоятельствами, либо равными, либо неравными по объему (ч. 3 ст. 12 «Основ семейного законодательства», ст. 21 КоБС РСФСР, ст. 24 КоБС ЭССР, ст. ст. 127 и 129 ГК РСФСР, ст. ст. 130 и 132 ГК ЭССР). Такое имущественное положение супругов и членов колхозного двора полностью соответствует сущности и целям брака и колхозного двора на современном этапе развития нашего общества.

При отсутствии такой личной связи, которая характеризует отношения супругов и членов колхозного двора, у общих собственников имеется необходимость определения их долей в общем имуществе. Поскольку в таком случае общие собственники удовлетворяют свои потребности не сообща, а раздельно, постольку они заинтересованы в определении того, какими являются их доли в общем имуществе и в каком объеме они могут владеть, пользоваться, распоряжаться общим имуществом, получать доходы от этого имущества, а также того, в каком объеме им следует принимать участие в расходах по управлению и содержанию общего имущества.

Итак, мы можем констатировать, что определение либо неопределение долей в общем имуществе вытекает из особенностей субъектного состава отношений общей собственности, точнее, из характера личных связей между общими собственниками. Определенность либо неопределенность долей в общем имуществе, в свою очередь, обуславливает двоякую меру поведения общих собственников и две разновидности отношений общей собственности. В одном случае мера возможного поведения общего собственника и объем отношения общей собственности соответствует объему доли в общем имуществе, размер которой в дроби или процентном выражении всегда известен. Во втором случае мера возможного поведения общего собственника и объем отношения общей собственности предполагаются равными мере возможного поведения других общих собственников одной и той же вещи и объему, соответствующих отношений общей собственности, независимо от объема доли в общем имуществе, принадлежащей этому общему собственнику, и определяются лишь при прекращении отношения общей собственности. Этими двумя разновидностями отношений общей собственности и являются отношения общей долевой собственности и общей совместной собственности, о которых в законе (ст. 26, ч. II «Основ гражданского законодательства», ст. 116, ч. II ГК РСФСР, ст. 120, ч. II ГК ЭССР) сказано: «Различается общая собственность с определением долей

(долевая собственность) или без определения долей (совместная собственность)».

Выражение «без определения долей» иногда в литературе толкуется как «без долей» («бездолевая собственность»), т. е. в отношениях общей совместной собственности доли в общем имуществе якобы вообще отсутствуют.³⁶ Такое толкование приводит к искажению смысла вышеуказанного текста закона, ибо выражения «без определения долей» и «без долей» не тождественны по содержанию. Первое из них значит, что доли по объему, по месту нахождения и т. д. не определены в каком-нибудь явлении, но это не исключает вообще существование долей в том же явлении. Другое выражение категорически отрицает существование долей вообще. Думается, что в указанном тексте закона не случайно употреблено выражение «без определения долей», что законодатель имел в виду действительный характер общего имущества и отношений общей совместной собственности и что он подчеркивает этим выражением не отсутствие, а неопределенность долей в общем имуществе.

Существование долей в общем совместном имуществе в специальной литературе обосновали уже М. Рейхель³⁷ и М. Г. Шах³⁸. Этот принцип признается по существу большинством авторов и закрепляется указанными выше нормами гражданского и семейного законодательства. Поэтому нет необходимости останавливаться здесь подробнее на этом вопросе.

В связи с отношениями общей совместной собственности возникает также вопрос, существует ли этот вид отношений собственности только с участием супругов и членов колхозного двора в качестве общих собственников или можно найти этот вид отношений общей собственности и с участием каких-то других субъектов в качестве общих собственников? Частичный ответ на этот вопрос содержится в действующем гражданском законодательстве. В ст. 134 ГК РСФСР и в ст. 137 ГК ЭССР установлено, что имущество единоличного крестьянского двора принадлежит его членам на праве совместной собственности. Значит, законодатель признает отношения общей собственности в единоличном крестьянском дворе отношениями общей совместной собственности.

С этим положением следует согласиться, ибо оно соответствует характеру общественных отношений в единоличном крестьянском дворе. В этом дворе, как и в колхозном дворе, члены двора ведут хозяйство сообща на общем земельном участке. Правда, в единоличном крестьянском дворе общее хозяй-

³⁶ Д. М. Генкин. Право собственности в СССР. М., 1961, с. 149; В. Ф. Маслов. Основные проблемы права личной собственности в период строительства коммунизма в СССР. Харьков, 1968, с. 134—135, 153.

³⁷ М. Рейхель. Ук. работа, с. 120—121.

³⁸ М. Г. Шах. Ук. работа, с. 7—8.

ство базируется в основном на отношениях частной собственности, объектами которой являются и средства производства; часть продукции этого двора предназначена с самого начала для реализации на рынке, чтобы получить средства для приобретения всего нужного, что в своем хозяйстве не производится; доходы от хозяйства являются основным источником удовлетворения нужд членов двора. В колхозном же дворе подсобное хозяйство базируется в основном на отношениях личной собственности, среди объектов которой, кроме вещей потребительского значения, могут быть только мелкие средства производства; продукция подсобного хозяйства предназначена для удовлетворения личных нужд членов колхозного двора, реализуется из нее только та часть, которая составляет излишек личного потребления; доходы от подсобного хозяйства членов колхозного двора имеют дополнительный характер, основным источником их доходов является участие в общественном хозяйстве колхоза. Несмотря, однако, на указанные различия, имущественные отношения этих дворов с точки зрения интересующего нас аспекта, одинаковы. Оба коллектива могут существовать и добиваться цели, ради которых они созданы, только лишь на базе общего имущества их членов. Семейно-трудовой характер этих объединений граждан, охватывающих в качестве равноправных членов, кроме трудоспособных, также малолетних, престарелых и других нетрудоспособных лиц; общее ведение хозяйства на предоставленном им участке земли; общее удовлетворение основных потребностей членов двора — все это препятствует определению долей в их общем имуществе во время нормального существования этих дворов. Неопределенность долей в общем имуществе, в свою очередь, обуславливает совместный характер отношений общей собственности членов обоих этих семейно-трудовых дворов.

Имея в виду различные и совпадающие признаки колхозного двора и единоличного крестьянского двора, возникает вопрос о природе отношений собственности в семьях работников совхоза³⁹ и в других объединениях граждан, базирующихся на пользовании приусадебным участком земли. В специальной литературе и в гражданском законодательстве отношения общей собственности членов этих дворов не считаются отношениями общей совместной собственности. Возникает вопрос, почему?

Найти ответ на этот вопрос трудно. Особенно, если иметь в виду отношения общей собственности членов совхозного двора, которые пользуются приусадебным участком земли в совхозе, и сравнить этот вид отношений общей собственности с отношениями общей совместной собственности колхозного двора.

Главное различие между этими крестьянскими дворами сос-

³⁹ Далее, в интересах единства и краткости, обозначается термином «совхозный двор».

тоит в том, что первый из них опирается на участие его членов в общественном производстве совхоза, т. е. государственного сельскохозяйственного предприятия, а второй — на участие в общественном производстве колхоза, т. е. кооперативного сельскохозяйственного предприятия. Значит, в основе этих крестьянских дворов лежат разные формы отношений социалистической собственности — отношения государственной собственности и отношения кооперативной собственности. Но может ли это обстоятельство служить основанием для того, чтобы отношения общей собственности в одном дворе признавались совместными, а в другом — долевыми. Думается, что нет. Если таким основанием не являются различия между отношениями частной собственности в единоличном крестьянском хозяйстве и отношениями социалистической собственности в колхозном производстве, то таким основанием тем более не должно быть и различие между двумя формами отношений социалистической собственности.

Хотя колхозный двор и совхозный двор получают свои основные доходы из разных секторов социалистического сельского хозяйства, которые на современном этапе развития нашего общества сохраняют между собой определенные различия, отношения общей собственности в этих дворах по существу одинаковы. Основанием возникновения отношений общей собственности в обоих дворах являются не чисто имущественные интересы (что характерно для отношений общей долевой собственности), а семейно-трудовая связь между членами двора, которые сообща ведут подсобное хозяйство на общем земельном участке. И в том, и в другом дворе в ведении подсобного хозяйства по мере способности и возможности принимают участие и малолетние, и престарелые, и другие нетрудоспособные члены двора, не участвующие в общественном производстве. Они же принимают участие в доходах и расходах подсобного хозяйства. Такое общее ведение подсобного хозяйства и единство этих семейно-трудовых объединений обусловлены в большей мере тем, что право землепользования по действующему земельному законодательству имеют только совместно проживающие и ведущие общее домашнее хозяйство члены двора (ст. 78 ЗК ЭССР).

Вряд ли верно признавать сложившиеся в этих дворах одинаковые по существу отношения общей собственности в одном случае отношениями общей совместно, а в другом — общей долевой собственности. Последнему варианту противоречит, между прочим, невозможность определения долей членов в общем имуществе двора в таких размерах, которые за все время существования двора соответствовали бы их участию в общих делах двора, а также невозможность регулирования участия членов двора в общих делах двора и в несении расходов и получении доходов с общего имущества так, чтобы это соответствовало бы заранее определенным размерам их долей в общем имуществе.

Аналогичное семейно-трудовому объединению рабочих и служащих совхоза положение существует и в других семьях в деревне, — которые ведут подсобные хозяйства на приусадебном участке земли. Поэтому думается, что во всех этих дворах сложившиеся отношения общей собственности членов двора, вытекающие из ведения подсобного хозяйства на приусадебном участке земли, являются отношениями общей совместной собственности. И с другой стороны — при отсутствии у колхозного двора приусадебного участка земли и подсобного хозяйства, отношения общей собственности членов этого двора соответствуют по своему характеру не общим совместным, а общим долевым отношениям собственности.

Наконец, терминологическое замечание. Для точного обозначения субъектов отношений общей собственности в целом и по отдельным видам нужно их последовательное наименование разными терминами, которые в то же время максимально соответствовали бы сущности выражаемых ими явлений. Самым широким термином в этом смысле является «участник общей собственности», который охватывает всех общих собственников, в том числе и юридических лиц, участвующих в отношениях общей собственности, будучи субъектами отношений оперативного управления имуществом государства, кооперативных и общественных организаций. «Общий собственник» — это общий термин, которым охватываются собственники в отношениях как общей долевой, так и общей совместной собственности. Для обозначения общих собственников в этих подвидах отношений общей собственности целесообразно пользоваться соответственно терминами «сособственник» и «совместный собственник».

ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРОВ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Канд. юрид. наук Э. Л. Плоом

Кафедра гражданского права и процесса

Многочисленные договоры бытового обслуживания, заключенные для удовлетворения бытовых нужд граждан, исполняются предприятиями бытового обслуживания в основном надлежащим образом. Однако иногда в силу различных причин возникают препятствия в исполнении названных договоров и тогда встают вопросы о возможных последствиях, о судьбе самих договорных отношений и т. д. В юридической литературе уделено большое внимание исследованию вопросов, связанных с исполнением договоров¹ и ответственностью сторон², в том числе и сторон по договору бытового обслуживания³. В рамках данной статьи рассматриваются лишь некоторые вопросы исполнения договоров бытового обслуживания, исходя при этом из обеспечения осуществления прав заказчика во время выполнения работ.

Договоры бытового обслуживания заключаются между сторонами для достижения определенного результата: изготовление или ремонт предмета, оказание услуги и т. д., причем обе стороны заинтересованы в достижении намеченной цели. Для этого законодательством установлены обязанность подрядчика исполнить

¹ Напр., З. Г. Крылова. Исполнение договора поставки. М., 1968; В. С. Толстой. Исполнение обязательств. М., 1973 и др.

² Напр., Г. К. Матвеев. Основания гражданскоправовой ответственности. 1970; В. К. Мамутов, В. В. Овсиенко, В. Я. Юдин. Предприятие и материальная ответственность. Киев, 1971 и др.

³ В. А. Тархов. Материальная ответственность предприятий бытового обслуживания перед заказчиком. В кн.: Бытовое обслуживание населения (Правовые вопросы). М., 1968; Н. В. Баринов. Ответственность сторон по договору бытового заказа. — «Советская юстиция», 1970, № 14; А. Ю. Кабалкин. Сфера обслуживания: гражданскоправовое регулирование. «Наука», 1972; Э. Л. Плоом. Об ответственности предприятия бытового обслуживания за качество выполненных работ. — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 298. Труды по правоведению XIV. Тарту, 1972 и другие авторы.

договор надлежащим образом и право заказчика наблюдать за ходом выполнения подрядчиком работ как с точки зрения своевременности их выполнения, так и надлежащего их качества. Надо отметить, что предприятия бытового обслуживания в основном выполняют все обязанности, установленные Правилами или договорами бытового обслуживания, но иногда это не удается в силу разных причин.

Более распространенным нарушением условий договора является невыполнение работы в установленный срок. Прежде всего необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что срок исполнения заказа обычно устанавливается при заключении договора предприятием обслуживания, берущим на себя обязанность выполнить работу. При этом оно не связано иногда никакими даже предельными сроками, так как в некоторых Правилах предусмотрено, что срок выполнения заказа определяется в порядке поступления заказов⁴. Такое положение нельзя признать правильным, оно не обеспечивает интересов заказчиков. Предприятие обслуживания всегда может сослаться на перегрузку и по своему усмотрению устанавливать очень длительные сроки.

Представляется, что в Правилах или в типовых договорах должны быть установлены конкретные сроки для выполнения заказа на данный вид обслуживания. Примером может служить пункт 9 Правил оформления индивидуальных заказов на обувь⁵, которым установлено, что заказ, оформленный как срочный, выполняется в течение восьми дней. И только в рамках установленного Правилами предельного срока стороны договора определяют конкретный срок выполнения данного заказа. К сожалению, предложения о введении изменений такого рода в иные Правила, сделанные уже несколько лет назад⁶, не нашли отражения даже в Правилах, принятых в последнее время.

Основным недостатком является то, что заказы не исполняются предприятиями бытового обслуживания в срок, т. е. не соблюдаются сроки, которые самой организацией были установлены. Это очень серьезное нарушение договорной дисциплины и может причинить заказчику иногда большие убытки, а иногда в

⁴ См. напр., п. 5 Правил бытового обслуживания по изготовлению текстильных изделий, утвержденных приказом Министра бытового обслуживания Эстонской ССР от 12 июня 1972 г. № 159; п. 7 Правил оформления индивидуальных заказов на изготовление вязаных изделий, утвержденных приказом Министра бытового обслуживания Эстонской ССР от 8 июня 1972 г. № 158; п. 7 Правил бытового обслуживания по выполнению скорняжных работ, утвержденных приказом Министра бытового обслуживания Эстонской ССР от 12 июня 1972 г. № 159, и другие правила обслуживания.

⁵ Утверждены приказом Министра бытового обслуживания Эстонской ССР от 18 августа 1970 г. № 183.

⁶ См. напр., И. П. Прокопченко. Правовые вопросы бытового под-
ряда. В кн.: Бытовое обслуживание населения (правовые вопросы). М., 1968,
с. 49.

результате просрочки исполнение утрачивает для заказчика интерес. Примером последнего можно привести следующий казус из практики арбитража. Министерство автомобильного транспорта и автомобильных дорог Эстонской ССР заключило договор с комбинатом бытового обслуживания, «Тбб», по которому последний должен был изготовить министерству эмблемы головных уборов и сувенирные шапочки, предназначенные для использования в дни спартакиады предприятий министерства. Однако комбинат заказ в срок не выполнил, а заказчик не мог пользоваться заказанными предметами после спартакиады, вследствие того, что эмблемы и шапочки были специально оформлены для данной спартакиады. Поэтому министерство отказалось от принятия предметов и потребовало возврата суммы, уплаченной комбинату при заключении договора⁷. Иск был арбитражем удовлетворен. Такая позиция арбитража является обоснованной.

Иногда невыполнение заказа к установленному договором сроку причиняют заказчику существенные убытки. Официальные последствия могут выражаться в разных формах. В качестве простейших примеров можно указать убытки заказчика вследствие потери времени, расходов по переезду и т. п. В литературе сделано предложение о введении определенной платы предприятиями бытового обслуживания за каждую напрасную (по вине предприятия) явку заказчика, причем размер платы должен быть установлен после изучения данного вопроса и сумма выплачена без обращения заказчика в суд⁸. Другие авторы считают весьма проблематичной возможность точного определения размера убытков, понесенных гражданами в результате потерянного времени, и находят, что в известной мере компенсацией потерянного времени мог бы служить штраф в твердо установленном размере⁹. Предлагается установить в Типовых договорах норму, в силу которой заказчик имел бы право, в случае просрочки исполнения, требовать от подрядчика возмещения причиненных в результате просрочки исполнения убытков. Эту меру воздействия предлагается дополнить еще положением, обязывающим подрядчика в таких случаях уплачивать заказчику неустойку¹⁰. С этим предложением можно согласиться. Что касается возможности точного определения размера убытков, то это на самом деле

⁷ Дело № 1373 Государственного арбитража при Совете Министров Эстонской ССР за 1968 г.

⁸ В. А. Гархов. Материальная ответственность предприятий бытового обслуживания перед заказчиком. В кн.: Бытовое обслуживание населения (правовые вопросы). М., 1968, с. 143.

⁹ А. Ю. Кабалкин. Сфера обслуживания: гражданско-правовое регулирование. «Наука», 1972, с. 192.

¹⁰ И. П. Прокопченко. Правовые вопросы бытового подряда. В кн.: Бытовое обслуживание населения (правовые вопросы). М., 1968, с. 49—50.

очень трудно, а при возмещении убытков, как известно, надо исходить лишь из тех убытков, наличие которых доказано.

Следует отметить, что в некоторых Правилах эти проблемы в какой-то мере уже разрешены. Так, например, в Правилах выполнения заказов на строительные работы в бытовом обслуживании населения¹¹ предусмотрены за просрочку уплата пени и неустойки. Так предприятие обслуживания при просрочке начала или окончания работ уплачивает пени 0,1% из стоимости работ за каждый день просрочки и если оно не закончит работы в течение двух недель после срока, установленного для их окончания, то уплачивает еще неустойку в размере 2% стоимости не сделанных работ. Можно отметить, что судебные органы при решении таких споров, правильно применяли нормы означенных Правил и удовлетворили иски заказчиков.¹²

Такую систему санкций — пеня, неустойка и возмещение убытков — целесообразно распространять и на другие виды бытовых заказов, установив это во всех Правилах и Типовых договорах. При этом в интересах граждан, следует установить пеню за просрочку, исчисляемую за каждый день в процентном отношении к стоимости всего заказа, включая стоимость материала, безотносительно к тому, из чьего материала выполняется работа. Ответственность за просрочку целесообразно установить в форме штрафной неустойки.¹³ Все эти меры вместе могут оказать наиболее существенное воздействие на неисправное предприятие бытового обслуживания и стать эффективными юридическими мерами обеспечения сроков исполнения бытовых заказов. Наряду с нарушением сроков исполнения заказа, предприятиями обслуживания нарушаются и другие условия договора. Типичным является нарушение условий, определяющих качество работы. Выполнение работы должно соответствовать требованиям заказчика, вещь должна отвечать индивидуальным потребностям и вкусам заказчика¹⁴. Но это, к сожалению, не всегда обеспечено реальными гарантиями. Для иллюстрации можно привести следующий пример. Гр. М. заказал разборный шкаф, но шкаф был изготовлен неразборным. Заказчик отказался принять шкаф и обратился в суд с требованием о прекращении договора и возврате уплаченных сумм. Свое требование он обосновывал тем, что при оформлении заказа он неоднократно говорил о необходимости сделать шкаф разборным, необходимость такого

¹¹ Правила, утвержденные приказом Министра бытового обслуживания Эстонской ССР от 11 августа 1970 г. № 177.

¹² Дело № 2-677 Народного суда города Тарту за 1968 г.

¹³ Н. Г. К а т а н я н. Договор подряда с организациями бытового обслуживания. М., 1964, с. 69.

¹⁴ И. П. П р о к о п ч е н к о. Правовые вопросы бытового подряда. В кн.: Бытовое обслуживание населения (правовые вопросы). М., 1968, с. 42.

требования доказывалась и очень большими размерами шкафа. Однако иск был оставлен неудовлетворенным¹⁵.

Одна из особенностей договора подряда заключается в том, что если подрядчик допустил существенные отступления от условий договора, либо иные существенные недостатки в работе, заказчик вправе требовать расторжения договора и возмещения убытков. Иногда такие случаи встречаются в практике. Так, например, гр. С. заключил договор с комбинатом обслуживания на производство капитального ремонта жилого дома. Подрядчик приступил к исполнению договора, но выполнял работы очень медленно и некачественно. Заказчик обратился с иском в суд и потребовал расторжения договора, а также возмещения причиненных ему убытков. Проведенная по делу экспертиза подтвердила полностью доводы истца, и иск был удовлетворен.¹⁶ Надо отметить, что в Правилах выполнения заказов на строительные работы оговорено право заказчика при наличии уважительных причин отказаться от договора в любое время, уплатив подрядчику за исполненные работы. С таким положением можно полностью согласиться и считать целесообразным это право заказчика зафиксировать в тексте договора.

Во многих других Правилах бытового заказа аналогичное право заказчика установлено в ограниченном виде. Так обычно предусматривается, что заказчик имеет право аннулировать заказ до подачи материала в обработку.¹⁷ Представляется, что право отказа от договора заказчик должен иметь всегда. В противном случае он может просто не явиться за получением заказного предмета и в результате этого наступают для подрядчика дополнительные обязанности, как, например, обязанность письменного извещения заказчика, хранения готовых изделий в течение определенного времени, продать вещь в определенном порядке и т. д. Словом, подрядчик получит плату за свою работу лишь где-то в будущем.

По договору подряда одна сторона, подрядчик, обязуется выполнить на свой риск определенную работу по заданию заказчика, а заказчик обязуется принять и оплатить выполненную работу. Таким образом определяется понятие договора подряда в законе (ст. 355 ГК). В договоре обслуживания на строительные работы эта работа заключается в строительстве или в ремонте определенных объектов. Так указана задача комбинатов обслуживания в Правилах выполнения заказов на строительные

¹⁵ Дело № 2-1007 Верховного Суда Эстонской ССР за 1972 г.

¹⁶ Дело № 2-424 Народного Суда Хаапсалуского района за 1970 г.

¹⁷ Например п. 7 Правил оформления индивидуальных заказов на обувь; п. 7 Правил бытового обслуживания по изготовлению текстильных изделий и др.

работы в бытовом обслуживании населения (п. 1). В типовом договоре указывается, что подрядчик обязуется построить своей рабочей силой, инструментами и механизмами определенный объект в соответствии с технической документацией и т. д. На основе типового договора между сторонами заключается договор, который обычно исполняется подрядчиком. Кажется, как будто бы с этим все в порядке.

Между тем, в практике встречаются иногда такие случаи, когда между сторонами заключен договор на строительные работы по бытовому обслуживанию населения, однако исполнение договора осуществляется совсем своеобразно. Фактическим исполнителем является сам заказчик. Так, например, гр. И. заключил договор с Комбинатом «Сяде» и получил 350 листов этернита за 350 рублей. Потом гр. И. предъявил иск и потребовал возврата части денег в сумме 145,56 рублей, так как розничная цена листа этернита — 0,55 рублей, а погрузочные и разгрузочные расходы составляют 6,2%. В результате этого он должен был платить комбинату всего только 204,44 рублей, т. е. переплатил 145,56 рублей.

Народный суд нашел, что кроме цены этернита истец должен заплатить 10,3% транспортных, заготовительных и складских расходов — всего 137,67 рублей. Комбинат уже возвратил истцу 85,17 рублей и таким образом иск был удовлетворен частично в сумме 52,50 рублей.

Верховный суд Эстонской ССР оставил решение народного суда без изменения, причем он указал, что комбинат причислил к цене этернита и сумму стоимости покрытия крыши, хотя фактически комбинат крышу не покрыл, а следовательно, истец необоснованно заплатил заработную плату, добавку к заработной плате, прибыль, цеховые и общезаводские расходы. При купле этернита истец должен был заплатить согласно ч. 1 ст. 245 ГК розничную цену, а также транспортные заготовительные и складские расходы, т. е. еще 10,3% из стоимости этернита¹⁸. Такая же точка зрения была высказана и в решениях по некоторым другим подобным судебным спорам¹⁹.

Следует, однако, отметить, что судебная практика не всегда является единой по аналогичным делам. Так, гр. К. получил по договору на строительные работы от комбината «Калев» 609 листов этернита и заплатил за этернит и за покрытие крыши вместе всего 795,50 рублей. Комбинат крышу не покрыл, а эти работы сделал сам истец. Так как розничная цена за лист этернита составляет только 0,55 рублей, истец потребовал возврата переплаченной суммы 460,55 рублей.

¹⁸ Дело № 2-182 Народного Суда города Пярну за 1971 г.

¹⁹ Дело № 2-183 и № 2-184 народного суда города Пярну за 1971 г.

Комбинат «Калев» в качестве ответчика, возражая предъявленному требованию, указал, что он не занимается продажей строительных материалов гражданам по розничной цене. Ответчик признал, что действительно продал истцу этернит за 395,60 руб, и получил с него за работы 399,90 рублей, но соответственно приказа директора комбината от 1 октября 1968 года за № 109 гражданин сам, выполнивший работу, имеет право после этого получить от комбината обратно 60% из суммы, уплаченной им за работу. Таким образом, по мнению ответчика, истец мог требовать от комбината только 230,94 рубля. Народный суд и удовлетворит иск в сумме 230,94 рублей.

В кассационной жалобе по делу истец указал, что комбинат не оказывал ему никаких услуг, а он сам своим транспортом возил этернит на место работы и сам покрыл крышу. Таким образом комбинат никаких расходов не понес.

Верховный суд нашел, что договор истца не обуславливает изменения решения народного суда. При этом он указал, что как видно из материалов дела комбината «Калев» этернит поштучно не продал, а заключил с гражданином договор на покрытие крыши. Соответственно порядком, установленным в комбинате для оплаты за работу, истец имеет право на возврат 60% из суммы зарплаты, что составляет 239,94 рублей. То обстоятельство, что истец не был оформлен на работу в комбинате, решающего значения не имеет, так как между сторонами было устное соглашение в отношении оплаты труда, при условии, если истец сам покрывает крышу. Ответчик не является предприятием розничной торговли и поэтому нет оснований считать ценой листа этернита 55 копеек²⁰.

Как видно из последнего примера, судебные органы тут пришли совсем к противоположному выводу. Практически они здесь закрепили право комбината бытового обслуживания на все доходы, получение которых предусмотрено при условии проведения комбинатом процесса работы. Работу в данном случае комбинат не сделал, он выполнил лишь торговую функцию — реализовал этернит, а оформил это как работу, совершенную для выполнения своего производственного плана. Таким образом, комбинат необоснованно улучшал свои плановые показатели, т. е. обманул государство, а судебные органы сочли это правильным.

В подобных случаях необходимо выяснить, какие отношения фактически были установлены между комбинатом обслуживания и гражданином и исходя из их содержания определить соответствующие права и обязанности сторон. Из приведенного выше примера видно, что между сторонами были установлены, по су-

²⁰ Дело № 2-363 Народного суда города Тарту за 1972 г.

ществу, лишь отношения купли-продажи, а поэтому покупатель должен был уплатить цену этернита и возместить расходы, фактически понесенные продавцом, напр. расходы на транспорт и др. В таком правоотношении между сторонами нет никакого основания возлагать на заказчика — фактически покупателя — обязанности, вытекающие для заказчика из иного правоотношения — правоотношения подряда.

О НЕОБХОДИМОСТИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО ПОЛЬЗОВАНИЮ ЖИЛЫМИ ПОМЕЩЕНИЯМИ В ДОМАХ ГРАЖДАН

Канд. юрид. наук Э. Лаасик

Кафедра гражданского права и процесса

1. В городах и промышленных центрах, наряду с жилыми домами, принадлежащими государству и образующими основной жилищный фонд (ст. 6 Конст. СССР), а в маленьких городах в особенности, в поселках, совхозах и колхозах довольно много жилых домов, жилой площадью около $\frac{1}{3}$ части общего жилищного фонда Союза ССР, принадлежит гражданам на праве личной собственности и образуют индивидуальный жилищный фонд. В состав последнего в Эстонской ССР входят как дома граждан, не подлежавшие национализации на основании указа Президиума временного Верховного Совета Эстонской ССР от 31 октября 1940 г. «О национализации крупных домов»¹, так и дома, построенные гражданами после Великой Отечественной войны. По размеру полезной и жилой площади эти дома не одинаковы. Они соответствуют нормам, действовавшим во время их строительства. Изучая гражданское законодательство, регулирующее возникновение права личной собственности на жилой дом у граждан, пользование гражданами и членами их семей этими домами, предоставление из этих домов жилых помещений другим гражданам на основании договора найма, и обобщая практику работы административных органов и практику рассмотрения судами споров по этим категориям дел, возникают вопросы, требующие дополнительного законодательного разрешения. Ниже в рамках настоящей статьи остановимся на некоторых основных спорных вопросах из них.

2. Как оценить общественно-политическую личность гражданина, который приобрел жилой дом путем возведения его или на основании гражданско-правовой сделки? Вопрос несколько неопределенный.

¹ «Ведомости Эстонской ССР», 1940, № 37, ст. 433.

бычен и как бы уже разрешен одобрительно законом (ст. 10 Конст. СССР, ст. 109 ГК ЭССР) в пользу гражданина. На самом деле это выглядит иначе. До сих пор существует довольно пренебрежительное отношение к собственнику дома со стороны многих других граждан, а иногда даже со стороны некоторых должностных лиц. Не секрет, что нередко считают гражданина как бы «виновным» перед кем-то просто за то, что он занял жилой дом; собственник дома нехорош, если пользуется домом слишком просторно и не впускает нанимателей, но он становится еще хуже, если пустит нанимателя, а после истечения срока договора хочет получить обратно сданное внаем жилое помещение. В художественной литературе и кинофильмах принято описывать собственника индивидуального жилого дома чаще всего, как скупого затворника, выскочку, политически отсталого человека, комбинатора, готового при первой возможности совершить противозаконную сделку. Положительных примеров как бы вообще нет. Думается, что это не совсем так. Мнение, сложившееся только на основании негативных примеров и только на основании действий некоторых граждан, действительно злоупотребляющих своим правом собственности, не общее мнение и не должно затемнять общей положительной оценки индивидуального жилищного строительства. Исходные позиции разрешения этого вопроса следующие.

Становясь на путь окончательного решения квартирной проблемы в Советском Союзе, партия и правительство, резко увеличивая объем государственного жилищного строительства, призвали и трудящиеся массы вложить свои трудовые доходы и личные сбережения в жилищное строительство. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. № 931 «О развитии жилищного строительства в СССР»² предусматривается в 1955—1960 гг. государственное жилищное строительство объемом 215 миллионов кв. м. общей площади. В городах, поселках городского типа, МТС, совхозах и леспромхозах за счет средств населения и с помощью государственного кредита будет за тот же период построено жилых домов общей площадью 113 миллионов квадратных метров, а в колхозах силами колхозников и сельской интеллигенции 4 миллиона домов. В «Контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы»,³ утвержденных внеочередным XXI съездом КПСС 5 февраля 1959 года, ставится задача построить в 1959—1965 гг. в городах и рабочих поселках за счет государственных капитальных вложений и средств населения с помощью государственного кредита жилые дома общей площадью в 650—660 миллионов кв. м. Там же указывается, что «государство будет всемерно поощрять и помогать трудящимся в строительстве собственных домов и квар-

² СП СССР 1957, № 9, ст. 102.

³ Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959, с. 238.

тир за счет личных сбережений». Увеличивается строительство в сельской местности. Силами колхозников и сельской интеллигенции предусматривается строительство около 7 миллионов жилых домов. В «Директивах XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы»⁴ предусматривается в 1966—1970 годах в городах, рабочих поселках и совхозах за счет государственных капитальных вложений и кооперативных средств построить жилые дома общей площадью около 400 миллионов квадратных метров, в селе силами населения и колхозов 2—2,5 миллионов жилых домов, а в городах, рабочих поселках и совхозах силами рабочих и служащих и с помощью государственного кредита индивидуальные жилые дома общей площадью более 80 миллионов кв. м. В «Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1971—1975 годы»⁵ предусматривается объем жилищного строительства за пятилетку за счет всех источников финансирования жилые дома общей площадью в 565—575 млн. кв. м. Подчеркивается необходимость содействия индивидуальному жилищному строительству.

Объем жилищного строительства в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы»⁶ по сравнению с предыдущей пятилеткой остается тем же (построить за счет всех источников финансирования жилые дома общей площадью 545—550 миллионов квадратных метров). Подчеркивается необходимость увеличения объема жилищного кооперативного строительства. Отмечается и содействие индивидуальному жилищному строительству в небольших городах, поселках городского типа и в сельской местности.

Наряду с увеличением в огромных масштабах объема государственного жилищного строительства, создания государственного жилищного фонда и как основного источника удовлетворения жилищных потребностей всех граждан, нельзя не констатировать и факт, что по приведенным важнейшим партийным документам предусматривалось по самым скромным подсчетам за последние четыре пятилетки построить в городах, рабочих поселках и совхозах за счет трудовых доходов и личных сбережений граждан жилые дома общей площадью более 300 миллионов квадратных метров и столько же в сельской местности силами колхозников и сельской интеллигенции. Эти цифры внушительны.

3. В указанных партийных документах подчеркивается привлечение граждан к строительству индивидуальных жилых домов за счет своих трудовых доходов и личных сбережений. Тем самым подчеркивается и источник получения гражданами средств —

⁴ Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966, с. 260—261.

⁵ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1972, с. 275.

⁶ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 219—220.

труд граждан в социалистическом хозяйстве и одна из рекомендаций, на что их расходовать — на строительство жилых домов. Напрашивается вопрос о правильном расходовании заработной платы советского гражданина. Общеизвестно, что любая сумма заработной платы гражданина может быть полностью израсходована им на повседневные нужды для себя и для своей семьи, например, на одежду, на питание, на обновление домашней обстановки, на туризм и иные способы отдыха и т. п. По стоимости эти нужды (потребности) разны. Можно купить туфли за 10 рублей или за 30 рублей, костюм за 80 рублей или за 150 рублей, копить деньги и съездить туристом три раза за границу или купить автомобиль «Запорожец» и т. п. Но удовлетворение каких материальных и культурных потребностей и в какой очередности характерно настоящему советскому человеку, передовому и образцовому члену социалистического общества, в этом нет единого мнения. Представители общественных наук должны сказать по этому вопросу свое веское слово.

Строительство жилого дома с максимальным размером жилой и полезной (общей) площади (соответственно 60 и 110 кв. м.) в настоящее время обходится застройщику округленно в среднем около 10 000 рублей. Такую заработную плату за год или за два никто не получает, не учитывая даже расходы на житье. Так или иначе строительству дома должен предшествовать довольно длительный период накопления (сбережения) средств, период, в течение которого гражданин — будущий застройщик — должен долгое время отказываться от многого для себя и для своей семьи. Гражданам, у которых нет необходимой суммы денег на все строительство, но все-таки хотят участвовать в создании индивидуального жилищного фонда путем возведения дома, помогает государство, предоставляя долгосрочный кредит. Так как полученные в долг деньги надо вернуть, период накопления средств продолжается и во время строительства дома, а также после окончания его. Только гражданам, изъявившим желание переселиться в совхозные селения с хуторов, расположенных на осушаемых, осушенных и неосушаемых землях, а также в колхозные селения с хуторов, расположенных на осушаемых и осушенных землях, предоставляется кредит (до 3500 рублей) с погашением кредита начиная с третьего года его получения с отнесением в среднем 35 процентов суммы кредита за счет государственного бюджета.⁷ Кроме того, в городах застройщикам угрожала еще одна опасность: если он нарушил сроки начала (не позднее, чем в течение одного года со дня подписания договора) или окончания строительства (три года со дня подписания договора), то отдел

⁷ Постановление Совета Министров Эстонской ССР от 3 ноября 1969 г. № 431 «О дополнительных мерах, связанных с переселением граждан с хуторов» п. 3. — ВВС ЭССР 1969, № 45, ст. 439.

коммунального хозяйства горисполкома имел право взыскать в судебном порядке с застройщика неустойку (до 50 коп. за каждый просроченный день). Если же застройщик систематически (более двух раз) без уважительных причин нарушил сроки строительства, то земельный участок мог быть отобран на основании решения исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся по решению суда, причем в пользу коммунального хозяйства взыскивался нанесенный ущерб и неустойка.⁸ Как видим, строительство индивидуального жилого дома очень дорогостоящее мероприятие, связанное со многими заботами и определенным риском.

Все это происходит в то время, когда основная масса советских граждан получает жилые помещения в свое пользование на основании договора найма из государственного или кооперативного жилищного фонда бесплатно. Это, по существу, означает, что одни граждане для удовлетворения своих потребностей в жилье должны израсходовать солидную сумму денег, другие же кладут свои сбережения в сберегательную кассу или расходуют их на иные нужды, о чем застройщики домов и их семьи даже мечтать не могут. В печати не раз справедливо отмечалось, что предоставление гражданину квартиры из государственного или иного обобщественного жилищного фонда — это величайший дар советского государства, возможный только благодаря советскому строю, при котором забота о человеке, о его обеспечении благоустроенной квартирой является одной из важнейших задач партии и правительства, сформулированной в программе КПСС. Но это еще не все. Собственник индивидуального жилого дома должен платить различные налоги и сборы (налог со строения, сборы за обязательное страхование строений, земельная рента). На собственнике лежит обязанность проведения капитального ремонта, а в городах — также обязанность уборки улицы в пределах своего земельного участка. Наниматель же платит только квартирную плату. Если сравнить только сумму годовых налогов и сборов с собственника за дом размером в 60 квадратных метров жилой площади, не учитывая даже расходов на капитальный ремонт, с суммой годовой квартирной платы за жилое помещение тем же размером в доме местного Совета депутатов трудящихся, то оказывается, что эта сумма пре-

⁸ Пункт 12 Договора на бессрочное пользование земельным участком для строительства индивидуального жилого дома — приложение к циркулярному письму Министерства коммунального хозяйства Эстонской ССР от 18 апреля 1957 г. Е-1555. Кстати, договоры на бессрочное пользование земельным участком для строительства индивидуальных жилых домов в сельской местности не заключались, сроки начала и окончания строительства, а следовательно, и уплата неустойки за нарушение указанных сроков договора не предусматривалась. По новому земельному кодексу Эстонской ССР договоры на бессрочное пользование земельным участком не заключаются. Выдается только «Акт от отводе участка индивидуальной застройки в натуре».

вышает квартирную плату, даже если исходить из высшей ставки квартирной платы.

В печати неоднократно отмечалось, что особенность пользования жилым помещением на основании договора найма из государственного или иного обобщественного жилищного фондов в Советском Союзе заключается в праве проживать на жилой площади фактически бесплатно.⁹ Основанием такого утверждения обычно приводится факт низкой квартирной платы, не покрывающей даже эксплуатационных расходов и расходов на капитальный ремонт. Но бесплатное пользование вытекает и из другого обстоятельства, указанного нами выше. Справедливости ради можно считать, что при получении квартиры размером в 60 кв. м. жилой площади из государственного или иного обобщественного жилищного фондов в свое пользование со своими членами семьи гражданин бесплатно удовлетворяет потребности в жилье, сберегая, по существу, 10 000 рублей, т. е. сумму, которую другой гражданин вынужден израсходовать на строительство жилого дома размеров в 60 кв. м. жилой площади, чтобы удовлетворить свои потребности в жилье. Он может вкладывать их в сберегательную кассу и получать за такой вклад за год 300 рублей годовых, т. е. 25 рублей в месяц. Квартирная же плата за любую квартиру размером в 60 кв. м. жилой площади в доме местного Совета депутатов трудящихся или в доме государственной, кооперативной или общественной организации даже вместе с расходами на центральное отопление не превышает 25 рублей в месяц.

Нельзя не отметить еще один очень важный, на наш взгляд, факт. Гражданин, построивший жилой дом для личного проживания в нем вместе с членами своей семьи, **сам разрешил свою квартирную проблему** за свой счет. **Он не претендует на квартиру из дома местного Совета депутатов трудящихся или дома государственной, кооперативной или общественной организации.** Тем самым уменьшается число граждан, нуждающихся в жилье, так как у государства отпала надобность улучшить жилищные условия такого гражданина. Вместе с тем увеличиваются возможности обеспечения жилыми помещениями других граждан, еще нуждающихся в жилье. Трудно даже представить политические и экономические последствия, если бы ни один человек не откликнулся бы на призыв партии и правительства и никто не построил бы ни одного жилого дома за личные сбережения. Задача, поставленная в директивах партии, построить за четыре последние пятилетки жилищ общей площадью более в 300 млн. кв. м. в городах и столько же в сельской местности, осталась бы невыполненной. Неизрасходованные гражданами на жилищное строительство миллиарды рублей хранились бы на их счетах в сберегатель-

⁹ «Журналист», 1971, № 10.

ных кассах, и все они стояли бы в очередях на получение жилого помещения из домов местных Советов депутатов трудящихся или из домов государственных, кооперативных или общественных организаций.

Жилой дом, принадлежащий гражданину на праве личной собственности, не представляет собой какое-то сокровище или особое достояние. Он, как и всякое иное имущество, находящееся в личной собственности гражданина, предназначен для удовлетворения его материальных и культурных потребностей, в частности, для удовлетворения его потребностей в жилье вместе с членами его семьи. Но удовлетворение потребностей в жилье путем возведения жилого дома и проживания в нем вместе с членами своей семьи обходится собственнику гораздо дороже, чем удовлетворение потребностей в жилье путем пользования квартирой в доме местного Совета депутатов трудящихся или в доме государственной, кооперативной или общественной организации. Эта разница возмещается собственнику отчасти только некоторыми удобствами, главным образом, неимущественного характера, которые отсутствуют при пользовании жилым помещением на основании договора найма. Все это известно гражданам-застройщикам, будущим собственникам индивидуальных жилых домов. Но подавляющее большинство граждан идет на путь возведения индивидуального жилого дома просто потому, что убеждены, что их потребности в жилье в ближайшие годы не будут удовлетворены получением квартиры бесплатно (но пользоваться квартирой за плату) из государственного или иного обобщественного жилищного фонда и что в ближайшие годы нет возможности вступить в члены жилищно-строительного кооператива. Упрекать таких граждан ни в чем нельзя.

На основании всего вышеизложенного вырисовывается и общественно-политическая личность гражданина, построившего индивидуальный жилой дом. Он должен быть усмотрен как сознательный труженик социалистического общества, сам разрешивший свою квартирную проблему за счет своих трудовых доходов и личных сбережений, как активный участник создания и увеличения общего жилищного фонда Союза ССР, необходимой предпосылки удовлетворения жилищных потребностей всех граждан. Разрешение квартирной проблемы самим гражданином по собственной инициативе является, бесспорно, его вкладом в дело решения квартирной проблемы в Советском Союзе, в решение задачи, которая поставлена в программе КПСС. Такой же должна быть усмотрена и общественно-политическая личность гражданина, который приобрел жилой дом на основании гражданско-правовой сделки. В случае покупки дома покупатель распоряжается своими трудовыми доходами и личными сбережениями в денежном виде, а продавец своими трудовыми доходами и личными сбережениями в овеществленном виде — домом. Экономически куда

выгоднее иметь в сберегательной кассе вклад 10 000 рублей и получать со срочного вклада годовые (за 10 лет вкладчик получает годовыми 3439,30 рублей, за 15 лет — 5579,70 рублей, а за 20 лет — 8050,98 рублей) и проживать на основании договора найма в доме местного Совета депутатов трудящихся или в доме государственной, кооперативной или общественной организации и платить за пользование помещениями квартирную плату, чем построить жилой дом за 10 000 рублей, проживать в нем, платить разные налоги и сборы и производить капитальный ремонт. Нет ни правовых, тем более моральных оснований осуждать граждан, если один продает свой дом и получает в денежном виде обратно свои трудовые доходы и личные сбережения, чтобы в будущем удовлетворять свои потребности в жилье использованием жилым помещением в доме местного Совета депутатов трудящихся или в доме государственной, кооперативной или общественной организации, удовлетворять потребности в жилье подобно тому, как удовлетворяет жилищные потребности основная масса советских граждан, а другой гражданин покупает этот дом и израсходует на это свои трудовые доходы и личные сбережения, чтобы проживать в нем со своей семьей как собственник, если все это происходит в порядке, установленном законом. Поэтому характерна не отсталая, а именно положительная, передовая личность гражданина, приобретшего жилой дом путем возведения или покупки.

Таким должен быть представлен собственник дома и в художественной литературе, и в кинофильмах. **Труд строителя и его членов семьи, выполненный, как правило, в выходные дни и во время отдыха на протяжении многих лет, должен быть оценен положительно.**

4. Бывают случаи, когда семья собственника уменьшается или же он сам со своей семьей временно меняет местожительство. В таких случаях некоторые жилые помещения или даже жилой дом целиком оказываются собственнику временно ненужными. Оставить ли помещения (дом) пустыми или же сдать во временное пользование другим гражданам? Бесспорно, собственники вправе поступать так или иначе. Пока что нет закона, прямо предусматривающего изъятие дома у собственника только из-за того, что он в нем лично не проживает. С другой стороны, частью 2 статьи 114 ГК ЭССР признается вполне допустимой сдача жилых помещений гражданами, которым принадлежат дома на праве личной собственности, внаем другим гражданам. Законодательно урегулированы и условия пользования помещениями в таких случаях.¹⁰ На случаи, когда жилые дома систематически

¹⁰ О предельных ставках платы за сдаваемые внаем жилые и дачные помещения в домах и дачах, принадлежащих гражданам на праве личной собственности. — Постановление Совета Министров Эстонской ССР от 18 ноября 1965 г. № 504 (СПР ЭССР 1965, № 44, ст. 189).

используются собственниками для извлечения нетрудовых доходов, установлены и строгие последствия, заключающиеся в безвозмездном изъятии жилого дома у собственника и в зачислении дома в фонд местного Совета депутатов трудящихся (ч. 1 ст. 114 ГК ЭССР). В конечном счете, речь идет только о том, что правильнее с точки зрения собственника дома и что целесообразнее с точки зрения государства и всего общества.

Мы глубоко убеждены в следующем: **пока нет возможности** бесплатно обеспечить **всех граждан** жилыми помещениями из домов местного Совета депутатов трудящихся и из домов государственных, кооперативных или общественных организаций, сдача внаем жилых помещений из индивидуального жилищного фонда в интересах разрешения квартирной проблемы не только допустима, а с **точки зрения государства и всего общества даже необходима**. В настоящее время даже трудно представить себе решение вопроса об удовлетворении потребностей граждан в жилье в небольших городах, в сельской местности, в совхозах и колхозах, если бы там ни один собственник дома не сдавал бы внаем ни одного жилого помещения из своего дома.

Наша точка зрения, к сожалению, не является общепризнанной. Другое мнение высказывается чаще всего тогда, когда собственник дома хочет расторгнуть договор найма жилого помещения, чтобы самому со своей семьей занять это помещение. Это мнение часто поддерживается и в судебной практике при рассмотрении споров о расторжении договоров найма жилого помещения и выселения нанимателей. Тогда собственник-наймодатель оказывается в очень невыгодном положении, почти виновным в сдаче жилого помещения внаем или в предъявлении иска о расторжении договора и о выселении. При ином понимании вопроса не приводились бы в решениях судов такие мотивы отказа в иске, как «сдачей внаем жилого помещения собственник сам заведомо ухудшил свои жилищные условия», «после сдачи жилого помещения внаем жилищные условия собственника не изменились», «у нанимателей нет другого помещения, куда переселиться после выселения», «наниматель пользуется жилым помещением длительное время» и т. п.

5. Необходимо подчеркнуть, что в течение последних десяти лет сдача жилых помещений внаем в домах индивидуального жилищного фонда резко уменьшилась. Объясняется ли это только тем, о чем уже говорилось выше, или же интенсивным государственным и кооперативным строительством, т. е. ростом государственного и кооперативного жилищных фондов, тем самым уменьшением запроса в получении внаем жилых помещений из домов индивидуального жилищного фонда, или же просто желанием собственников индивидуальных жилых домов просторнее проживать со своей семьей. Все эти доводы заслуживают внимания,

но ими вопрос не исчерпывается. Имеются и другие, более существенные причины. Остановимся коротко на некоторых из них:

1) *Необоснованно низкая квартирная плата за пользование жилым помещением на основании договора найма жилого помещения в домах индивидуального жилищного фонда.* Для обоснования сказанного сошлемся на следующее:

Плата за пользование жилым помещением по договору поднайма устанавливается соглашением сторон, но она не должна превышать квартирной платы, уплачиваемой за это жилое помещение нанимателем (ст. 326). Уже в законодательном порядке гарантируется, что наниматель в случае сдачи жилого помещения вподнаем не должен терпеть никаких убытков от такой сделки. Размер платы за жилое помещение, сдаваемое внаем в доме жилищно-строительного кооператива, не должен превышать взимаемых с наймодателя эксплуатационных расходов, падающих на сдаваемое внаем помещение (ст. 311). Опять-таки законодательство гарантирует, чтобы пайщик не понес убытков. Но такой принцип не относится к личным собственникам домов, когда они сдают жилое помещение внаем. Установлено, что «плата за пользование сдаваемыми внаем благоустроенными жилыми помещениями в домах, принадлежащих гражданам на праве личной собственности, определяется соглашением сторон, но не может превышать предельной ставки в 16 коп. за 1 кв. м. жилой площади в месяц».¹¹ Кроме того, в зависимости от благоустройства жилого помещения указанная предельная ставка может быть снижена до 30%, и собственник-наймодатель вправе получить не свыше 11,2 коп. за сданный внаем один кв. м. жилой площади. Как видим, расходы самого собственника на каждый кв. м. жилой площади за один месяц не принимаются во внимание. Возникает странное положение. Например, если собственник сдает внаем весь дом размером в 60 кв. м. жилой площади, то он вправе получить квартирную плату до 9,60 рублей в месяц, т. е. до 115,20 руб. в год. Но эта сумма не покрывает даже его прямых денежных расходов на дом. Недостаток приходится покрывать из собственных ресурсов. Кроме того, на собственнике лежит обязанность производства капитального ремонта, а в городах и обязанность уборки улицы в пределах земельного участка. Выборочный опрос нанимателей индивидуальных жилых домов показал, что подавляющее большинство из них не согласны убирать улицу в пределах земельного участка за плату 9,60 рублей в месяц. В таких условиях, естественно, собственник предпочитает сдать жилой дом, чаще всего жилое помещение из дома, внаем другому гражданину на дачный сезон. На такие случаи узаконены совершенно иные ставки квартирной платы — в зависимости от место-

¹¹ СПР ЭССР, 1965, № 44, ст. 189.

нахождения дома и расположения комнат в доме — от 40 до 75 копеек в дачный сезон (с 1 мая по 1 октября) за 1 кв. м. в месяц. По этим ставкам собственник вправе получить за 5 месяцев даже по минимальной ставке больше (120 руб.), чем он вправе получить от обычного нанимателя за год (115,20 руб.), не говоря уже о сумме квартирной платы за 5 месяцев по максимальной ставке (225 руб.). Нередко получается, что жилое помещение нанимается гражданином на 5 месяцев и он платит за него за 5 месяцев, но фактически пользуется помещением не более 2-х месяцев, хотя оно числится за нанимателем. Экономические расчеты показывают, что собственник дома в результате получения квартирной платы по этим ставкам вовсе не обогащается за счет нанимателя и не получает нетрудовой доход, а лишь покрывает свои действительные расходы по содержанию строения, в том числе и расходы на капитальный ремонт и уборку улицы в пределах земельного участка.

На основании сказанного можно заключить, что правовая норма, регулирующая размер квартирной платы за пользование жилым помещением на основании договора найма в домах, принадлежащих гражданам на праве личной собственности, просто не соответствует экономическому содержанию этого отношения, не закрепляет его. Если получаемая квартирная плата не покрывает расходов собственника, падающих соответственно на сданное внаем жилое помещение, и собственник должен нести еще дополнительные расходы и покрывать их из собственного кармана, то нарушается закон стоимости, действующий (хотя ограниченно) в социалистическом обществе. С учетом этого в ст. 284 Гражданского Кодекса Казахской ССР устанавливается буквально следующее: «Плата за пользование жилыми помещениями в домах, принадлежащих гражданам на праве личной собственности, определяется соглашением сторон, но не может превышать двукратного размера предельных ставок, установленных для домов местных Советов депутатов трудящихся». Хотя и здесь при определении предельной ставки квартирной платы не говорится о действительных расходах собственника дома — наймодателя на сданное внаем жилое помещение, но двукратная ставка квартирной платы, т. е. 26,4 копеек за 1 кв. м. в месяц, во всяком случае покрывает прямые денежные расходы собственника.¹² Выход из положения таков: повысить в законодательном

¹² В ряде случаев, когда социалистические организации вынуждены арендовать жилые помещения у граждан-собственников индивидуальных домов для временного размещения своих работников, предусмотрена нормативными актами доплата к ставкам квартирной платы в установленном размере (см. пункт 30 Правил о договорах подряда на капитальное строительство. — Утверждены постановлением Совета Министров СССР от 24 декабря 1969 г. № 973. — ВВСП ЭССР 1970, № 14, ст. 117; пункт 7 постановления Совета

порядке предельные ставки квартирной платы в домах индивидуального жилищного фонда на такой уровень, от получения которой собственник дома был бы материально заинтересован при сдаче жилых помещений из своего дома внаем, чтобы в крайнем случае получаемая квартирная плата покрывала его прямые расходы, падающие на жилое помещение, сданного внаем. В противном случае подавляющее большинство собственников при сдаче жилых помещений внаем либо стараются каким-то путем обойти закон, либо вообще отказываются от сдачи жилых помещений внаем.

Некоторые должностные лица считают сдачу помещений из жилых домов граждан внаем другим гражданам на дачный сезон по повышенным ставкам противозаконным, так как в постановлении Совета Министров Эстонской ССР от 18 ноября 1965 года № 504, устанавливаемом повышенные ставки, говорится о сдаче внаем дачных помещений в дачах, а не о сдаче жилых помещений внаем в качестве дачных помещений или дачникам. Изучение же практики говорит о другом. Дачники гораздо охотнее нанимают у собственников помещения в жилом доме, где имеются все удобства (кухня, вода, ванная, туалет, возможность отопления в любое время), чем помещения в доме летнего типа — дачи, в котором такие удобства отсутствуют. Они сами оплачивают по повышенным ставкам и никаких недоразумений по пользованию этими помещениями не возникает. В судебной практике такие споры отсутствуют. Возможно, что и сама жизнь в данном случае скорректирует неточность закона.

2) Возобновление договора найма жилого помещения в домах индивидуального жилищного фонда по истечении его срока, **не дооценивая потребности в жилье самого собственника дома и членов его семьи как основных пользователей жилым помещением, как лица, не обязанных удовлетворять потребности в жилье других граждан.** Для обоснования сказанного ссылаемся на следующее.

Ни поднаниматель в доме местного Совета депутатов трудящихся или в доме государственной, кооперативной или общественной организации, ни наниматель в доме ЖСК по истечении срока договора не вправе требовать возобновления его на новый срок, и договор поднайма или договор найма прекращаются. В случае отказа от добровольного освобождения помещения по требованию нанимателя или пайщика-наймодателя они могут

Министров Эстонской ССР от 13 июня 1970 г. № 329 «О мерах по дальнейшему расширению подготовки кадров механизаторов для сельского хозяйства». — ВВСП ЭССР 1970, № 30, ст. 269). И эти нормативные акты изданы не ради неосновательного обогащения собственников индивидуальных жилых домов — наймодателей. Их основная цель — регулировать покрытие действительных расходов собственника по содержанию строения в части, падающих на жилое помещение, сданное внаем.

быть выселены в судебном порядке без предоставления им другого жилого помещения (ст. 327 и 304 ГК ЭССР). Такие же последствия наступают и тогда, когда договор поднайма или договор найма заключены без указания срока, и поднайматель или наниматель предупреждены нанимателем или пайщиком-наймодателем о прекращении договора поднайма или договора найма за три месяца. Эти нормы применяются последовательно и в судебной практике. Каждому нанимателю и пайщику-наймодателю как основным пользователям жилым помещением гарантировано возвращение сданного вподнаем или внаем жилого помещения по истечении установленного договором срока или в случае бессрочных договоров по истечении трех месяцев со дня предупреждения о прекращении договора.

Совсем иначе обстоит дело с нанимателем в доме индивидуального жилищного фонда. Он пользуется по истечении срока договора найма правом на возобновление этого договора. Это право может быть оспорено собственником дома — наймодателем по суду лишь в случае систематического невыполнения нанимателем своих обязанностей по договору. Однако независимо от выполнения обязанностей по договору у нанимателя такого права нет, когда он проживает в помещении по договору, заключенному на срок не свыше одного года, с обязательством освободить помещение по истечении этого срока или же когда судом будет установлено, что помещение необходимо для личного пользования собственника дома и членов его семьи (ст. 333 ГК ЭССР). Описанные юридические составы неодинаково выглядят в судебной практике. Мы, например, не знаем ни одного дела из судебной практики Эстонской ССР, когда иск собственника дома-наймодателя о выселении нанимателя удовлетворялся из-за отказа нанимателю в возобновлении договора по причине систематического невыполнения обязанностей по договору. Таких непорядочных нанимателей как бы нет, хотя такие иски предъявляются. Напротив, иски собственников домов-наймодателей к нанимателям в случае их отказа от добровольного освобождения жилого помещения по истечении срока договора найма, заключенного на срок не свыше одного года с обязательством освободить помещение по истечении этого срока, удовлетворяются. От наймодателя не требуют предъявления доказательства о том, что он нуждается в жилом помещении для себя или же для членов его семьи. Если же такой краткосрочный договор с дополнительным обязательством хотя бы один раз был возобновлен снова на срок не свыше одного года с дополнительным обязательством освободить помещение по истечении этого срока, или же когда краткосрочный договор найма с самого начала не содержал условия — освободить помещение по истечении срока, иск собственника-наймодателя об отказе в возобновлении договора и о выселении нанимателя без доказанности нуждаемости в жилом помещении

самого собственника и для членов его семьи, *не удовлетворяется*. Чтобы сохранить свое преимущественное правовое положение, собственник должен отказать в возобновлении краткосрочного договора на новый короткий срок и в случае отказа нанимателя от добровольного освобождения помещения выселить его в судебном порядке.

Что же касается второго юридического состава (нуждаемость в помещении для личного пользования собственника дома и членов его семьи), то суды Эстонской ССР считают сданное внаем жилое помещение нужным для личного пользования собственника дома и членов его семьи только тогда, когда на каждого из них приходится в используемом им жилом помещении, независимо от того, находится ли это помещение в собственном доме или оно используется на основании найма, менее 4—4,5 кв. м. жилой площади. В пункте 16 постановления пленума Верховного суда Союза ССР от 25 марта 1964 г. № 5 «О судебной практике по гражданским жилищным делам»¹³ разъясняется нуждаемость собственника в жилом помещении для личного пользования и пользования членов его семьи гораздо шире, и она налицо, если они «не имеют другого жилого помещения или имеют другое жилое помещение, не достаточное для них по своим размерам, или нуждаются в жилом помещении по другим признанными судом уважительным причинам». Лучше разъяснить нуждаемость собственника дома и членов его семьи в жилом помещении невозможно. Далее следует в постановлении строгое предупреждение: «Выселение нанимателя недопустимо в случае, когда будет установлено, что собственник дома, ссылаясь на нуждаемость в жилом помещении, в действительности требует выселения нанимателя для того, чтобы сдать помещение внаем другому лицу или продать дом.» Это вполне понятно и еще раз доказывает, что собственник дома всегда вправе отказать нанимателю в возобновлении договора найма по истечении срока, **если помещение необходимо для личного пользования им и членам его семьи**. Следовательно, поскольку в судебной практике Эстонской ССР настолько узко понимается нуждаемость собственника дома и членов его семьи в сданном внаем жилом помещении, то собственник дома **уже во время сдачи внаем жилого помещения на срок свыше одного года должен серьезно подумать**, удовлетворить потребности в жилье другого гражданина, не имеющего жилья, или нет, чтобы впоследствии не оказаться в худшем положении, чем тот же наниматель. В судебной практике при рассмотрении таких споров подсчитываются квадратные метры жилой площади, находящейся в пользовании только собственника дома и членов его семьи, а не квадратные метры жилой площади, находящейся в пользовании нанимателя. В практике по-

¹³ «Бюллетень Верховного суда СССР», 1964, № 3, с. 26.

следних лет отсутствуют случаи, когда уже во время сдачи жилого помещения внаем другому гражданину на самого собственника и членов его семьи оставалось бы менее 5—6 кв. м. жилой площади. Выход из положения таков: **расширить в судебной практике Эстонской ССР понятие нуждаемости в сданном внаем жилом помещении собственника дома и членов его семьи.** Интересы собственника дома как основного пользователя жилым помещением должны защищаться не в меньшей мере, чем интересы нанимателей жилых помещений в домах местных Советов депутатов трудящихся или в домах государственных, кооперативных или общественных организаций в случае сдачи ими жилых помещений вподнаем, или интересы пайщиков-наймодателей в случае сдачи ими жилых помещений внаем. Только таким путем возможно добиться самого эффективного использования индивидуального жилищного фонда в интересах всего общества.

Поступила 15 августа 1977 года.

О СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРАВЕ

Докт. юрид. наук В. Кельдер

Кафедра гражданского права и процесса

На страницах нашей юридической печати поднят вопрос о наличии в системе социалистического права новой отрасли права — сельскохозяйственного права. Проблема сельскохозяйственного права возникла не случайно. Она вызвана теми большими изменениями, которые произошли в развитии социалистического сельскохозяйственного производства, в развитии его производительных сил, в организации производства, в формах и методах руководства, а также в правовом регулировании сельскохозяйственного производства.

Хотя поднятие проблемы вполне оправдано, но ее научная разработка ограничивается слишком общими рассуждениями. Возникновение сельскохозяйственного права аргументируется общим тезисом о сближении двух форм социалистической собственности, двух форм социалистических хозяйств — совхозов и колхозов, о сближении их правового режима.

В соответствии с дальнейшим развитием общественных отношений развивается и совершенствуется и система социалистического права. Вполне возможно возникновение в системе социалистического права и новых отраслей права.

Возникновение новых отраслей права в системе права связано с качественными изменениями в общественных отношениях. Следовательно, доказательством возникновения в системе социалистического права новой отрасли — сельскохозяйственного права — должны являться качественные изменения в сельскохозяйственных общественных отношениях. Однако характер и направления изменений в общественных отношениях в сельском хозяйстве изучены недостаточно. Также в постановке проблемы о сельскохозяйственном праве встречаются противоречивые высказывания. Говорят о «возникновении», «формировании», «создании», «выделении», «признании» и т. д. сельскохозяйственного права, не замечая, что каждое из названных понятий имеет свое содержание. Полагают, что сельскохозяйственное право «уже

существует», «формируется», «будет существовать», «существует, но не выделено». По своему характеру оно признано или «самостоятельной отраслью права», или «комплексной отраслью права», отраслью права, охватывающей колхозное право, отраслью права, существующей наряду с колхозным правом. По своему месту в системе права оно признано или подотраслью хозяйственного права (причем существование хозяйственного права в системе права наукой не доказано), или государственно-правовой отраслью.¹

Уже настолько противоречивые высказывания свидетельствуют о том, что не все в порядке с теоретическим обоснованием наличия в системе права сельскохозяйственного права. При наличии объективного явления в его научном познании теоретические выводы не могут быть настолько противоречивыми.

В целях внесения некоторой ясности о наличии сельскохозяйственного права в системе советского права следует обратиться к соответствующим общественным отношениям. Определяющими из них являются **отношения собственности**. В отношениях колхозно-кооперативной собственности произошли главным образом изменения количественные, но в то же время и качественные. Количественные изменения накапливаются и не сразу приводят к новому качеству. Однако, на наш взгляд, изменения в отношениях колхозной собственности настолько значительные, что мы можем говорить о качественных изменениях в них. Прежде всего это относится к различным формам межколхозной и колхозно-государственной собственности. Возникновение различных межколхозных и колхозно-государственных объединений, предприятий и организаций — результат концентрации и специализации сельскохозяйственного производства. Процесс индустриализации сельскохозяйственного производства происходит путем его концентрации и специализации.

Концентрация сельскохозяйственного производства означает увеличение его объема. Пути концентрации сельскохозяйственного производства различны. Первым способом было соединение мелких хозяйств в оптимальные. Концентрация происходит также в рамках отдельных хозяйств путем создания полностью механизированных животноводческих ферм или полевых единиц. Концентрация сельскохозяйственного производства выходит и за рамки отдельных хозяйств, где путем кооперации соединяются силы и средства нескольких хозяйств. Путем кооперирования возможно решить такие проблемы в сельскохозяйственном производстве, которые одному хозяйству не под силу или силами одного хозяйства решение их нецелесообразно. Процесс кооперации выходит и за рамки сельскохозяйственного производства и

¹ «Советское государство и право», 1973, № 6, с. 43; 1973, № 9, с. 50; 1974, № 1, с. 75; 1974, № 7, с. 53—58.

соединяет его с промышленным (интеграция производства). Производственная **интеграция** имеет прямую и межхозяйственную форму. Прямая интеграция, происходящая в рамках одного хозяйства или в форме создания межколхозных или государственно-колхозных аграрно-промышленных комплексов или в форме создания на базе одного хозяйства (сельскохозяйственного или промышленного) аграрно-промышленного комплекса. Межколхозные или государственно-колхозные объединения охватывают или обслуживающие сельскохозяйственное производство отрасли (сельскохозяйственное строительство), или отдельные отрасли сельскохозяйственного производства (откорм скота), или переработку сельскохозяйственной продукции, или сферу культурно-бытового обслуживания в сельском хозяйстве. В зависимости от местных условий, степени развития соответствующей отрасли промышленности, подобные аграрно-промышленные комплексы могут иметь перспективы, как промежуточная форма в интеграции производства, но не далекоидущие. Современное промышленное производство и его будущее предполагает также специализацию и концентрацию. Создание многих мелких промышленных предприятий едва ли соответствует интересам развития промышленности.

Вторая форма интеграции — межхозяйственная интеграция, не предполагает создания самостоятельного хозяйства. Сельскохозяйственное производство соединяется с промышленным путем тесных и постоянных договорных связей, учитывая значение договорных связей в товарно-денежных отношениях социалистического производства. Последняя форма имеет более широкие перспективы развития. Она позволяет одновременную концентрацию как в сельскохозяйственном, так и в промышленном производстве.

В результате концентрации и специализации сельскохозяйственного производства возникают новые формы хозяйств — межколхозные, колхозно-государственные и территориальные сельскохозяйственные объединения. Новые формы хозяйств в момент их возникновения полностью зависят от их участников. Их средства производства создаются из паевых и членских взносов его членов. Но постепенно они становятся самостоятельными, не зависящими от их членов. Они имеют свои основные и оборотные фонды, свои производственные планы. В новых формах процесс обобществления имущества выходит за рамки отдельных колхозов и степень обобществления имущества выше, чем при колхозной собственности.

Действующее гражданское законодательство признает три формы социалистической собственности: государственную, колхозно-кооперативную и собственность общественных организаций. Межколхозная собственность признается подвидом колхозно-кооперативной собственности. Но собственность, имеющая более

высокую степень обобществления, не может являться подвидом формы колхозной собственности. Межколхозная и кооперативно-государственная собственность имеет качественно новый характер, новые черты, отличающие ее от колхозно-кооперативной формы собственности.

Качественные изменения в характере межколхозной собственности дали повод выделения межколхозной собственности в качестве новой промежуточной формы собственности при переходе к коммунистической форме собственности. Она ближе к форме государственной, чем колхозно-кооперативной форме собственности.

При вертикальной кооперации соединяется сельскохозяйственное производство и промышленность. Возникают новые формы хозяйств — аграрно-промышленные комплексы. Таким образом, производственные отношения не дифференцируются по отраслям производства, а соединяются. Законодательство, регулирующее деятельность аграрно-промышленных комплексов, не может учитывать особенности только сельскохозяйственного производства, оно должно учитывать особенности промышленного производства. Развитие отношений собственности не свидетельствует в пользу выделения сельскохозяйственного права в качестве самостоятельной отрасли права, а говорит о слиянии законодательства, регулирующего сельскохозяйственное и промышленное производство.

Изменениям в отношениях собственности последуют изменения и в остальных общественных отношениях.

I. Государственное руководство сельским хозяйством

Колхозы и совхозы в настоящее время подчинены единой системе органов государственного руководства. Нет больше необходимости дифференцировать систему государственных органов, осуществляющих руководство колхозами и совхозами. Сельскохозяйственным производством руководит единая система специальных органов — Министерство сельского хозяйства Союза ССР и соответствующие республиканские министерства. Только в некоторых республиках существуют специальные органы, осуществляющие руководство совхозами. На местах руководство сельским хозяйством осуществляет также единая система органов — сельскохозяйственные производственные управления исполнительных комитетов СД. Особенности наблюдаются в методах государственного руководства. В отношении колхозов государственные органы осуществляют только государственное руководство, в отношении совхозов и государственное управление, поскольку совхозы являются государственными сельскохозяйственными предприятиями и государство имеет полное

право управлять ими. В отношении колхозов больше применяется метод рекомендации, в отношении совхозов — метод прямого регулирования. Но как государственное руководство колхозами, так и государственное управление совхозами имеет единые цели и задачи и эти цели и задачи достигаются независимо от характера применяемого метода руководства.

Изменения в системе органов государственного руководства свидетельствуют о том, что сельское хозяйство нуждается в едином согласованном руководстве, что особенности в руководимых объектах настолько незначительны, что нет надобности в дифференцировании органов государственного руководства. Но сближение государственного руководства колхозов и совхозов недостаточный аргумент в пользу сельскохозяйственного права. Нормы права, регулирующие государственное руководство (управление) сельским хозяйством, свободно могут относиться к другим отраслям права, к нормам, регулирующим управление чародным хозяйством.

II. Планирование сельскохозяйственного производства

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 марта 1955 года «Об изменении практики планирования сельского хозяйства»² был установлен новый порядок планирования, основой которого стал объем товарной продукции, сдаваемой колхозами и совхозами государству. До колхозов доводится лишь государственный план закупок сельскохозяйственной продукции, до совхозов дополнительно и некоторые другие плановые показатели. Но и в совхозах в планировании своего производственного процесса основное значение имеют плановые показатели по заготовке сельскохозяйственных продуктов. На мартовском Пленуме ЦК КПСС в 1965 г. особо подчеркивалось значение экономических методов в руководстве сельским хозяйством. В соответствии с этим в планировании сельского хозяйства перешли на устойчивые государственные плановые показатели на более длительные сроки. Сказанное относится как к колхозам, так и совхозам. Законодательство, регулирующее вопросы планирования сельскохозяйственного производства, единое как для колхозов, так и совхозов.

В новом порядке планирования мы видим установление единых принципов планирования для сельского хозяйства вообще без учета особенностей в формах хозяйств. Тенденция дальнейшего развития законодательства по планированию сельскохозяйственного производства свидетельствует о надобности в еще боль-

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968, т. 4, с. 192.

шей унификации. Совхозы как хозрасчетные государственные предприятия следует наделить большими правами в планировании, дать им больше возможности в развитии своей инициативы, с учетом местных особенностей. В отношении колхозов, по-видимому, следует усилить значение государственного руководства в целях устранения возможных диспропорций, в целях более рационального использования капиталовложений и других средств, следует совершенствовать как плановый, так и хозрасчетный метод управления на межхозяйственном уровне.³

Тот факт, что существует единое законодательство по планированию сельскохозяйственного производства, дал повод говорить о том, что это законодательство относится к сельскохозяйственному праву. Но законодательных актов, регулирующих вопросы планирования народным хозяйством, тысячи. Незначительная часть из них регулирует вопросы планирования в сельском хозяйстве. Нормы права регулируют планирование в конкретных отраслях народного хозяйства, учитывают их особенности, но несмотря на это не составляют из себя отрасли права по признаку какой-либо отрасли народного хозяйства (напр. промышленное право, право коммунального хозяйства и т. д.).

III. Заготовка сельскохозяйственных продуктов

Решением июньского (1958 г.) Пленума ЦК КПСС было признано необходимым перейти к единой форме государственных закупок сельскохозяйственных продуктов. Постановлением Совета Министров СССР от 30 июня 1958 г. были отмечены государственные поставки от колхозов, натуроплата машинно-тракторным станциям и другие формы заготовки сельскохозяйственных продуктов, применяемые в колхозах.⁴ На основании решений январского (1961 г.) Пленума ЦК КПСС перешли на договорную форму заготовки сельскохозяйственных продуктов как от колхозов, так и от совхозов. На основании «Положения о порядке заключения и исполнения договора контрактации сельскохозяйственных продуктов», утвержденного приказом министра заготовок СССР от 22 октября 1970 г. как заключение, так и исполнение договоров контрактации сельскохозяйственных продуктов, производится в едином порядке как с колхозами, так и с совхозами. Едиными являются также примерные договоры контрактации отдельных видов сельскохозяйственных продуктов. Едиными являются также правила, регулирующие порядок приема сельскохозяйственных продуктов, порядок определения их качества, система орга-

³ E. Tõnurist. Eesti NSV põllumajanduse industrialiseerimine. Tln., 1974, lk. 289—291.

⁴ СП СССР 1958, № 11, ст. 92.

нов, осуществляющих государственный контроль над качеством сельскохозяйственных продуктов, порядок перевозки сельскохозяйственных продуктов и т. д.

Договор контрактации — давно известная форма заготовки сельскохозяйственных продуктов. В период индустриализации эту форму использовали и в качестве оказания помощи молодым коллективным хозяйствам. В этот период договор контрактации содержал множество элементов, не характерных договорам гражданского права, в связи с чем его считали специальным видом договоров в колхозном праве. В настоящее время договор контрактации специальных организационных функций и функций оказания материальной помощи больше не выполняет, в связи с чем договор контрактации стал видом договора гражданского права. Таким он и признан в теории права.

Таким образом, в этой области сельского хозяйства произошло не что иное, как отпала надобность в различных формах заготовки сельскохозяйственных продуктов в колхозах. Учитывая характер товарно-денежных отношений в социалистическом производстве и значение договора в укреплении товарно-денежных отношений договор стал основной формой заготовки сельскохозяйственных продуктов. Эти отношения стали чисто гражданско-правовыми и никакого нового вида договора здесь мы не наблюдаем. Заготовки сельскохозяйственных продуктов регулируются довольно большим количеством законодательных актов. Все они регулируют отношения заготовки как единую систему отношений в сельском хозяйстве и относятся к нормам гражданского права.

IV. Материально-техническое снабжение колхозов

Формы экономических связей между колхозным и государственным производством изменились в соответствии с новыми требованиями и новыми условиями в колхозном производстве. До 1958 года колхозы не имели своей основной сельскохозяйственной техники, технически их обслуживали машинно-тракторные станции. Причины реорганизации машинно-тракторных станций и продажа техники колхозам были изложены в законе Верховного Совета СССР от 31 марта 1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций», и состояли главным образом в хозяйственном укреплении колхозов, в обеспеченности колхозов своими кадрами механизаторов и специалистов.

Обеспечение колхозов и совхозов тракторами и другими сельскохозяйственными машинами осуществляется на основе заказов через систему органов «Сельхозтехника». Колхозы приобретают технику на праве собственности, а совхозы на праве оперативного управления. Форма договорных связей, условия и порядок

материально-технического снабжения для колхозов и совхозов едины. И в этой области колхозного производства укрепились договорные связи и происходило их сближение с гражданско-правовыми отношениями. Материально-техническое снабжение колхозов в настоящее время регулируется специальными постановлениями и этот порядок отличается от порядка и условий поставок. Не раз в специальной литературе предлагалось материально-техническое снабжение колхозов и совхозов подчинить единым условиям поставок, т. е. институту гражданского права.

V. Организация производства и труда

До 1953 г. вопросы организации производства и труда в колхозах регулировались постановлениями Совета Министров СССР и соответствующим республиканским законодательством. Были предусмотрены формы организации труда, порядок комплектования производственных единиц, закрепления за ними земли и средств производства. Сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС осудил слишком централизованный порядок регулирования и колхозам было предоставлено право самим решать вопрос о подходящих к местным условиям формам организации труда. В соответствии с развитием производства как в колхозах, так и в совхозах испытывались все новые и новые формы организации труда. Долгое время в колхозах использовалась такая форма организации труда, как постоянная производственная бригада. Уже в 1958 г. в связи с реорганизацией МТС возникла в колхозах новая форма организации труда — тракторные бригады или механизированные производственные бригады. В связи с образованием оптимальных хозяйств в организации труда получили распространение хозрасчетные комплексные бригады. В совхозах в то же время использовались производственные отделения.

Научная организация труда требует и в сельском хозяйстве применения более современных и прогрессивных методов организации труда. На месте территориальных форм организации труда в сельском хозяйстве все более распространяются функциональные формы организации труда. В формах организации труда в колхозах и совхозах существенной разницы нет. Имеется разница между отдельными хозяйствами в зависимости от специализации производства в хозяйстве. Формы организации труда в сельском хозяйстве переживают в некотором смысле переходящий этап. Индустриализацией сельскохозяйственного производства обуславливается переход к новым формам организации труда. Сравнивались производственные условия в колхозах и совхозах.

Будущее сельскохозяйственного производства в его **индустриализации**, т. е. в сближении сельскохозяйственного производства

к промышленному производству как в смысле их технической вооруженности, так и в смысле организации самого производственного процесса. Таким образом, не углубляются специфические черты сельскохозяйственного производства, чем иногда аргументируется наличие сельскохозяйственного права, а наоборот — эти специфические черты постепенно стираются. Специфика сельскохозяйственного производства определяется тем, что в нем имеем дело с биологическими процессами, с живыми организациями, чем не затрагивается основное количество промышленных отраслей производства. Таким образом, специфические черты в сельскохозяйственном производстве сохраняются, но биологические закономерности не могут являться основанием образования системы права. Каждая отрасль народного хозяйства и в их рамках каждая отрасль производства имеет свою специфику, отражающуюся и в нормах права. Так, например, специфические нормы регулируют научную деятельность и полностью отражают ее специфику. Если сравнивать научную деятельность с отраслями народного хозяйства, то ее специфика более заметна. Но несмотря на это никто еще не предлагал образовать специальную отрасль права — право о науке.

VI. Оплата труда

До 1966 года оплата труда в колхозах осуществлялась путем распределения доходов между колхозниками по трудодням. Подобная форма во многом отличалась от оплаты труда в государственном секторе производства. Такая форма оплаты труда была введена в первых колхозах и со многими дополнениями она применялась до 1966 года. Эта форма была обусловлена тем, что колхозы на том этапе своего хозяйственного укрепления и организационного совершенствования не способны были гарантировать колхозникам твердую заработную плату. Только хозяйственное укрепление колхозов позволило им перейти на гарантированную оплату труда колхозникам. Новая система оплаты труда была рекомендована постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1966 г. «О повышении материальной заинтересованности колхозников в общественном производстве»⁵. В некоторых республиках новая система распространялась уже раньше (в Эстонии начиная с 1959 г.). Система прямой денежной оплаты труда в колхозах постоянно совершенствовалась и в настоящее время, по существу, не отличается от системы оплаты труда в совхозах. Основная особенность заключается в том, что заработную плату колхозникам колхоз оплачивает из своих доходов путем создания фонда заработной платы. В связи с пере-

⁵ СП СССР 1966, № 9, ст. 92.

ходом совхозов на полный хозрасчет и на новую форму премирования, созданного за счет прибыли, расширились права совхозов в установлении своей системы премирования из фонда материального стимулирования. Это свидетельствует о сближении системы оплаты труда в совхозах к формам оплаты труда в колхозах, об использовании прогрессивного опыта колхозов в совхозах.

Порядок оплаты труда в колхозах и совхозах устанавливается еще в специальных законодательных актах отдельно. Но надобность в этом отпала, например, в нормах выработки отдельно для колхозов и совхозов.

Означают ли изменения в правовом регулировании оплаты труда в колхозах (одновременно и в совхозах) какое-либо качественное изменение, позволяющее выделить их из трудового права в сельскохозяйственное право? На наш взгляд, нет, здесь имеет место характерное для советского общества и советского законодательства постоянное совершенствование системы оплаты труда, повышение материальной заинтересованности трудящихся и благосостояния советского народа. Как сама система оплаты труда в колхозах, так и регулирующие ее правовые нормы постепенно приближаются к нормам трудового права.

VII. Правовое регулирование трудовых отношений

Правовым основанием возникновения трудовых отношений рабочих и служащих в государственных предприятиях и учреждениях является трудовой договор в колхозах — юридическое оформление членства в колхозе и дополнительно трудовой договор. Количество рабочих и служащих, работающих в колхозах на основе трудового договора, растет. Трудовые отношения рабочих и служащих подробно регулируются нормами кодекса о труде союзных республик и подзаконными актами, колхозников — нормами Примерного устава колхоза и Примерными правилами внутреннего распорядка в колхозах. Новый Примерный устав колхоза (1969 г.) и Примерные правила внутреннего распорядка в колхозах, одобренные Советом колхозов Союза ССР от 4 марта 1970 г., внесли много изменений и дополнений в правовое регулирование трудовых отношений в колхозах. И все они приближаются к соответствующим положениям в трудовом праве. Назовем здесь такие, как установление перечня дисциплинарных взысканий, почти совпадающего с перечнем дисциплинарных взысканий в трудовом праве, установление порядка наложения дисциплинарных взысканий, совпадающего с порядком наложения дисциплинарных взысканий в трудовом праве (за исключением органов, имеющих право наложения дисциплинарных взысканий), установление ограниченной материальной ответственно-

сти, порядка взыскания ущерба, совпадающего с порядком взыскания ущерба в трудовом праве, установление оплачиваемых отпусков, установление гарантии охраны труда женщин и несовершеннолетних колхозников, совпадающие, по существу, с мерами охраны труда в трудовом праве и т. д. Правила по технике безопасности едины как для колхозов, так и для совхозов.

Некоторые особенности в правовом регулировании трудовых отношений в колхозах еще сохранились. Некоторые вопросы трудовых отношений в колхозах не урегулированы. Практика колхозов при решении этих вопросов пошла по пути решения их аналогичным образом с трудовым правом (не путем применения норм трудового права к трудовым отношениям в колхозах).⁶

О чем свидетельствуют эти изменения? На наш взгляд, о сближении трудовых отношений в колхозах к трудовым отношениям рабочих и служащих и соответствующих норм к нормам трудового права. Немыслимо выделение всех норм, регулирующих трудовые отношения в сельском хозяйстве, из норм трудового права и включение их в сельскохозяйственное право.

VIII. Социальное обеспечение

До 1965 года в колхозах не применялась единая система социального обеспечения и социальное обеспечение не регулировалось нормами права. Колхозники материально обеспечивались за счет средств своего колхоза. Законом Союза ССР от 15 июля 1964 г. «О пенсиях и пособиях колхозников» была установлена единая система пенсионного обеспечения колхозников. В начале в этой системе имелись существенные особенности по сравнению с пенсионным обеспечением рабочих и служащих (в пенсионном возрасте, в размерах пенсии, в минимальных и максимальных размерах пенсии и в других). В порядке постепенного совершенствования системы материального обеспечения советских граждан последующим законодательством эти изменения отменены. В решениях XXV съезда КПСС предусматривается сближение пенсионного обеспечения рабочих (служащих) и колхозников. В правовых предписаниях пенсионного обеспечения колхозников нет принципиальных расхождений с пенсионным обеспечением рабочих и служащих, хотя существуют различные правовые предписания. Справедливо поднят вопрос об унификации правовых норм, регулирующих пенсионное обеспечение рабочих, служащих и колхозников. Правда, в настоящее время сохранилась необходимость в некоторых правовых предписаниях, регулирующих пенсионное обеспечение колхозников (установление

⁶ Слово имеют юристы сельского хозяйства. — «Советское право», 1974, № 1.

трудового стажа, средней заработной платы и некоторые другие). Эта необходимость временная, вызванная историческими особенностями развития колхозов. Такие исключения вполне свободно возможно учитывать в общем пенсионном законодательстве. Пенсионному обеспечению вообще характерна дифференциация (пенсионное обеспечение военнослужащих, работников науки и др.).

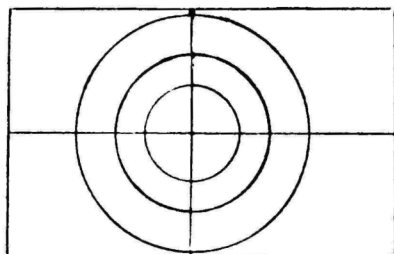
И в этой области правовые нормы, регулирующие пенсионное обеспечение колхозников, приблизились к правовым нормам, регулирующим пенсионное обеспечение рабочих и служащих. То же самое можно сказать о законодательстве, регулирующем остальные формы социального обеспечения (временная нетрудоспособность, пособия по беременности и родам).

В заключение можно констатировать, что сельскохозяйственное в том числе и колхозное производство в своем развитии приближается к уровню промышленного производства и правовые нормы к нормам, регулирующим отношения в промышленности. Поскольку сельскохозяйственное производство сохраняет свои особенности, постольку эти особенности отражаются и в соответствующих правовых нормах. Нормы, регулирующие отношения в колхозах, также постепенно теряют свою специфику и приближаются к нормам административного, трудового, финансового и гражданского права. Никакой новой отрасли права на их базе не возникает.

Что касается **теоретических обоснований** сельскохозяйственного права, то следует отметить, что отрасли права как совокупность норм нельзя создать, нельзя выделить, она существует объективно и задачей науки является ее познание. В результате развития экономических отношений вполне возможно исчезновение одних отраслей права и возникновение новых. Но для возникновения новых отраслей права требуются и соответствующие объективные условия. Не всякое изменение в системе права еще представляет из себя возникновение новой отрасли права.

Поскольку норма права регулирует общественные отношения, возникающие между людьми в производственном процессе, то и система права базируется на системе общественных отношений. Система права не может базироваться на отрасли производства. В объективном смысле отрасль производства не представляет из себя ничего целостного и состоит из различных общественных отношений. Так, например, каждой отрасли производства характерны товарно-денежные эквивалентные отношения, трудовые, финансовые отношения, отношения управления и другие. Без них не может существовать ни одна отрасль производства. Выделение отраслей народного хозяйства и в их рамках отраслей производства, производится главным образом по характерным признакам самого производственного процесса в основном по характеру производимой продукции.

Если отразить отрасли народного хозяйства, а в их рамках отрасли производства квадратами, а общественные отношения кругами, то их соотношение выглядело бы примерно так:

Как видно из графического изображения, одни и те же общественные отношения проходят через все отрасли народного хозяйства и все отрасли производства. Их общие черты регулируются общими нормами соответствующей отрасли права, а специфические черты — нормами права, распространяющимися только на общественные отношения в конкретной отрасли народного хозяйства.

Что касается соответствующей отрасли правовой науки, то она в основном базируется и на конкретной отрасли права, но может быть построена и по другим критериям. Ни одна отрасль правовой науки не может довольствоваться изучением только одной отрасли права. Несомненно, сюда относятся смежные институты права, а иногда отрасль науки занимается изучением нескольких отраслей права. Систему науки во многом предопределяет объект исследования, цель научных исследований и характер методики изучения.

Что касается сельскохозяйственного права как правовой отрасли науки, то она, несомненно, нужна. Но и отрасль науки нельзя создать, она не возникает внезапно, а представляет из себя совокупность научных знаний как результатов производимых научных исследований.

Научная деятельность является также социальным видом человеческой деятельности (видом производства информации) и форма ее продукции является теоретической. Таким образом наука как вид человеческой деятельности подчиняется планированию, целеустремленному направлению. Объект сельскохозяйственного права как науки является комплексным, охватывающим как товарно-денежные, трудовые, административные, так и иные отношения. Основной целью науки сельскохозяйственного права

является изучение **специфических черт** общественных отношений в сельском хозяйстве, тенденций их дальнейшего развития и отражение этих особенностей в нормах права. Самыми результативными здесь, по-видимому, являются комплексные исследования.

HAGI MÕISTE JA ELEMENDID

Õigustead. kand. E. Salumaa

Tsiviilõiguse ja -protsessi kateeder

Nõukogude riigis toimub mitmesuguste materiaalõiguslike suhete sisuks olevate subjektiivsete õiguste teostamine ja subjektiivsete kohustuste täitmine tavaliselt häireteta. Ent mitte alati. Nimelt võivad materiaalõiguslike suhete kohustatud subjektid mõnikord rikkuda teise poole subjektiivseid õigusi. Nii võivad nad takistada õigussuhete õigustatud subjektidel sooritada positiivseid tegusid, näiteks takistada vara valdamist, kasutamist või käsutamist. Kuid kohustatud subjektid võivad ka mitte sooritada tegusid, milleks nad olid kohustatud, näiteks mitte maksta alimente, mitte hüvitada tekitatud kahju.

Sellistel juhtudel on õigussuhete õigustatud subjektidel õigus saada selleks ettenähtud organeilt oma rikutud või vaidlustatud subjektiivsete õiguste või seadusega kaitstud huvide kaitset. Neist organeist tähtsaim on kohus, kes peab selgitama igakülgselt, täielikult ja objektiivselt välja poolte õigused ja kohustused ning õiguserikkumise korral kohaldama vastavaid materiaalõiguslike normidega ettenähtud kaitsevahendeid.

Rikutud või vaidlustatud subjektiivsete õiguste ja seadusega kaitstud huvide kaitsmine ei toimu iseenesest. Selleks on tarvis algatada tsiviilasi. Tsiviilasja algatamisel on aga esimese samuna vaja pöörduda kohtu poole ja taotleda, et kohus kõrvaldaks riikliku sunni abil need materiaalõigusliku suhte kohustatud subjekti käitumisest tingitud takistused, mis ei võimalda teostada subjektiivseid õigusi.

Eelnevast tulenevalt võib hagi nõukogude tsiviilprotsessis määratleda kui kohtule kirjalikult esitatud nõuet kaitsta rikutud või vaidlustatud subjektiivset materiaalõigust või seadusega kaitstud huvi.

Hagi olemus avaldub esijoones selles, et ta on rikutud või vaidlustatud subjektiivse õiguse või seadusega kaitstud huvi kaitseks kohtutegevuse algatamise vahend.

Hagi mõiste ülalesitatud määranguga me ühineme nende protsessualistidega, kes peavad hagi protsessuaalseks nähtuseks.¹

Erialakirjanduses esineb antud küsimuses ka teisi seisukohti, mis siiski õiged ei ole. Neist esimese järgi esineb hagi kahes tähenduses: hagina protsessuaalses mõttes kui subjektiivse õiguse kaitseks kohtusse pöördumine ja hagina materiaalses mõttes kui hageja materiaalõiguslik nõue kostja vastu.² Teise seisukoha järgi ühendatakse kohtule esitatud rikutud või vaidlustatud subjektiivse õiguse kaitsmise nõue ja hageja materiaalõiguslik nõue kostja vastu ühtseks hagi mõisteks.³ Kolmanda seisukoha järgi peetakse hagogiks vaieldavat materiaalõiguslikku nõuet, mis kuulub läbivaatamisele ja lahendamisele erilises protsessuaalses korras.⁴

Asja esitatud kolme hagi mõiste määrangut ei saa õigeks pidada esijoones sellepärast, et need ei kajasta õigesti rikutud või vaidlustatud subjektiivse õiguse või seadusega kaitstud huvi ja protsessi vahekorda ja on vastuolus K. Marxi metodoloogiliselt tähtsa seisukohaga materiaalõiguse ja protsessi vahekorra kohta, mille kohaselt «... protsess on vaid seaduse elu vorm...»⁵

Protsessi ja materiaalõiguse vahekorda iseloomustab esijoones see, et protsess on rikutud või vaidlustatud subjektiivse õiguse või seadusega kaitstud huvi kohtuliku kaitsmise vorm. Seejuures on protsessil ka teatav iseseisev tähendus. Õigusemõistmisel tsiviil-asjas tekivad ju erilised ühiskondlikud suhted, mis on tsiviilprotsessiõiguse reguleerimisesemeks. Kuid protsessi iseseisvus väljendub selleski, et hagi võidakse esitada ja protsess võib lekkida sõltumata sellest, kas subjektiivne õigus, mille kaitsmist taotletakse, on üldse olemas või kas seda on rikutud.

Et protsess on subjektiivse õiguse kaitsmise vorm, samuti protsessi suhteline iseseisvus ning asjaolu, et protsessil endal on sisu ja vorm — kõik see peab avalduma ka subjektiivse õiguse ja hagi kui tema protsessuaalse kaitsevahendi vahekorras ning hagi enda tunnusjoontes. Just neid momente ei ole kritiseeritavais hagi määranguis arvestatud.

Nii võib kontseptsioonile hagist kahes tähenduses (materiaalses ja protsessuaalses mõttes) ette heita, et see ei võimalda vajali-

¹ Н. Б. Зейдер. Элементы иска в советском гражданском процессе. — Уч. зап. Саратовского юридического института имени Д. И. Курского. Вып. IV, Саратов, 1956, с. 134; К. С. Юдельсон. Советский гражданский процесс. М., 1956, с. 199—200; Е. Н. Рябова. Иск в советском гражданском процессе. — «Вестник МГУ. Серия право», 1958, № 4, с. 132; И. Жерулис. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, 1969, с. 101—107.

² М. А. Гурвич. Право на иск. М.-Л., 1949, с. 145; С. Н. Абрамов. Советский гражданский процесс. М., 1952, с. 153—154.

³ Советский гражданский процесс. Под. ред. А. Ф. Клейнмана. Изд. МГУ, 1964, с. 114—115.

⁴ А. А. Добровольский. Исковая форма защиты права. Изд. МГУ, 1965, с. 29, 48.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. I, с. 158.

kul viisil eristada kaitsmisele kuuluvat subjektiivset õigust tema protsessuaalsest kaitsevahendist, mis võib viia erinevate õigusharude mõistete segiajamiseni.

Teist seisukohta, mille järgi hagi on ühtne, materiaal- ja protsessiõiguslikku külge omav nähtus, ei saa õigeks pidada sellepärast, et see kaotab üldse vahe subjektiivse õiguse ja selle protsessuaalse kaitsevahendi vahel. Veel enam, subjektiivne õigus on siin sattunud oma protsessuaalse kaitsevahendi struktuurseks elemendiks — hagi esemeks.

Seega vaadeldav seisukoht ei ole kooskõlas tegelikkusega, mis veenvalt räägib sellest, et nii protsessil tervikuna kui ka subjektiivse õiguse üksikul protsessuaalseil kaitsevahendil on neile omane sisu. Seda on erialakirjanduses rõhutanud mitmed autorid. Et protsessil on talle omane sisu, seda kinnitavat K. Judelsoni arvates juba protsessuaalsete õigussuhete olemasolu, mis erinevad kohtuliku arutamise objektiks olevaist vaieldavaist materiaalõiguslikest suhetest.⁶ Sisult samalaadne on ka V. Griбанovi seisukoht, kes märgib, et erilised protsessuaalsed õigused ja kohustused, mida seadus annab protsessiosalistele, määravad oma kogumis selle või teise õiguste kaitse vormi, sisu ja spetsiifilised iselärasused.⁷

Nõustuda ei saa ka kolmanda seisukohaga, mille järgi hagi on vaieldav materiaalõiguslik nõue, mis kuulub läbivaatamisele ja lahendamisele erilises protsessuaalses korras. Selline määrang samastab hagi kaitsmisele kuuluva subjektiivse õigusega, muudab hagi subjektiivse õiguse enda omaduseks, ning sisuliselt eitab hagi kui protsessuaalse nähtuse, kui rikutud või vaidlustatud subjektiivse õiguse või seadusega kaitstud huvi kaitseks kohtutegevuse algatamise vahendi olemasolu. Teistsugust järeldust pole võimalik teha, kui pidada silmas, et lisaks vaadeldavale hagi määrangule veel kinnitatakse, et kaitsevahend on lahutamatuult seotud kaitse objektiga ja tuleneb sellest.⁸ Igatahes jääb hagi selle kontseptsiooni puhul ebaselgeks, kuidas protsess tekib ja kuidas vaieldav materiaalõiguslik nõue satub kohtutegevuse orbiiti.

Järgnevalt hagi elementidest. Hagi kui kohtule esitatud subjektiivse õiguse või seadusega kaitstud huvi kaitsmise nõude enda struktuurseteks elementideks on hagi ese ja hagi alus. Vaieldav on küsimus hagi sisust kui hagi kolmandast elemendist.

Hagi eseme määratlemisel on kirjanduses esitatud erinevaid seisukohti. Neist rohkem levinute järgi peetakse hagi esemeks

⁶ Советское гражданское процессуальное право. Под. ред. К. С. Юдельсона. М., 1965, с. 16.

⁷ В. П. Грибанов. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. Изд. МГУ, 1972, с. 164.

⁸ А. А. Добровольский. Исковая форма защиты права. Изд. МГУ, 1965, с. 26.

materiaalõiguslikku suhet või subjektiivset õigust ja sellele vastavat kohustust⁹ või siis hageja materiaalõiguslikku nõuet kostja vastu.¹⁰

Nende seisukohtadega ei saa siiski nõustuda, sest need ei kajasta õigesti materiaalõiguse ja protsessi vahekorda, protsessi ja protsessuaalsete nähtuste olemust, mille uurimine näitab, et protsessuaalsetel nähtustel on neile omane sisu, et materiaalõigusliku suhte sisuks olevad subjektiivsed õigused ja kohustused ei saa olla oma protsessuaalse kaitsevahendi struktureseks elemendiks.

Hagi eseme määramisel tuleb lähtuda TsPK §-st 136 lg. 2 p. 4, milles öeldakse, et hagiavalduses peab olema märgitud hageja nõue. Eri kategooria asjus esitatud hagiavalduste analüüsis nähtub, et hageja nõude sisuks on mitte subjektiivne õigus, vaid subjektiivse õiguse ja õiguserikkumise iseloomule vastava materiaalõigusliku kaitsevahendi kohaldamise nõue. Nii võidakse hagiavalduses taotleda, et kohus tuvastaks isaduse, tunnistaks õigust eraldi eluruumi üürilepingu sõlmimisele, mõistaks individuaalselt piiritletud asja välja võõrast ebaseaduslikust valdusest, ennistaks ebaõigelt vallandatud töötaja tööle või endisele ametikohale, mõistaks välja alimendid, tõstaks kostja välja eluruumist jne. Kuid öeldut kinnitavad ka seadussätted, mis annavad hagejale õiguse hagi aluse muutmata jätmise tingimusel taotleda ühe ja sama subjektiivse õiguse mitme kaitsevahendi hulgast ühe kohaldamist (TsK § 251). Antud juhul jäävad materiaalõiguslik suhe, selle sisuks olevad subjektiivsed õigused ja kohustused, samuti hagi alus endiseks. Muutub ainult subjektiivse õiguse kaitseks vastava materiaalõigusliku kaitsevahendi kohaldamise nõue.

Seega esitatust nähtub, et hagi esemeks on rikutud või vaidlustatud subjektiivse õiguse või seadusega kaitstud huvi kaitseks vastava materiaalõigusliku kaitsevahendi kohaldamise nõue.

Nimetatud tähenduses võib hagi ese olla hagine liigitamise uueks aluseks, mis võimaldab hagide liigitust kaitsevahendite erisuste alusel edasi arendada. Hagi eseme alusel võib eristada mitte ainult väljamõistu-, tuvastus- ja muundushagi, vaid ka ennistamishagi jt. hagi liike. Viimati nimetatud hagi liigi näiteks võib olla tööle ennistamise hagi.

Hagi esemest tuleb eristada hagi materiaalset objekti. Selleks võib olla nii individualiseeritud asi kui ka liigitunnustega piiritletud asjade kogum, rahasumma jne. Kui seaduses räägitakse haginõude määra suurendamisest või vähendamisest (TsPK § 106

⁹ Советский гражданский процесс. Под. ред. М. А. Гурвича. М., 1967, с. 119.

¹⁰ Гражданский процесс. Под. ред. Н. А. Чечина и Д. М. Чечот. М., 1968, с. 152; Советский гражданский процесс. Под. ред. А. А. Добровольского и А. Ф. Клейнмана. Изд. МГУ, 1970, с. 127.

lg. 2), siis peetakse silmas hagi materiaalse objekti kvantitatiivset muutmist.

Hagi aluseks on asjaolud, millega hageja põhistab oma nõude (TsPK § 136 lg. 2 p. 5). Et hagi alus on tõendamiseseme tähtsaim element, siis vastavalt TsPK §-le 30 lg. 1 peab hageja sellesse kuuluvaid asjaolusid ka tõendama.

Hagi alusesse kuuluvad mitmesuguse iseloomuga asjaolud, mida võib jaotada kahte gruppi.

Esimese grupi moodustavad asjaolud, mis näitavad, et poolte vahel on vaieldav materiaalõiguslik suhe või et see on muutunud või lõppenud. Need asjaolud määratakse kindlaks materiaalõigusliku normi hüpoteesiga. Korrektnesse hagiavalduse koostamiseks ongi tarvis leida poolte suhteid reguleeriv materiaalõiguse norm ning põhjendada selles fikseeritud asjaolude abil vaieldava õigussuhte olemasolu, selle muutumist või lõppemist.

Näiteks kui faktilise kasvataja vastu on esitatud alimentide nõudmise hagi, siis APK § 101 järgi võidakse ülalpidamisalase õigussuhte ja selle sisuks olevate subjektiivsete õiguste ja kohustuste olemasolu põhjendada juriidiliste faktide kogumiga, millesse kuuluvad kaks fakti. Nendeks on lapse võtmine alalisele kasvatamisele ja ülalpidamisele ning võimatus saada objektiivsetel põhjustel ülalpidamist lapse vanematelt.

Hagi alusfaktide teise grupi moodustavad asjaolud, mis näitavad, et kostja kui vastava materiaalõigusliku suhte kohustatud subjekt ei täida vabatahtlikult oma kohustusi, et ta on toime pannud õiguserikkumise. Seetõttu õieti osutubki vajalikuks pöörduda haviga kohtusse. Siit ka nende nimetus — hagi ajendfaktid.

Seega on hagi ajendfaktiks vastavate materiaalõiguslike normide dispositsioonis ettenähtud konkreetse käitumisreegli mittejärgimise fakt — õiguserikkumise fakt.

Hagi alusfaktide osas on esitatud ka teisi seisukohti.

Nii on väidetud, et hagi alusesse kuuluvad üksnes juriidilised faktid, mille esinemise või puudumisega seadus seostab õigussuhte tekkimise, muutumise või lõppemise.¹¹ Sellise seisukohaga ei saa nõustuda, sest peetakse õigeks ja võimalikuks taotleda riikliku sunni vahendite rakendamist, sõltumata õiguserikkumise, juba õigussuhte ja subjektiivse õiguse olemasolu korral. Autorid pole arvestanud sedagi, et nende seisukoht õigustab fiktiivsete hagide esitamist.

Erialakirjanduses on laialt levinud seisukoht, et hagi alusesse kuulub ka kolmas faktide grupp, nn. pooli legitimeerivad faktid. Nende all mõistetakse fakte, mis seovad hagejat õigusega, mille kaitset ta palub, ja kostjat kohustusega, mille olemasolule vii-

¹¹ Советский гражданский процесс. Под ред. А. Ф. Клейнмана. Изд. МГУ, 1964, с. 118; Советский гражданский процесс. Под ред. А. А. Добровольского и А. Ф. Клейнмана. Изд. МГУ, 1970, с. 128.

datakse hagiavalduses. Tuleb siiski nõustuda N. Zeideri seisukohaga, et pooli legitimeerivaid fakte pole üldse võimalik eraldada õigust loovaist, muutvaist või lõpetavaist faktidest, sest õigust loovate, muutvate või lõpetavate faktide esitamine hageja poolt tähendavat ühtlasi faktide esitamist, mis kinnitavad antud õigus-suhte seost vaidlevate pooltega.¹²

Kui võtta näiteks faktilise kasvataja vastu esitatud alimentide nõudmise hagi, siis eespool toodud kaks fakti (lapse võtmine alalisele kasvatamisele ja ülalpidamisele ning võimatus saada objektiivsetel põhjustel ülalpidamist lapse vanematelt) ühtlasi näitavad, et faktiline kasvataja ja alaealine kasvandik on materiaaõigusliku suhte subjektid. Teiste sõnadega: nimetatud faktid kui õigust loovad faktid legitimeerivad alaealist kasvandikku ja faktilist kasvatajat kui vastavalt hagejat ja kostjat. Mingisuguseid teisi, erilisi, pooli legitimeerivaid fakte pole siin võimalik esile tuua. Pealegi oleks siin legitimeerivate faktide eraldamine õigust loovaist niisama mõttetu ja kunstlik nagu õiguste ja kohustuste eraldamine isikuist, kes on nende õiguste ja kohustuste kandjaiks.

Jääb veel lisada, et hagejat ja kostjat legitimeerivaid fakte on ebaõige vaadelda lahusesisvaina mitte üksnes hagi aktiivseist alus-faktidest, vaid ka omavahel erinevate faktidena, sest õigust loovad faktid on samaaegselt ühele isikule õiguste, teisele aga kohustuste tekkimise aluseks.

Seadus lubab muuta kas hagi eset või alust (TsPK § 106 lg. 2). Ühe hagi elemendi muutudes peab teine püsima jääma. Selle kitsendusega tahetakse vältida esialgse hagi uuega asendamist, mis juhtuks siis, kui lubada mõlema hagi elemendi üheaegset muutmist. Arusaadavalt pole mingeid takistusi uue hagi esitamiseks.

Hagi eseme muutmise hagi aluse muutmata jäämisel on võimalik juhtudel, kui seadus annab subjektiivse õiguse kaitseks võimaluse valikuliselt kohaldada ühte mitmest materiaaõiguse normidega ettenähtud kaitsevahendist. Sellise õiguse annab näit. TsK § 251 ostjale, kellele on müüdüd mitterõuetekohase kvaliteediga asi, kui selle puudused ei olnud müüja poolt tingimuseks seatud. Loomulikult võib hageja nõuda ka varem valitud kaitsevahendi asendamist teisega, s. t. muuta hagi eset.

Hagi aluse muutmisega hagi eseme muutmata jäämisel on tegemist siis, kui seadus annab subjektiivse õiguse kaitseks võimaluse kohaldada konkreetset kaitsevahendit mitmel erineval alusel. Nii võib üürile andja nõuda üürilepingu ennetähtaegset lõpetamist neljal erineval alusel (TsK § 293).

Hagi elementide tundmisel on suur praktiline tähtsus. Hagi elementide tundmine võimaldab õigesti koostada hagiavaldust.

¹² Н. Б. Зейдер. Элементы иска в советском гражданском процессе. Уч. зап. Саратовского юридического института имени Д. И. Курского, вып. IV, Саратов, 1956, с. 145.

Kuid hagi elemendid võimaldavad ka hagi individualiseerida. See omadus on eriti tähtis hagide samasuse kontrollimisel nii tsiviilasja algatamisel kui ka hilisemates protsessistaadiumides. Kui selgub, et esitatav, lahendatav või lahendatud hagi on samane juba varem lahendatud hagiga, siis, lähtudes kohtuotsuse seadusjõu sellisest elemendist nagu ainusus, tuleb kas keelduda avalduse vastuvõtmisest või lõpetada menetlus.

Hagi elementidel, eriti hagi alusel on suur tähtsus tõendamismenetluse seisukohalt. Hagi alus on hagimenetluses tõendamiseseme peamine element. Kuid sellega on tihedalt seotud ka kostja vastuväidete aluseks olevad asjaolud, sest viimaste esitamise eesmärgiks on kummutada hagi alusesse kuuluvaid fakte. Kui hagi alus on õigesti fikseeritud, siis võimaldab see ka sihipäraselt tõendeid koguda.

NÕUKOGUDE TSIVIILPROTSESSI KOHT SOTSIAALSES JUHTIMISES JA TEMA MÕISTE

J. Odar

Tsiviilõiguse ja -protsessi kateeder

Seni on tsiviilprotsessi erialases kirjanduses üksikasjaliselt käsitletud peamiselt kui tsiviilprotsessiõiguse normidega reguleeritud spetsiifilist tegevust. Enamasti pole tsiviilprotsessi seostatud temast üldisemate sotsiaalsete nähtustega.

Autori arvates aga on võimalik vaadelda tsiviilprotsessi ka üldises juhtimise süsteemis ühe selle allsüsteemina ja juhtimise üldteooria valgusel.

Lähtume sellest, et tsiviilprotsessuaalne tegevus on üks ühiskonna juhtimise vorme. Juhtimise subjektiks on spetsiaalselt piiritletud kompetentsiga õigust kaitsev riigiorgan — kohus; objektiks — inimese teadlik ja tahteline käitumine sotsiaalse olendina; funktsiooniks õigusemõistmine, ülesandeks sotsialistliku seaduslikkuse kaitsmine ja meetodiks õigusnormidega reguleeritud sund.

Sellest sugeneb probleem, kuidas võiks üldse tsiviilprotsessi määratleda, arvesse võttes just eeltoodud lähtekohti.

Tsiviilprotsessi määratlemiseks on vaja põgusalt tutvuda kirjanduses seni avaldatud seisukohtadega tsiviilprotsessi olemusest. Püüame selgitada vaid neid põhitunnuseid, mille abil eri autorid erinevatel aegadel tsiviilprotsessi olemust on defineerinud. Tarbetu oleks tungida seejuures määrangute üksikasjadesse. Alustame kõige üldisematest tunnustest, mida on peetud tsiviilprotsessile omasteks ja mis vastavad juhtimise kõrgematele tasanditele.

Lähtudes süsteemse analüüsi nõuetest ja eeldusest, et tsiviilprotsess on üks sotsiaalse juhtimise vorme, on mõeldav analüüsida ka tsiviilprotsessi määranguid ning määratleda tsiviilprotsessi neist aspektidest. Analüüsides seniseid tsiviilprotsessi määranguid, kohtame seal mitmeid sotsiaalse juhtimise aspekte. Need aspektid on määranguis antud intuiitiivselt, ilma et autorid oleksid teadlikult lähenenud tsiviilprotsessile kui sotsiaalse juhtimise vormile.

Tsiviilprotsessi olemuse analüüs juhtimise aspektist võimaldab meil avada nähtuse olemust mitmekülgselt, mõista tema kohta

üldises sotsiaalsete süsteemide hierarhias ja välistada mõnegi välise vastuolu ning asjatu teoreetilise vaidluse.

a. Kõige üldisemaks lähtealuseks tsiviilprotsessi määrangus on õigusemõistmise pidamine üheks ühiskonna **juhtimise** liigiks (K. Judelson — 1, lk. 7). Kõige üldisemaks tsiviilprotsessi tunnuseks peetakse seda, et ta on riikliku **juhtimise** üheks **vormiks** õigusemõistmise näol. Seda tunnust märgivad S. Abramov (2, lk. 5), viidates S. Golunski poolt 1943. a. avaldatud seisukohale (3, lk. 10), aga samuti M. Gurvitš (4, lk. 7—8). Need määrangud lähtuvad sotsiaalse juhtimise teiselt tasandilt — riikliku juhtimise kui sotsiaalse juhtimise tasandilt. Veelgi üldisem tunnus neis määranguis puudub, sest pole arvestatud, et riiklik juhtimine ise on sotsiaalse juhtimise üks vorme. Seega alustatakse tsiviilprotsessi koha määramist mitte sotsiaalse juhtimise vormidest sotsiaalse juhtimise hierarhias, vaid sotsiaalse juhtimise ühest konkreetsest vormist — riikliku juhtimise vormist.

Toodud seisukoha modifikatsiooniks on A. Kleinmani arvamus, et õigusemõistmine on **riikliku tegevuse haru** (5, lk. 5). Kui esimene määrang rõhutas üldisemat mõistet, rääkides vaid riikliku juhtimise vormist, avamata selle sisu, siis A. Kleinman konkreitseerib seda, märkides, et selleks on **riiklik tegevus**.

Teatavasti koosneb juhtimine laiemas tähenduses juhtimise subjektist ja objektist; eesmärgist, mille nimel tegutsetakse; printsiipidest, millest juhindutakse; liikumapanevaist jõududest (kaader, meetodid, tehnilised vahendid) ja lõpuks tegevusest ehk juhtimisprotsessist endast.

Seega viib õigusemõistmise määrang **riikliku tegevusena** meid lähemale juhtimisele kui **tegevusele**, jättes sellest välja ülejäänud komponendid. Sellisel tsiviilprotsessi üldtunnusel on kahtlemata oma koht tema määrangus. See näitab meile tsiviilprotsessi kõige üldisema koha sotsiaalse juhtimise hierarhias ja tema kõige üldisema olemuse. Selline üldine ja väga õige tunnus tuuakse varasemates tsiviilprotsessi määrangutes neljakümnendatel aastatel, vahepeal see tunnus tsiviilprotsessi määranguist kaob ja ilmub uuesti kuuekümnendate aastate keskpaiku.

b. Võetakse sisse ühiskondliku juhtimise kolmanda tasandi tunnus ja öeldakse, et tsiviilprotsess on **kohtu tegevus** (K. Judelson — 6, lk. 7—8). Hiljem K. Judelson asendab kohtu tegevuse **tsiviilõigusi kaitsvate organite tegevusega** (7, lk. 26). Juhtimisastmete seisukohalt vaadelduna on see sama tunnus, täpsustatud on üksnes tegevuse ulatust.

Kohtu tegevusele lisavad veel **asjast osavõtivate isikute tegevuse** A. Kleinman (8, lk. 11; 5, lk. 71; 9, lk. 5), S. Abramov (2, lk. 7; 10, lk. 6) ja M. Gurvitš (4, lk. 9; 11, lk. 10).

Seega peab enamik autoreid õigusemõistmist riikliku juhtimise vormiks (tegevuse haruks) ja samuti ka kohtu tegevuseks, s. t.

annab teise ja kolmanda tunnuse koos. 1956. a. õpikus piirdub K. Judelson vaid kolmanda astme tunnuse äranäitamisega, pidades tsiviilprotsessi kohtu tegevuseks (6, lk. 7), jättes üldisemad tunnused ära.

M. Gurvitš märgib, et protsess kujutab endast liikumist (4, lk. 9), kuid see tunnus iseendast ei lisa midagi uut. Iga tegevus, sealhulgas protsessuaalne, on oma olemuselt dünaamiline (liikumine).

Ükski autor ei seo omavahel juhtimise eri astmete tunnuseid ega liida neid üheks tervikuks.

Kõikide eeltoodud tunnuste üksikult sissevõtmine tsiviilprotsessi määranguisse pole kahtlemata vale. Tõepoolest, tsiviilprotsess on kohtu tegevus. Pidades aga silmas süsteemse käsitluse aspekti, on neil määranguil üks puudus — nad ei näita uuritava nähtuse **kohta** terviklikus süsteemis.

c. Edasi lisatakse tsiviilprotsessi määrangule juurde konkreetsed tunnused, mille puhul see juhtimine või tegevus toimub. Need on nähtuse sisu iseloomustavad tunnused.

Sellisteks tunnusteks peetakse:

c. 1. Konkreetsete õiguslike vaidluste lahendamist ja riikliku sunni kohaldamist (S. Golunski — 3, lk. 10; M. Gurvitš — 4, lk. 9; A. Kleinman — 5, lk. 7; K. Judelson — 1, lk. 11).

Õiguslike vaidluste lahendamine on üldisema tunnuse — tegevuse — sisu avamine. Kohtu tegevus seisnebki õiguslike vaidluste lahendamises.

Seega eelnevat kaht tunnust summeerides tuleb konstateerida, et õigus on nii neil, kes määratlevad tsiviilprotsessi **kohtu tegevusena**, kui ka neil, kes määratlevad tsiviilprotsessi kui **kohtulike vaidluste lahendamist**. Erinevus neis kahes määrangus on vaid konkreetsuse astmetes, ühe ja sama tunnuse esitamise üksikasjades.

Vaieldav on riikliku sunni kohaldamise kandmine kohtu tegevuse sisusse täielikult. Nagu sotsiaalse juhtimise üldine analüüs näitab, on juhtimisprotsessiks vajalikud ka vahendid, mille kaasabil otsused ja kogu juhtimisprotsess ellu viiakse. Seepärast jäävad riikliku sunni vahendid ise **tegevusest** välja. Nad on tegevuses kasutatavad hoovad. Sama kehtib ka kohtu tegevuse kohta. Äärmisel juhul võime sellesse tegevusse arvata vaid kohtu protsessuaalsed toimingud kitsamas mõttes, riiklike sunnivahendite kohaldamisel.

c. 2. Protsessi sisuks peetakse õigusemõistmist (S. Abramov — 10, lk. 6).

c. 3. Protsessi sisuks peetakse õigusnormide kohaldamist (A. Kleinman — 5, lk. 5).

Kõik kolm tunnust (c. 1., c. 2., c. 3.) on juhtimise sisu, kohtu tegevuse sisu ehk protsessi sisu tunnused, kuid omavahel seostamata. Meie arvates õiguse kohaldamine on neist kõige üldisem

nähtus, kõige laiem tegevus. Õigust ei kohaldata mitte ainult kohtuliku tegevuse vormis, vaid seda kohaldavad teisedki nõukogude riigi organid. Õigusemõistmisel, s. t. õigusnormide kohaldamisel riikliku sunni rakendamise teel, lahendatakse konkreetseid õiguslikke vaidlusi ja seda teeb ainult kohus. Konkreetset vaidlust on ajendiks, mille puhul kohus kohaldab, rakendab ja ühtlasi ka järgib õigusnorme. Viidatud autorid esitavad vaid sama nähtuse üksikuid külgi iseseisvate mõistete näol.

c. 4. Tsiiviilprotsessi peetakse subjektiivsete õiguste kohtuliku kaitse **vormiks**. (A. Kleinman — 9, lk. 5).

Selles tunnuses on kohtu tegevuse sisu välja toodud uuest aspektist, silmas pidades konkreetset **eesmärki**, mille puhul tegutsetakse, ja selle saavutamise **vormi**. Rohkem uut, kui ainult tegevuse eesmärgi, nimetatud tunnus ei lisa.

Kõik esiletoodud tunnused on omastkohast õiged, kuid pole selge, kuhu nad kuuluvad. Ei ole näidatud tunnuste seost üldisemate tunnustega, üksikuid tunnuseid pole seostatud omavahel ühtseks tervikuks. Mõtetu on skolastiline vaidlus selle üle, kas tsiiviilprotsess on õigusemõistmine, õigusnormide kohaldamine või subjektiivsete õiguste kohtuliku kaitse vorm. Ta on nii see, teine kui ka kolmas, olenevalt käsitlusaspektist, selle lahtimõtestatuse astmest ja tunnuste omavahelisest seosest.

d. Järgnevalt lisatakse protsessi määrangusse **vormilised tunnused**, s. o. tunnused, mis näitavad, millises vormis nimetatud tegevus toimub.

d. 1. Selle alusel on tsiiviilprotsess seadusega ettenähtud korras, seadusega ettenähtud vormides toimuv tegevus või selle lahtimõtestatud sisu protsessuaalne vorm (S. Abramov — 2, lk. 5).

d. 2. Teistsuguses sõnastuses on tsiiviilprotsess tsiiviilprotsessuaalses vormis, e. korras toimuv tegevus või selle tegevuse lahtimõtestatud sisu (M. Gurvitš — 4, lk. 8; K. Judelson — 6, lk. 7).

Viimases määrangus võrdsustab M. Gurvitš tegevuse vormi ja korra. Tegevuse vormi ja korda aga võrdsustada ei tohiks. Vorm on asja, nähtuse või tegevuse väline külg ja tal on oma sisu. Korra all mõistame teatud järjekorda, reegleid, mille järgi midagi toimub, korral võib olla oma vorm. Seega võib ka protsessuaalsel korral olla oma vorm.

e. Edasi täpsustatakse vormi mõistet (korda) ja öeldakse, millega see on määratud. Protsessuaalne kord ja selle vorm määratakse kindlaks tsiiviilprotsessi normidega, tsiiviilprotsessi normide süsteemidega.

Loetletud tunnustega võiks protsessi määrang lõppeda, sest tema üldine koht süsteemis on kindlaks määratud, samuti on kindlaks määratud tema eesmärk ning toimumise vorm.

Edasine analüüs vaid selgitab, mis selle tegevuse käigus toimub ja kelle vahel see tegevus toimub. See on protsessi üksikute

tunnuste, süsteemi üksikelementide analüüs, mis ei lisa määrangule enam uusi tunnuseid.

f. Sellise täiendava analüüsi käigus peetakse kohtu, prokuratuuri, poolte ja teiste isikute protsessuaalseid **suhteid** tsiviilprotsessi **olemuseks** (S. Abramov — 2, lk. 7). Siinjuures analüüsitakse ühelt poolt tegevuse sisu, selgitamaks, kelle vahel tegevus toimub ja mille puhul ning millises korras see toimub, kusjuures tunnus «protsessuaalsed suhted» on ise määratlemist vajav ja seda ei või seetõttu kasutada teist nähtust määratleva tunnusena.

Juhtimine on alati tegevus kellegi vahel. Juhtimissuhted on erilised ühiskondlikud suhted ja need tekivad juhtimistegevuse käigus inimeste vahel.

Kohtu õigustmõistvas tegevuses tekivad erilised ühiskondlikud suhted, need on protsessuaalsed suhted. Kohtu tegevus õigusemõistmisel on ühiskondliku juhtimistegevuse alaliik, protsessuaalsed suhted on aga ühiskondlike suhete alaliik, mis tekivad selle tegevuse käigus.

Juhtimistegevuses tekivad väga erinevad juhtimissuhted. Üheks nende suhete eriliigiks ongi protsessuaalsed suhted. Neid iseloomustab asjaolu, et nimetatud juhtimistegevuse lõik on reglementeeritud õigusnormidega. Õigusnormidega piiritletakse rangelt juhtimissuhete subjektide tegevuse järjekord ja vormid. Keskseks subjektiks on kohus. Selle tulemusel saamegi isepäraste juhtimissuhete — protsessuaalsete suhete liigi.

g. Edasi peetakse tsiviilprotsessi kohtu ja asjast osavõtivate isikute tegevuseks, s. o. tsiviilprotsessuaalse suhte osaliste tegevuseks (S. Abramov — 10, lk. 6).

Selleski määrangus pole midagi uut. Tsiviilprotsessi on vaadeldud vaid juhtimissuhete **osaliste** (juhtimissubjekti — kohtu ja juhtimise objektide — asjast osavõtivate isikute) tegevusena.

Kui varasemas määrangus on rõhutatud juhtimisprotsessis tekivaid **suhteid**, siis käsitletud määrangus on pearõhk asetatud nende suhete **osalistele**.

h. S. Abramov märgib veel, et tsiviilprotsessuaalsed suhted on ühiskondlikud suhted (10, lk. 6).

Juhtimissuhted on alati ühiskondlikud suhted, seepärast saavad ka tsiviilprotsessuaalsed suhted kui juhtimissuhete alaliik olla vaid ühiskondlikud suhted.

i. Edasi ilmub tsiviilprotsessi määrangusse protsessuaalsete **õiguste ja kohustuste** mõiste, mis kujutab endast õigusnormidega määratud tegevuse (suhte) piire, juhtimissuhete osaliste tegevuse piire, kompetentsi. Õigused ja kohustused kajastavad tegevuse olemust. Mida kohus võib teha, ongi tema tegevuse sisu. Need on juhtimise piirid tsiviilprotsessis.

Käsitletud tunnused on jällegi õiged, kuid samuti üksteisega tervikuks seostamata.

Järgnevalt seamegi eeltoodud tunnuste kokkuvõtmise ja omavahelise sidumise eesmärgi. Selleks püüame kõigepealt leida tsiviilprotsessi määrangud üksikute põhitunnuste kaupa eraldi ja lõpuks välja jõuda üldmääranguni.

A. Süsteemne määrang, mis oleks tsiviilprotsessi kõige üldisem määrang, peab näitama tsiviilprotsessi asukoha üldises sotsiaalse juhtimise süsteemis.

Tsiviilprotsessist kui meid huvitavast allsüsteemist asuvad kõrgemal niisugused juhtimissüsteemid nagu kohtu õigustmõistev tegevus, õiguse kohaldamine, riiklik juhtimine ja sotsiaalne juhtimine. Kõiki eeltoodud süsteemi astmeid arvestades ja neid kasutades võiksime tsiviilprotsessi määratleda kui **sotsiaalse juhtimise süsteemi — riikliku juhtimise allsüsteemi — õiguse kohaldamise allsüsteemi — kohtuliku tegevuse allsüsteemi — tsiviilprotsessiõigusega reguleeritud allsüsteemi**.

Selline määrang tundub juristile olevat esialgu harjumatu raskepärane ja võib-olla isegi vastuvõetamatu. Selles pole aga midagi keerukat ega arusaamatut, kui asuda seisukohale, et iga madalama astme süsteem on allsüsteem endast kõrgema astme süsteemi suhtes ja kuulub sellesse.

B. Tsiviilprotsessi määrang sotsiaalse juhtimise üld- ja eritunnuste alusel, kui tuua sisse ka vormitunnus, näeks välja järgmine:

Tsiviilprotsess on sotsiaalse juhtimise ühe vormi — riikliku juhtimise — õiguse kohaldamise vormi — kohtu õigustmõistva tegevuse tsiviilprotsessiõigusega sätestatud protsessuaalne tegevus.

Seda aitab võib-olla selgitada järgnev skeem.

Määrangud algavad kõrgema astme tunnustest ja sealt liigutakse edasi madalama astme tunnuste poole.

B. sotsiaalne juhtimine

B. 1. riiklik juhtimine

B. 2. õiguse kohaldamine

B. 3. kohtu õigustmõistev tegevus

B. 4. tsiviilprotsess

Eraldi võttes saame järgmised astmed:

B. 1. Riiklik juhtimine kui üks sotsiaalse juhtimise vorme.

B. 2. Õiguse kohaldamine kui üks riikliku juhtimise vorme.

B. 3. Kohtu õigustmõistev tegevus kui üks õiguse kohaldamise vorme.

B. 4. Kohtu tsiviilprotsessuaalne tegevus kui üks protsessuaalse tegevuse vorme.

Eelmainitud astmetest kõige madalamal astmel toimuva juhtimise sisuks on tsiviilprotsessuaalne ehk tsiviilprotsessi normidega reguleeritud **tegevus**, mis ongi tsiviilprotsessi eritunnuseks.

C. Võime määratleda tsiviilprotsessi ka eesmärgist lähtudes.

Sellelt seisukohalt on tsiviilprotsess sotsiaalse juhtimise riikliku vormi — õiguse kohaldamise kohtuliku tegevuse tsiviilprotsessi-seadusega reguleeritud vormis toimuv **õiguste kaitsmine**.

D. Edasi võime tsiviilprotsessi määratleda tema **dünaamika** aspektist lähtudes, mille kohaselt tsiviilprotsess on sotsiaalne juhtimine riiklikus vormis, õiguse kohaldamine kohtulikus tegevuses, tsiviilprotsessiseadusega reguleeritud korras **õiguse kaitse eesmärgil**.

E. **Staatika ja dünaamika** aspektist lähtudes on tsiviilprotsess sotsiaalse juhtimise riikliku vormi — õiguse kohaldamise — tsiviilprotsessiseadusega reguleeritud kohtuliku tegevuse tulemusel tekkinud **protsessuaalsete suhete osaliste subjektiivsete õiguste ja kohustuste realiseerimine (protsessuaalne tegevus)**.

F. Sotsiaalse regulatsiooni **mehhanismi** seisukohalt lähtudes on tsiviilprotsess **sotsiaalse regulatsiooni mehhanismis õigusliku sunnimeetodi kohaldamise üks vorme**.

G. **Juhtimissuhete** aspektist lähtudes on tsiviilprotsess **tsiviilprotsessuaalsete sotsiaalsete juhtimissuhete allsüsteem, mis tekib tsiviilprotsessi osaliste vahel**.

Kõige vaieldavamaks on olnud tsiviilprotsessiõigussuhte ja materiaalõiguse vahekord. Tsiviilprotsessiõigussuhtele omistatakse erinev sisu olenevalt käsitluse autorist.

J. Zeruolis ütleb otse, et olenevalt sellest, mis on tsiviilprotsessiõigussuhte sisuks ja milline on nende vorm, sellest sõltub tsiviilprotsessi sisu ja vormi, tema olemuse mõistmine. Ta asub seisukohale, et tsiviilprotsessiõigussuhte sisuks on suhte subjektide **tegevus** (12, lk. 28). M. Gurvitš, V. Mozolin ja V. Stšeglov peavad suhte sisuks samuti tegevust.

Seevastu S. Abramov, A. Kleinman, L. Morozova, V. Semjonov, J. Stutin ja K. Judelson loevad tsiviilprotsessiõigussuhte sisuks protsessiosaliste **õigusi ja kohustusi**.

Tsiviilprotsessiõigussuhte sisusse arvatakse aga vahel ka materiaalõigus. Öeldakse, et tsiviilprotsess on materiaalõiguse ellurakendamise vorm ja materiaalõigussuhe on tema sisu.

Tsiviilprotsessi vaatlemisel tema **staatika** aspektist on vaieldava või rikutud materiaalõigussuhte subjektide protsessi õigusnormidega sätestatud õigused ja kohustused tsiviilprotsessiõigussuhte sisuks. See on õigusnormide staatika aspekt ja pakub meile vähem huvi. Hoopiski olulisem on dünaamika ehk õigusnormide realiseerimise aspekt.

Dünaamika aspektist on tsiviilprotsess selline **tegevus**, kus protsessi üheks subjektiks ja nimelt juhtimise seisukohalt juhtivaks subjektiks on kohus. Kohtu ja teiste tsiviilprotsessi osaliste tegevus.

on reguleeritud riigi kui kõrgema juhtimise subjekti poolt tsiviilprotsessiõiguse normidega. Tsiviilprotsessiõigussuhte sisuks jäävad ikkagi **selle suhte** subjektide õigused ja kohustused. Tsiviilprotsess on tegevus, mille **eesmärgiks** on rikutud või vaidlustatud materiaalõiguse kaitse. Materiaalõigus ei saa seega olla protsessuaalse õigussuhte sisuks.

Õigusemõistmine tsiviilprotsessi vormis on dünaamiline protsess, kus õigussuhte subjektid korduvalt astuvad kohtuga protsessuaalsetesse õigussuhetesse (A. Melnikov — 13, lk. 105—107).

Kuivõrd materiaalõiguslikud suhted on vaid protsessuaalse õigussuhte tekkimise eelduseks, niivõrd on materiaalõiguse ja tsiviilprotsessiõiguse vahel vaid funktsionaalne seos (14, lk. 44).

I. Szabo ei pea õigeks vaadelda materiaal- ja protsessiõiguse vahekorda funktsionaalsena, vaid arvab, et side on pigem põhjuslikku laadi, kuna materiaalõigussuhted mõjutavad protsessiõiguse suhteid vahetult (15, lk. 54—55).

Juhtimise aspektist on tsiviilprotsess tegevus, mille raamideks on protsessiosaliste õigused ja kohustused. Protsessuaalse **tegevuse** sisu, e. olemust väljendavadki protsessiosaliste protsessuaalsed õigused ja kohustused. Õigused ja kohustused ilma tegevuseta on juhtimise seisukohalt vaid staatiline seisund.

Eeltoodust võime järeldada.

1. Eri autorid määratlevad tsiviilprotsessi erinevaist aspektidest lähtudes.

2. Nad kasutavad tsiviilprotsessi määrangutes erinevaid kriteeriume ja tunnuseid.

3. Määrangutes kasutatud tunnused on toodud kas erinevalt tasandelt lähtudes või erineva konkreetseuse astmega.

4. Paljud vaidlused tsiviilprotsessi määrangu ümber on skolaatilised. Ei saa öelda, et oleks vääri selline tunnus nagu «riikliku tegevuse haru», aga samuti pole vale ka tunnus «kohtu tegevus». Mõlemad need on paikapidavad, erinevus on vaid täpsuses või tasandis, millest lähtudes me määratletavat nähtust vaatleme.

Tekib vajadus leida need kriteeriumid, mida ühe nähtuse määratlus endas üldse peab sisaldama ja millistele nõuetele need nähtust iseloomustavad tunnused peavad vastama.

Süsteemne käsitus nõuab, et nähtuse määratlus peab vastama järgmistele nõuetele:

1. Määrangus esitatud tunnused peavad avama määratletava nähtuse **olemuse** (sisu), andma tema põhilise nähtumuse, laskumata selle üksikasjalisse iseloomustusse või selle avamisse konkreetsete tunnuste kaudu.

2. Määrangus esitatud tunnused peavad edasi andma peale nähtuse olemuse ka tema **vormi**.

3. Määrangus peab olema välja toodud antud nähtuse **eesmärk**.

Neid nõudeid silmas pidades ei tohi määrang sisaldada endas ei liiga üldisi ega liiga konkreetseid tunnuseid. Kõik niisugused tunnused on kasutatavad nähtuse kirjeldamisel, kuid mitte tema määrangus.

Püstitatud nõuete alusel võime tsiviilprotsessi määrangutesse sissevõetud tunnustes konstateerida järgmisi puudusi:

1. Sisu avav tunnus — õigusemõistmine või õigusnormide kohaldamine on liiga üldine. Õigusemõistmine, aga ka õigusnormide kohaldamine toimub mitte ainult tsiviilprotsessis, vaid muudeski vormides. Samuti pole ainult tsiviilprotsessile omane riikliku sunni kohaldamine. Tuleb leida selline tunnus, mis avaks **ainult** tsiviilprotsessi olemuse ja oleks temale eriomane. Selliseks sisuliseks tunnuseks on meie arvates **subjektide** (pole oluline siinjuures ega vajalik loetleda, kes on nendeks subjektideks) **tsiviilprotsessiõiguse normides väljendatud protsessuaalsete õiguste ja kohustustega piiritletud tegevus.**

2. Tunnus, et tsiviilprotsess on riikliku juhtimise vorm (või riikliku tegevuse vorm) on samuti liiga üldine ega näita tsiviilprotsessi õiget kohta süsteemis. See ei piiritle tsiviilprotsessi ei tema vahetust kõrgemast süsteemist — kohtu õigustmõistvast tegevusest — ega veelgi kõrgema astme süsteemist — riiklikust tegevusest.

3. Kohtu ja teiste protsessiosaliste selline tegevus toimub erilises protsessuaalses **korras** (vormis) rikutud (vaidlustatud) õiguste või seadusega tagatud huvide kaitse **eesmärgil**.

Kõiki tunnuseid arvesse võttes võiks tsiviilprotsessi määratleda lõpuks kui **rikutud (vaidlustatud) materiaalõiguslike subjektiivsete õiguste või seadusega tagatud huvide kaitse eesmärgil toimuvat kohtu ja teiste asjast osavõtivate isikute tsiviilprotsessiõiguse normidega reguleeritud tegevust.**

Kõiki ülejäänud tunnuseid võib kasutada tsiviilprotsessi iseloomustamiseks teiste, kõrgemate või madalamate süsteemide hulgas või tema põhitunnuste konkretiseerimiseks.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советское гражданское процессуальное право. Под общей редакцией проф. К. С. Юдельсона. М., 1965.
2. Абрамов С. Н. Гражданский процесс. М., 1948.
3. Голунский С. А. Основы понятия о суде и правосудии. Труды Военно-юридической академии Красной армии, вып. 3, 1943.
4. Советский гражданский процесс. Под редакцией проф. М. А. Гурвича. М. А. М., 1967.
5. Клейнман А. Ф. Советский гражданский процесс. Изд-во МГУ, 1954.
6. Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. М., 1956.
7. Гражданский процесс. Под общей редакцией проф. К. С. Юдельсона. М., 1972.
8. Гражданский процесс. Под редакцией проф. А. Ф. Клейнмана. М., 1940.

9. Советский гражданский процесс. Под редакцией заслуженного деятеля науки РСФСР проф. А. Ф. Клеймана. Изд-во МГУ, 1964.
10. Абрамов С. Н. Советский гражданский процесс. М., 1952.
11. Советское гражданское процессуальное право. Отв. ред. проф. М. А. Гурвич. М., 1964.
12. Жеруолис И. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, 1969.
13. Мельников А. А. Советский гражданский процессуальный закон. М., 1973.
14. Авдеенко П. И. О связи гражданского процессуального права с другими отраслями права. — Развитие гражданско-правовых наук в Советских республиках Прибалтики. Вильнюс, 1973.
15. Сабо И. Основы теории права. М., 1974.

МЕСТО СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА В СОЦИАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ И ЕГО ПОНЯТИЕ

Я. О д а р

Р е з ю м е

В статье рассматривается проблема определения понятия гражданского процесса с аспекта системного подхода к гражданскому процессу.

Гражданский процесс рассматривается в литературе, например, и как вид управления обществом, и как форма государственного управления, как деятельность суда, как деятельность суда и лиц, участвующих в процессе, как движение и т. д.

Из приведенных признаков явствует, что различные авторы определяют гражданский процесс с различных аспектов, что для определения ими использованы различные критерии и признаки. Причем признаки, приведенные для характеристики гражданского процесса, различаются по степени конкретности. Подходя к гражданскому процессу как виду социального управления, автор отмечает, что правы и авторы, определяющие гражданский процесс как «отрасль государственной деятельности», и те, кто определяют его как «деятельность суда».

Рассматривая гражданский процесс как действие и учитывая различные уровни осуществления этого действия, гражданский процесс может быть определен одновременно как урегулированная нормами гражданско-процессуального права судебная процессуальная деятельность и как форма правоприменительной деятельности, и как форма государственного управления и, наконец, как форма социального управления.

Охарактеризовав различные уровни социального управления схематически, место гражданского процесса выглядело бы следующим образом:

социальное управление
государственное управление
правоприменительная деятельность
правосудие
гражданский процесс

В приведенной схеме определение гражданского процесса начинается с признаков более высших ступеней управления и заканчивается более низкими.

Гражданский процесс определяется и при помощи других элементов. Так, например, в определениях гражданского процесса можно найти отражение его цели, аспекта его динамики и статики, применяемых методов, его содержания, его участников и возникающих между ними отношений. Для гражданского процесса как вида социального управления, безусловно, характерны все названные элементы и указание на них в определении гражданского процесса в какой-то степени характеризует его. Однако являются ли эти элементы характерными только для гражданского процесса и должно ли определение содержать все его элементы?

Думается, что определение гражданского процесса, как любое определение, должно соответствовать следующим требованиям:

1) признаки, которые приведены в определении, должны раскрывать сущность (содержание) определяемого понятия и характеризовать его основную природу, не опускаясь до детальной характеристики или до конкретных признаков;

2) указанные в определении признаки, кроме сущности явления, должны характеризовать и его форму;

3) в определении должна быть выражена цель явления.

Более конкретные признаки применяются только при описании явления, но не при его определении. Исходя из сказанного советский гражданский процесс определяется как происходящая в интересах охраны нарушенного или оспариваемого субъективного материального права или охраняемого законом интереса урегулированная нормами гражданского процессуального права деятельность суда и участвующих в процессе лиц.

О МЕСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРБИТРАЖА В СИСТЕМЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Ж. К. Ананьева

Планомерное развитие экономики, базирующейся на общественной социалистической собственности, создает объективные возможности оптимального использования природных условий, материальных и людских ресурсов для неуклонного роста производительности труда, являющегося основой прогресса общества во имя все более полного удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей народа.

Для превращения указанных объективных возможностей в действительность требуется прежде всего, постоянное творческое совершенствование социального управления. В классовом обществе основным средством механизма субъективного регулирования общественных процессов является политическая власть. В развитом социалистическом обществе суверенным субъектом этой власти является весь советский народ, осуществляющий ее через политическую организацию общества.

Политическая организация общества определяется в литературе как система государственных и общественных организаций и институтов, посредством которой осуществляется политическая власть.¹ Точка зрения о том, что важнейшей функцией политической организации социалистического общества, обеспечивающей решение задач социалистического и коммунистического строительства, является руководство и управление всеми общественными процессами и что политическая организация является

¹ См. Политическая организация советского общества. М., «Наука», 1967, с. 9. Такое же, по существу, понимание политической организации общества см. также Спиркин А. Т. Курс марксистской философии. «Мысль» М., 1966, с. 396. То же, см. Купцов О. А. В кн.: Коммунизм и управление общественными процессами. ЛГУ, 1972, с. 107; Волков М. Политическая организация общества. «Мысль», М., 1968; Белых А. Политическая организация общества и социальное управление. ЛГУ, 1967.

управляющим субъектом общества, получила обоснование и развитие в литературе.²

Из сказанного следует, что политическая власть в развитом социалистическом обществе осуществляется государством и всеми иными структурными подразделениями его политической организации. Коммунистическая партия, не входя в государственный механизм, является руководящей, ведущей силой в составе политической организации общества. Общественные и кооперативные организации не входят, а лишь примыкают к государственному механизму в составе политической организации общества. Они и не наделены властными государственными полномочиями³, а деятельность их осуществляется в иных формах.

Особое внимание Коммунистической партии вопросам совершенствования государственного управления обусловлено тем, что система государственных организаций и институтов, т. е. механизм государственного управления составляет важнейшую часть, основное звено политической организации социалистического общества. Направляемое Коммунистической партией государственное управление является на данном этапе развития основной формой управления советским обществом.

При этом мы имеем в виду государственное управление как деятельность всей системы государственных органов, входящей в качестве составной части (подсистемы) в систему политической организации общества, а не только деятельность исполнительно-распорядительных органов государства.⁴ Последние являются лишь одной из подсистем в общей системе органов государственного управления. При таком рассмотрении системы органов государственного управления нет основания спорить по вопросу о том, является ли госарбитраж органом государственного управления. Согласно новому Положению о нем Государственный арбитраж в СССР представляет собой целостную союзно-республиканскую систему, задачи которой — сфера управляющего воздействия, а также методы воздействия и полномочия — определены нормами права.⁵ Система госарбитража СССР входит в качестве одного из структурных подразделений (подсистем) в общую систему государственных органов, которая, в свою очередь, явля-

² См. Купцов О. А. Цит. работа с. 107.

³ Мы не касаемся здесь исключений, предусмотренных в законе, где общественные организации наделены отдельными правотворческими или правоприменительными полномочиями.

⁴ В данном вопросе автор присоединяется к мнению Купцова О. А., высказанному им в вышеуказанной книге с. 108.

⁵ См. Постановление Совета Министров СССР от 17 января 1974 г. № 60 «О дальнейшем совершенствовании организации и деятельности органов государственного арбитража», а также утвержденное этим Постановлением «Положение о государственном арбитраже при Совете Министров СССР». СП СССР 1974, № 19, с. 4. (В дальнейшем сокращено — «Положение о Госарбитраже СССР»).

ется важнейшим структурным подразделением (подсистемой) политической организации общества. В юридической литературе нет единого мнения по вопросу о сущности госарбитража. Этот спор продолжается и после принятия нового Положения о Госарбитраже при Совете Министров СССР и о госарбитражах при Советах Министров союзных республик. Некоторые авторы полагают, что арбитраж — это орган, имеющий двойственную природу, что он занимает самостоятельное место в механизме советского государственного аппарата и, отличаясь чем-то от органов правосудия и управления, в то же время, имеет с ними отдельные общие черты.⁶ Другие⁷ утверждают, что арбитраж — это орган хозяйственного руководства, поскольку разрешение хозяйственных споров — это функция управления. Абова Т. Е. разделяет взгляд на арбитраж «как орган управления народным хозяйством, орган хозяйственного руководства, осуществляющий защиту прав хозяйственных органов и выполняющий иные, стоящие перед ним задачи».⁸

Что арбитраж является органом государственного управления было показано выше. Из этого же вытекает вывод о том, что неправильно называть арбитраж органом «хозяйственного руководства». Государственная деятельность есть осуществление политической власти. Поэтому государственное управление, осуществляемое любыми его органами и в любой сфере социальной жизни, в том числе и в народном хозяйстве, как в масштабе страны, равно отрасли или отдельного предприятия, неизменно сохраняет политический характер.⁹

Определение природы государственного арбитража как органа государственного управления, будучи правильным, не дает само по себе ответа на вопросы о том, какое место занимает арбитраж в системе органов государственного управления, каковы его связи с другими звеньями этой системы, его задачи, а

⁶ См. Каллистратова Р. Ф. Государственный арбитраж. Проблемы совершенствования организации и деятельности. М., 1973, с. 70—71.

⁷ См. Побирченко И. Г. Хозяйственная юрисдикция. Киев, 1973, с. 173.

⁸ Абова Т. Е. Проблемы арбитража в новейших трудах советских ученых. — «Правоведение», 1974, № 5, с. 114.

⁹ Обстоятельная критика мнений, относящих государственное управление экономикой к базисной категории, а также критика взглядов о так называемом «раздвоении» социалистического государства между базисом и надстройкой, как противоречащих учению Маркса-Ленина и положениям Программы КПСС о природе и функциях социалистического государства, была дана уже в ходе дискуссии на научной конференции в Москве в декабре 1969 г. (См. учение В. И. Ленина об экономической роли государства и современность. Тезисы докладов и сообщений М., 1969), а также в юридической литературе последних лет. (См. например: Козлов Ю. М. Управление народным хозяйством СССР. Ч. I, изд. МГУ, 1969; и ч. II. М., 1970; Государство, экономика и право. М., 1970). Загаинов Л. И. Социалистическое государство и экономика. — «Советское государство и право», 1972, № 7, с. 46—56 и др. источники.

также формы и методы их осуществления и т. д. Эти вопросы также еще не полностью исследованы в юридической литературе. Причина такого явления, по-видимому, кроется в том, что юристы часто пытаются разрешать эти вопросы без использования категорий науки управления, хотя в последние годы тезис о взаимосвязанности этих двух отраслей науки¹⁰ получил широкое признание.

Автор данной статьи, исходя из вышеизложенного положения об арбитраже как органе государственного управления, при помощи системного подхода пытается сформировать некоторые соображения о месте госарбитража в системе органов государственного управления народным хозяйством.

Процесс социального управления обществом, как мы видели выше, происходит посредством единой управляющей системы — политической организации общества. Этот процесс происходит в виде взаимодействия ее структурных подразделений (подсистем), где единство и целенаправленность функционирования системы обеспечиваются единством основных принципов построения и функционирования, а прежде всего — руководящей ролью рабочего класса и его партий, единством целей и основных задач.¹¹ Однако это есть единство взаимодействующих частей, оно не исключает, а, наоборот, предполагает осуществление видов партийного руководства, государственного и общественного управления. Причем каждое из подвидов осуществляется через систему определенных институтов, с присущими им формами, средствами и методами деятельности.

Чтобы подойти к интересующим нас вопросам, очевидно, надо выяснить, в чем выражается то, что специфично в целом для такого вида социального управления, как государственное, а из этого конкретизировать специфику арбитража как части целого. Что же специфично для государственного управления? Прежде всего то, что государственная власть есть основная главная форма политической власти. «Особенность государственной власти как одной из форм или разновидностей политической власти состоит в том, что она осуществляется с помощью правовых норм, специально созданных государственным аппаратом, опирается не только на сознание масс, но и на возможность принуждения, для чего имеется специальный аппарат и материальные средства,

¹⁰ На наш взгляд, М а н о х и н В. М. правильно показал, что эта взаимосвязь выражается в том, что юридическая наука включает в себя ту часть науки управления государственными и общественными делами, которая исследует отношения, подлежащие правовому регулированию. Причем эта часть занимает важнейшее место в юридической науке. В то же время, научные выводы о правовых аспектах организации управления, являясь частью науки управления в целом, органически связаны с другими ее составными частями. См. М а н о х и н В. М. О предмете и задачах науки управления в современный период. — «Советское государство и право», 1965, № 2, с. 89.

¹¹ К у п ц о в О. А. Цит. книга, с. 107—108.

ей обязано подчиняться все население. Такими специфическими признаками не обладает ни один другой вид политической власти».¹²

Как мы видим, государство и право едины, одно без другого не функционирует. Поскольку государственное управление — это надстроечная властная деятельность, постольку мы можем сказать, что правовой метод является одним из основных методов государственного управления. Этот метод реализуется в той или иной мере, в тех или иных формах, всеми подсистемами и звеньями государственного управления народным хозяйством, в числе их и арбитражем. Какова же роль арбитража в реализации правового метода государственного управления народным хозяйством? Ответить на этот вопрос не так просто, ибо в литературе пока не сложилось единое общее понятие метода управления, нет единства взглядов по вопросам структуры и даже названия правового метода, его места в системе методов управления и соотношения с другими методами. Этим вызвана необходимость хотя бы беглого рассмотрения сущности и содержания правового метода, дабы выбрать исходные положения для определения роли арбитража в его реализации.

* *
*

В литературе даны самые различные определения понятия метода управления,¹³ бесспорным является только то, что метод — это фактор, упорядочивающий общественные отношения. Не имея возможности анализировать в данной статье различные определения метода, отметим, что наиболее плодотворным представляется рассмотрение метода управления с аспекта статичности и аспекта динамики, применяемое Кельдер В. П. и Саарнитсем Л. П.¹⁴ Под методом управления в статике они подразумевают совокупность средств (приемы и формы) управленческого воздействия, а в динамике — способ, направление и характер управляющего воздействия на объект. При этом в качестве метода рассматривается какая-либо совокупность средств, а не одно средство. Исходя из этого, в иерархической системе методов,

¹² Там же, с. 118.

¹³ Так, например, Основин В. С. (Основы науки социального управления, Воронеж, 1971, с. 177) пишет, что методы управления — это приемы, при помощи которых управляющая система воздействует на управляемую. По Ознобину Н. «Методы управления — это определенным образом упорядоченная деятельность» (См. Сб. «Очерки теории управления промышленным производством». М., 1969, с. 66). Козлов Ю. М. пишет, что методы управления — это «фактическое содержание управленческой деятельности». (Козлов Ю. М. Управление народным хозяйством СССР, т. 1, с. 103.).

¹⁴ См. Кельдер В. П., Саарнитс Л. П. Введение в теорию социального руководства (на эст. языке). Тарту, 1973, с. 166—167.

каждый метод нижестоящего уровня является формой реализации метода вышестоящего уровня. Кроме того подчеркивая неразрывность содержания и формы, отмечается диалектика их связи: то, что в одних связях является содержанием, может в других стать формой и наоборот. Это определение метода управления и принято за исходное в дальнейшем изложении.

Ряд авторов,¹⁵ исследующих методы социального управления, при их классификации, выделяют «методы правового регулирования». Чаще в литературе правовой метод объединяется с организационным методом под единым термином «организационно-правовые методы», а еще более часто употребляется термин «административные методы». Поскольку латинское «administrare» означает «управлять»,¹⁶ т. е. термин «административный метод» — равнозначен термину «управленческий метод», то уже вследствие этого, надлежало бы отказаться от термина «административный метод» для обозначения какого-либо одного из системы методов управления. Если же отвлечься от буквального перевода и принять для обозначения «правового метода» термин «административный метод», то необходимо определить его содержание, ибо в действительности содержание правового метода управления значительно богаче и шире того, которое часто подразумевается под содержанием «административного». Очевидно тем, что некоторые экономисты видели содержание этого метода в одном лишь принуждении, и можно объяснить, что в первые годы экономической реформы в работах некоторых авторов экономический метод противопоставлялся так называемому административному методу. Такое противопоставление подвергалось обстоятельной критике в литературе¹⁷ и обоснованно подчеркивалась необходимость сочетания экономических и правовых методов в управлении народным хозяйством, как одно из условий успешного использования экономических методов.¹⁸

¹⁵ См. например: а) Мишин М. И. К вопросу о классификации методов социалистического государственного управления. В сб.: Теоретические проблемы социального управления, вып. 2, М., 1968, с. 73. б) Основин В. С. Основы науки социального управления. Воронеж, 1971, с. 182—183. в) Марксистско-ленинская общая теория государства и права (Основные институты и понятия). М., 1970, с. 338. г) Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972, с. 80 и др.

¹⁶ См. Словарь иностранных слов. Под ред. Лехина И. В. и др. Изд. 6-е, М., 1964, с. 24.

¹⁷ См. Братусь С. Н. Соотношение административных и экономических методов в регулировании хозяйственных отношений. — «Советское государство и право», 1966, № 3, с. 24—34; Козлов Ю. М. Методы управления народным хозяйством СССР. — «Советское государство и право», 1968, № 4, с. 50 и др. авторы.

¹⁸ См. Петров Г. И. Основы советского социального управления. Л., Изд. ЛГУ, 1974, с. 263.

Роль и значение правового метода в управлении вытекает из учения марксизма-ленинизма о соотношении права и экономики. К. Маркс и Ф. Энгельс, рассматривая соотношение права и экономики, неоднократно указывали, что возникновение и содержание правоотношений определяется экономическими отношениями, формой и способом реализации которых они являются.¹⁹

В. И. Ленин, развивая положения К. Маркса и Ф. Энгельса о соотношении права и экономики, особо подчеркнул мысль о том, что категории права имеют значение не только в качестве формы, опосредствующей экономические отношения, составляющие их содержание, но, что право в то же время, и регулятор (определитель) распределения продуктов и распределения труда между членами общества, что право оказывает регулирующее воздействие на экономические отношения будучи средством законодательного закрепления экономической политики для устранения всякой возможности уклонения от нее.²⁰

В свете вышеизложенных положений становится совершенно очевидна теоретическая необоснованность всякого противопоставления экономических и правовых методов управления.

Иногда противопоставление указанных методов пытаются обосновать утверждением о том, что экономические методы формируются непосредственно на основе экономических интересов, на научном познании и использовании экономических законов, тогда как правовые методы якобы опираются лишь на авторитет власти.²¹ Утверждения о большей научной обоснованности одного метода по сравнению с другим представляются искусственными. Авторы не учитывают, что хотя социальное управление и является сферой действия преимущественно субъективного фактора, общим принципом социалистического управления является соответствие его принципов объективным законам.²² В планомерно развивающемся социалистическом народном хозяйстве, где политическое руководство осуществляется Коммунистической партией на основе познания законов общественного развития, научно обоснованы не только основные методы управления, к каковым относится правовой метод, но и весь комплекс методов управления. Комплексная разработка всей системы методов исключает методы, не отвечающие этому требованию. Ошибка может быть допущена не при определении основных методов

¹⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 94; Соч. т. 19, с. 16—19.

²⁰ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 344.

²¹ См. Управление социалистическим производством. Под ред. Верещагина И. К. и Козловой О. В. М., 1968, с. 81. См. также Зиновьев Ю. М. Прибыль и повышение эффективности социалистического производства. М., 1968, с. 77.

²² Белых А. К. В кн.: Коммунизм и управление общественными процессами... ЛГУ, 1972, с. 26.

управления, а при выборе отдельных форм или средств реализации методов.

Правовой метод, как и комплекс методов управления в целом, обусловлен социалистическим базисом, общественным интересом.

Макаров С. П., критикуя противопоставление методов, правильно отметил, что в подобных случаях «фактически забывается, что, во-первых, действия государства при социализме выражают общественный интерес, который является ведущим основным экономическим интересом, в отличие от коллективных и индивидуальных». ²³ Во-вторых, забывается, что этот интерес как раз и проявляется в таких функциях государства, как планирование, организация, контроль. Поскольку функции государства как организатора производства по своей природе являются экономическими, методы их выполнения оказываются не просто административными актами, содержанием которых является некое «внеэкономическое принуждение», а конкретными способами подчинения производства интересам общества, т. е. экономическими методами. Иначе говоря, экономические методы действуют в правовой форме, притом не только в административно или государственно-правовой форме, а и в формах других отраслей права. Это непосредственно вытекает из известного положения марксизма о том, что правовые отношения не существуют сами по себе, а представляют собой определенную форму экономических отношений. «Юридическое отношение, — писал К. Маркс, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение». Содержание этого юридического или волевого отношения дано самим экономическим отношением. ²⁴

Положения марксизма-ленинизма о соотношении экономики и права лишают основания мнения о происходящем якобы сужении сферы действия правового метода, об отступлении этого метода на второй план ²⁵ и т. п.

В условиях развитого социализма, где неизмеримо возрастают объективные возможности сознательного воздействия на общественные процессы, возрастает и роль субъективного фактора в управлении. Бесспорно, основным методом социального управления является здесь убеждение, государственное принуждение играет вспомогательную роль и применяется на базе убеждения. Однако нельзя все богатство содержания правового метода сводить только к принуждению. Правовой метод не в целом отступает на второй план, а сужение сферы действия правового метода имеет место лишь в одной части ее структуры. Сужение выра-

²³ Макаров С. П. Централизованное управление производством в условиях реформы. М., «Мысль», 1972, с. 85.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 9.

²⁵ См. Коммунизм и управление общественными процессами. Том I. Под ред. проф. Белых А. К. ЛГУ, 1972, с. 83.

жается не в отмирании правил поведения, зафиксированных в диспозиции правовых норм. Эти обязательные правила не отмирают, они продолжают регулировать общественные отношения, сохраняется и санкция правовой нормы. Сущность изменения заключается в том, что эти правила начинают систематически исполняться субъектами правоотношений, без применения санкции, без применения какого-либо принуждения. В общенародном социалистическом праве на второй план отступает признак принудительности.²⁶ Такие нормы, сохраняя структуру правовых норм, фактически превращаются в «неправовые». Изучение означенного явления, имеющего место в жизни, было бы весьма интересным и дало бы возможность определить степень движения управляемых общественных процессов в направлении, определенном волей управляющего субъекта.

Рассматривая сам правовой метод в его иерархическом построении, мы можем говорить о нем как одном из методов государственного управления и в то же время, видеть в нем форму осуществления политической власти. Подходя к нему на ином уровне, мы наоборот, можем говорить о правовых методах и формах во множественном числе, имея в виду методы отдельных отраслей права и формы их реализации и т. д.

В литературе часто употребляются термины «правовые формы», «система правовых форм» и др. Поскольку средства и формы входят в структуру метода, а определенное направление воздействия всегда осуществляется посредством определенных форм и средств, то об уместности употребления того или иного термина можно судить лишь с учетом уровня рассмотрения.

Структура правового метода управления также определяется в литературе по-разному. Исходя из принятого нами выше общего определения метода управления для определения структуры правового метода, можно использовать положение Алексеева С. С.²⁷ о том, что механизм правового регулирования образуют все юридические средства, при помощи которых осуществляется правовое регулирование (метод в статике), а также мнение Горшенева В. М. о том, что «метод правового регулирования это... своеобразный способ воздействия на общественные отношения с целью их урегулирования, который выражается в установлении с помощью норм права определенного (возможного и должного) состояния воли субъектов в их взаимоотношении с другом, а также относительно желаемых результатов их поведения».²⁸

²⁶ См. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966, с. 21.

²⁷ См. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966, с. 7.

²⁸ Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972, с. 80.

Суммируя все изложенное выше о существе правового метода, представляется, что правовой метод государственного управления можно определить как совокупность правотворческой, правоисполнительной, правоприменительной и правоохранительной деятельности государства и совокупность соответствующих средств и форм этой деятельности.

Все структурные элементы правового метода взаимосвязаны и виды деятельности в их применении переплетаются. Так например, правотворческая деятельность исполнительно-распорядительных органов государства связаны с правоприменительной и правоисполнительной, а правоохранительная есть в то же время подвид правоприменительной деятельности и т. д. Госарбитраж, будучи главным образом организационной системой правоохранительной деятельности, в то же время наделен правоприменительными и некоторыми правотворческими полномочиями (см. п. 6 Положения). При этом отдельные подвиды деятельности реализуются только посредством определенных форм. Так, издание законов Союза ССР и союзных республик является прерогативой только высших органов государственной власти Союза ССР и союзных республик, прямо указанных в Конституции СССР и в конституциях союзных республик. Никакие другие органы системы государственного управления не уполномочены осуществлять правотворчество в форме издания законов. Все другие органы в пределах своей компетенции осуществляют правотворчество в форме издания подзаконных правовых актов.

Автор данной статьи присоединяется к мнению о том, что правотворчество — это вид государственной деятельности, направленной на выработку, издание и совершенствование нормативных юридических актов²⁹, происходящих в соответствующих формах.

Общественные организации обладают подзаконной правотворческой компетенцией в пределах, определенных государством.³⁰

Нормотворчество необходимый структурный элемент метода правового регулирования. В нормативных актах, являющихся по существу управленческими решениями, закрепляются цели и задачи, поставленные перед всей системой управления народным хозяйством и его подсистемами. Совокупностью норм права устанавливается правовой режим согласованного и целенаправленного функционирования всех звеньев системы народного хозяйства. В правоустановительной деятельности наиболее ярко про-

²⁹ См. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций в двух томах, т. 2. Свердловск, 1973.

³⁰ Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., 1960, с. 146—149.

является созидательная, творческая роль социалистического государства. «В обобщенной концентрированной форме советские законы выражают волю народа, основные направления политики партии и государства» — отметил генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.³¹

Для того, чтобы воля народа, выраженная в законах, претворялась в жизнь, необходимо функционирование всех других структурных элементов правового метода. Установленный совокупностью норм права режим функционирования всех звеньев системы народного хозяйства подлежит неуклонному соблюдению. Предписания норм права должны неуклонно исполняться.

Принцип социалистической законности, являющийся общим принципом социального управления в социалистическом обществе, проникает во все его структурные элементы, цементируя их (общие принципы системы закономерно отражаются в подсистемах, цементируя систему как целостную). Необходимость строгого соблюдения законов в народном хозяйстве подчеркивалась В. И. Лениным³² уже в самом начале существования советского государства. На современном этапе — это программное требование Коммунистической партии. В отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду КПСС особо подчеркивалось, что «Уважение к праву, к закону должны стать личным убеждением каждого человека. Это тем более относится к деятельности должностных лиц. Любые попытки отступления от закона или отход от него, чем бы они ни мотивировались, терпимы быть не могут».³³

Правовой метод применяется в той или другой части, в деятельности всех звеньев структуры государственного управления и требование о строгом соблюдении принципа социалистической законности относится к ним всем без исключения. Это последовательно зафиксировано в законе, в чем нетрудно убедиться, обратившись к тексту Конституции СССР или конституций союзных республик, «Общего положения о министерствах СССР»³⁴ или «Общего положения о всесоюзном и республиканском промышленных объединениях»³⁵ и др. Можно привести и другие примеры, подтверждающие общее положение о том, что соблюдение и исполнение правовых норм является обязанностью всех субъектов права, выполнение которой обеспечивается специальными средствами и формами деятельности государства. Придавая особое значение неуклонному исполнению законов и соблюдению принципа социалистической законности, государство пред-

³¹ Брежнев Л. И. Речь перед избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы 13 июня 1970 г. — «Правда», 1970, 13 июня.

³² См. Ленин В. И. Полное собр. соч., т. 44, с. 368.

³³ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 84.

³⁴ СП СССР 1967, № 17, с. 166.

³⁵ СП СССР 1973, № 7, с. 31.

усматривает, кроме обычных, и специальные формы обеспечения его реализации. Так, на Прокуратуру СССР и Комитет Народного контроля СССР Положениями о них возложен контроль и надзор за соблюдением законности.³⁶ Все сказанное выше дает основания считать правоисполнительную деятельность и ее формы самостоятельным структурным элементом правового метода управления.

Исполнение и соблюдение правовых норм не следует сливать с другим элементом этого метода, с применением норм права, как это довольно часто делается в литературе.³⁷

Во-первых, было бы в противоречии с содержанием принципа социалистической законности считать соблюдение и исполнение норм права только лишь делом граждан и общественных организаций. Согласно этому принципу все без исключения государственные организации и должностные лица также обязаны соблюдать и строго исполнять нормы закона. Во-вторых, «норму права нельзя применить к самому себе, а только по отношению к другим лицам»,³⁸ субъектом же исполнения нормы является каждый. В-третьих, исполнение не может включаться («входить», «быть в то же время») в применение, если мы подразумеваем исполнение и применение содержания нормы права, ибо очевидно, что субъект права исполняет, а не применяет (к самому себе) юридические обязанности. В-четвертых, «не всякая правомерная деятельность, связанная с возникновением правоотношений, представляет собой применение правовых норм, а лишь такая, которая сопряжена с организацией осуществления правовых норм в правоотношениях и воздействием на обязанных лиц в этих отношениях».³⁹ Исполнительная деятельность лишена организаторского характера.

В ряде случаев совершение юридических действий по приме-

³⁶ ЦК КПСС и Совет Министров СССР в совместном постановлении от 23 декабря 1970 г. «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве» (СП СССР 1971, № 1, ст. 1) обязали Прокуратуру СССР и Комитет Народного Контроля СССР усилить надзор и контроль за строгим соблюдением законности в хозяйственной деятельности министерств, ведомств, предприятий, организаций и учреждений.

³⁷ Приведем лишь некоторые примеры: Так, Кечекьян С. Ф. в статье «Нормы права и правоотношения» («Советское государство и право», 1955, № 2, с. 32) отмечал, что применение права государственными организациями включает и их исполнение. Эту же мысль выразили Керимов Д. А. и Шейндлин Б. В. в совместной работе «Некоторые вопросы теории правоотношений» (см. Уч. зап. ЛГУ им. А. А. Жданова. «Вопросы государства и права», Л., 1958, с. 76). К о р е н е в А. П. подразделяет правовые формы деятельности органов государственного управления только на правотворческую (правоустановительную) и правоприменительную (см. «Правоведение», 1974, № 6, с. 24—25).

³⁸ К итогам дискуссии о применении норм советского права. — «Советское государство и право», 1955, № 3, с. 55.

³⁹ См. Н е д б а й л о П. Е. Цит. книга, с. 137; К итогам дискуссии о применении норм советского права. — «Советское государство и право», 1955, № 3, с. 55.

нению норм права может быть одновременно и действием по их исполнению и соблюдению, но это лишь часть обширной правоисполнительной деятельности.

Применение норм права — это такой способ реализации правовых предписаний, специфическим признаком которого является то, что реализация происходит посредством совершения юридических действий (актов), приводящих к возникновению, изменению или прекращению правоотношений.

В советской юридической литературе признается, что специфическим признаком акта применения является его организующая роль в реализации правовых норм. Но многие авторы связывают эту роль лишь с деятельностью государственных органов, при этом с их государственно-властной деятельностью.⁴⁰ Недбайло П. Е. и ряд других авторов⁴¹ не согласны с мнением о том, что применением права занимаются только государственные органы и только в форме их властной деятельности. Недбайло П. Е. убедительно показал, что 1) акты применения права государственные органы тоже совершают не только в правоотношениях властного характера, а и в товарно-денежных, трудовых и др.; 2) что в пределах предоставленных им прав и органы общественных организаций применяют нормы советского права⁴²; 3) что акты применения диспозиции правовых норм совершают также граждане. Что же касается применения санкции правовых норм, то это всеми авторами относится к прерогативе государственных органов.

Очевидно, подходя к разрешению такого весьма важного и до сего времени спорного вопроса, каким является понятие применения норм права, следует учесть, что применение норм права — это сложный многоступенчатый процесс, состоящий из ряда стадий,⁴³ кроме того, следует различать применение диспозиции и правовой нормы и применение ее санкций.⁴⁴

Применение диспозиции правовой нормы в действительности совершается очень широким кругом субъектов, включая и граждан. В чем же заключается применение диспозиции? Оно составляет первую стадию правоприменения, которая существенно отличается от второй стадии — стадии применения санкции.

⁴⁰ См. Недбайло П. Е. Цит. книга, с. 139.

⁴¹ Анализ различных точек зрения см. Недбайло П. Е. Цит. работа, с. 139—176.

⁴² Например, применяют устав, разрешающий назначать взыскание на члена организации — писал Вильнянский С. И. (См. его статью: Применение норм советского социалистического права. — Уч. зап. Харьковского юрид. ин-та. Вып. 7, 1956, с. 9.)

⁴³ См. Алексеев С. С. Проблемы теории права, т. 2 (Мы ссылаемся на это положение несмотря на то, что Алексеев С. С. считает правоприменение только государственной властной деятельностью).

⁴⁴ Недбайло Е. П. Цит. книга, с. 45.

В первой стадии субъекты права (участники общественных отношений) применяют правила диспозиции дозвоительной нормы своими правомерными и юридическими действиями. (Таковыми, как например, совершение сделок, прекращение обязательства зачетом и т. д. и т. п.). Алексеев С. С. называет это «автономным урегулированием».⁴⁵

В статье «К итогам дискуссии и о применении норм советского права»⁴⁶ говорится, что ограничение применения норм правоприменением их санкций, т. е. применением принуждения, обедняет это понятие и свидетельствует о недооценке творческого значения актов применения норм права. С этим согласен Недбайло П. Е.⁴⁷ К этому присоединяется и автор данной статьи.

Граждане совершают только те юридические акты по применению права, которые им дозволены, т. е. применяют исключительно диспозиции правовых норм дозвоительного характера. Граждане не обладают средствами принуждения, когда эти средства необходимы, они обращаются к компетентным органам государства.⁴⁸

Сказанное относится и к применению норм права общественными организациями. Однако в отличие от граждан их деятельность не ограничивается только применением диспозиции правовых норм. Они применяют и те санкции, на применение которых они уполномочены уставом организации или специальными актами государства.

В то же время не мало таких диспозиций норм права, применение которых возможно только государственными органами, наделенными властными правомочиями. Например, диспозиция части второй ст. 30 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении, разрешающая устанавливать на соответствующих территориях особые условия и режим труда, передвижения и перевозок, направленных на предупреждение эпидемических инфекционных заболеваний, может быть применена только актами Советов Министров союзных и автономных республик, исполнительных комитетов СДТ. Подобных примеров можно привести много.

Применение санкции правовой нормы — это властные предписания другому лицу совершить какие-то обязательные действия независимо или вопреки его согласия. Это есть применение мер государственного принуждения, в случае, если правило нормы не исполнено или запрет нарушен. Применение санкции принципиально отличается от применения диспозиции правовых норм.

⁴⁵ См. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования... с. 162.

⁴⁶ См. — «Советское государство и право», 1955, № 3, с. 51.

⁴⁷ Недбайло П. Е. Цит. книга.

⁴⁸ См. Недбайло П. Е. Цит. книга, с. 167.

Акт применения диспозиции — это стадия нормальной реализации норм права. Она происходит посредством правомерных актов. Санкция же правовой нормы применяется только в том случае, когда возникшее в соответствии с нормой права правоотношение нарушено и требуется или восстановление нарушенного субъективного права, а если это невозможно, то ликвидация негативных результатов правонарушения. В том случае, когда содержание правоотношения спорно, то требуется его установление и закрепление властным решением государственного органа.

Многие санкции норм гражданского права предусматривают меры государственного принуждения, не являющиеся мерами правовой ответственности. Они применяются в предупредительных или правоохранительных целях к лицам, которые не совершили правонарушения. Поэтому будет ошибочным сказать, что «санкции применяются только к правонарушителям».⁴⁹ Однако обстоятельное рассмотрение понятия и оснований гражданско-правовой ответственности выходит за рамки данной статьи.⁵⁰

В случаях, когда нормальный процесс исполнения и применения норм права нарушен, возникает такое отклонение системы отношений от заданной нормой состояния, которое не устранимо обычными организационно-технологическими или экономическими средствами, а для этого требуется применение особых мер государственного принуждения, предусмотренных в санкции нормы. Возникла ситуация, требующая особой государственной реакции в виде правоохранительной деятельности.

Эта стадия реализации норм права в юридической литературе обычно включается в общую стадию применения права. Высказаны отдельные предложения⁵¹ о разграничении правоприменительной стадии на два вида: «регулятивную и правоохранительную», но под последней подразумевается, главным образом, юрисдикционная деятельность. В действительности правоприменительная деятельность значительно шире юрисдикционной. Несомненно, в рамки одной стадии невозможно вместить как нормальный правоприменительный процесс, совершающийся посредством правомерных действий, обеспечиваемый возможностью применения государственного принуждения, так и процесс приме-

⁴⁹ Не д б а й л о П. Е. Цит. книга с. 133.

⁵⁰ Точку зрения автора по этим вопросам см. Ананьева Ж. К.: 1) О понятии гражданского правонарушения и мерах государственного принуждения по советскому праву. Теоретические вопросы развития Советского государства и права в период развернутого строительства коммунизма. Тезисы докладов на межвузовской научной конференции. Ростов-на-Дону. Изд. Ростовского ун-та, 1960, с. 93—95; 2) О повышении воспитательного воздействия гражданско-правовой ответственности. — Труды по правоведению. Сборник статей. Тарту, 1964, с. 3—25; 3) О разграничении исков в судебной практике. — Уч. зап. Тартуского ун-та. Труды по правоведению VI. Тарту, 1967, с. 198—217.

⁵¹ См. например, К о р е н е в А. П. Правовые формы деятельности органов государственного управления. — «Правоведение», 1974, № 6, с. 26—27.

нения (превращение возможности в действительность) этого принуждения при неправомерном нарушении процесса нормальной реализации права, их надо разграничить. Исходя из сказанного, целесообразно выделить из категории правоприменения правоохранительную деятельность, а также формы и средства ее осуществления как особую стадию реализации права, как самостоятельное структурное подразделение в составе правового метода управления.

Основанием для возбуждения правоохранительной деятельности органов государства является нарушение правомерно возникшего и развивающегося правоотношения, которое, как юридический факт, породило специальное правоохранительное отношение.⁵² Мы имеем в виду охранительное отношение материально-правового характера. Осуществление субъективного права с момента его возникновения гарантировано возможностью применения государственного принуждения. Это зафиксировано в нормах права, и без такой гарантии субъективное право не было бы правом. Однако эта возможность становится действительностью, т. е. меры принуждения применяются только тогда, когда в силу факта нарушения (оспаривания) субъективного права и на основании охранительной нормы права, возникает правоохранительное отношение. Входящее в содержание этого правоотношения субъективное право (в форме притязания) на защиту может быть реализовано соглашением сторон в бесспорном или в претензионном или же в юрисдикционном порядке.

Средства, формы и способы правоохранения весьма разнообразны, особенно те, что применяются в сфере народного хозяйства. Это объяснимо тем, что складывающиеся здесь правоотношения, опосредствуя экономические отношения, выражают заданное состояние системы, планомерно и пропорционально развивающегося народного хозяйства.

Нормальное развитие правоотношений гарантирует согласованное функционирование всей системы планомерно развивающегося народного хозяйства. Нарушение этих отношений даже в отдельном звене, негативно отражается во многих взаимосвязанных звеньях и подсистемах, вносит элемент «неуправляемости» в систему народного хозяйства, что может повлечь за собой отклонение ее подсистем от заданного планом состояния. Чем быстрее будут применены правоохранительные средства, тем меньше элемент дезорганизации и ущерб в народном хозяйстве.

Исходя из сказанного нельзя сводить цель и задачи правоохранительной деятельности только к защите прав хозяйственных

⁵² Основания возникновения и элементы правоохранительного отношения рассмотрены автором в статье «О классификации гражданских правоотношений». — Уч. зап. Тартуского ун-та. Труды по правоведению XIV. Тарту, 1972, с. 90—108.

организаций, как это иногда делается. Такая защита, бесспорно, входит в цели правоохранительной деятельности, но этим они не исчерпываются. В цели и задачи включается также охрана самой системы правоотношений, режим ее функционирования, т. е. охрана социалистического правопорядка в сфере народного хозяйства, предполагающего строгое соблюдение государственной и договорной дисциплины.

Целью правоохранительной деятельности представляется: во-первых, пресечение конкретного правонарушения или разрешение правового спора, во-вторых, ликвидация тех негативных последствий, которое оно внесло в данную подсистему правоотношений, в-третьих, — установление причин и обстоятельств, способствовавших совершению правонарушения (возникновению спора) и их устранение на дальнейшее. Достижение этих целей не осуществимо без государственного принуждения.

На какие же звенья (подсистемы) системы государственного управления возложена правоохранительная деятельность? Их оказывается множество. Прежде всего, сами хозяйственные организации наделены правом и на них возложена обязанность применения экономических санкций в претензионном порядке (см. ст. 6 Основ гражданского законодательства). Вышестоящие органы хозяйственного руководства имеют право совершать правоохранительные действия в интересах подчиненных им организаций, хотя последние будучи юридическими лицами, не лишены сами этой возможности.⁵³ Далее, Государственный Банк СССР, а также финансовые органы управомочены в указанных законом случаях применять правоохранительные меры в виде бесспорного списания сумм с расчетных и иных счетов организаций и предприятий. Госкомитет цен и органы Госстандарта наделены властными полномочиями применения экономических санкций за нарушение государственной дисциплины, цен и выпуск не соответствующей стандартам продукции. Правоохранительной деятельностью занимаются также арбитраж, суды, прокуратура. Очень многим другим структурным подразделениям система органов государственного управления присуща правоохранительная деятельность, а в ряде случаев право применения правоохранительных средств делегировано профсоюзам и другим общественным организациям.

Все это подтверждает приведенный ранее тезис о том, что правовой метод социального регулирования реализуется через всю систему политической организации общества, главным же образом, через органы государственного управления. Это положение

⁵³ См. Положение о порядке предъявления и рассмотрения претензий предприятиями, организациями и учреждениями и урегулирования разногласий по хозяйственным договорам. СП СССР 1973, № 23, ст. 128. (В дальнейшем сокращено: «Положение о порядке предъявления и рассмотрения претензий»). См. также Устав Госбанка СССР (СП СССР. 1960, № 18, ст. 160).

относится ко всем составным элементам правового метода, в том числе и к правоохранительному.

Однако в результате сопоставления основных функций государственных органов, осуществляющих и правоохранительную деятельность, выясняется, что роль различного вида органов в реализации этого метода неодинакова. Для большей части из них как-то: для предприятий, госбанка и многих иных организаций, правоохранительная деятельность, будучи необходимой и обязательной, не составляет их основной задачи (функции), а служит специальным средством, предоставленным им для обеспечения осуществления ими их основных функций.⁵⁴

В то же время в системе органов государственного управления имеется и структурное подразделение в виде подсистемы специальных государственных органов, для которых правоохранительная деятельность составляет их основную функцию. В дальнейшем мы и называем их правоохранительными органами. Наличие такой подсистемы обусловлено указанными выше целями правоохранительной деятельности в государственном управлении. Все звенья данной подсистемы наделены властным полномочием для вынесения обладающих обязательной силой решений о применении к субъектам правоотношений мер государственного принуждения, предусмотренных санкциями правовых норм. Целью применения санкций является принудительное восстановление заданного состояния системы правоотношений, которое было нарушено, а в случае, когда нарушение еще не состоялось, но возможность его реальна — властное закрепление заданного состояния и тем самым предотвращение уклонения от него. Одновременно вся деятельность правоохранительных органов направлена и на воспитательные цели.

В систему правоохранительных органов входят: суд, арбитраж, прокуратура, нотариат, органы Министерства внутренних дел, а также многие другие органы государственного надзора и контроля, обладающие указанными выше признаками. По составу сама система правоохранительных органов не однородна, а имеет структурные подразделения (подсистемы), характеризующиеся множеством элементов, целостностью, различными свойствами и т. д.

На наш взгляд, в общей системе правоохранительных органов следует различать две подсистемы: 1) систему органов, применяющих санкции правовых норм в бесспорном порядке и 2) систему юрисдикционных органов.

⁵⁴ Так, например, основные функции Государственного банка СССР определены в ст. 1 его Устава (СП СССР 1960, № 18, ст. 160), а Социалистического государственного производственного предприятия в ст. 2 Положения о нем. (См. СП СССР 1968, № 19—20, ст. 155) и т. д.

Особенность бесспорного порядка заключается в том, что санкция правоохранительной нормы применяется властным решением (распоряжением) уполномоченного органа, без специальной предварительной процедуры рассмотрения спора об основаниях его применения. Эти основания точно предусмотрены в самой правоохранительной норме. Примером может служить выдача нотариусом исполнительной надписи, наложение полномочным органом ареста на имущество, штрафа и т. п.

Юрисдикционные органы⁵⁵ применяют санкции правовых норм лишь после предварительного рассмотрения в установленном законом процессуальном порядке оснований их применения. При этом порядок вынесения решения о применении санкции, структура этого решения и порядок его исполнения также урегулированы процессуальным законом.

Таким образом, юрисдикционные органы рассматривают в установленном процессуальном порядке споры между субъектами права о наличии или отсутствии между ними правоотношения (напр., по части 1 ст. 59 ГК ЭССР), о содержании устанавливаемого на будущее правоотношения (ст. 117 ГК ЭССР), о наличии или отсутствии факта нарушения, связывавшего их правоотношения, о характере и содержании правоохранительного отношения,⁵⁶ возникшего в результате такого нарушения, о юридической квалификации как нарушенного, так и правоохранительного отношения, о подлежащей в данном случае применению мере принуждения, о порядке применения и др.

Лишь на основе анализа и оценки всей собранной в процессуальном порядке информации и соответствующего толкования правоохранительной нормы, юрисдикционный орган решает спор и выносит свое решение в форме юрисдикционного акта. Характеризуя процессуальную деятельность суда как одну из форм управления, Одар Я. Э. справедливо отмечает, что эта деятельность «характеризуется двумя признаками: 1) точно определенной компетенцией, достигаемой установлением подведомственности дел; 2) строгой регламентацией порядка его действия».⁵⁷ Сама процессуальная деятельность является правоохра-

⁵⁵ Термин «Юрисдикция» (лат. — *iurisdictio*; суд, судопроизводство) употребляется в литературе в двух смыслах: 1) для обозначения области, на которую распространяются полномочия соответствующих органов и 2) для обозначения полномочия, давать правовую оценку фактам, разрешать споры о праве и применять санкции правовых норм (см. Юридический словарь. М., 1953). Мы употребляем этот термин во втором смысле, подчеркивая при этом реализацию полномочия в урегулированной законом процессуальной форме.

⁵⁶ Подробно о правоохранительном отношении. См. Ананьева Ж. К. Классификация гражданских правоотношений. — Уч. зап. Тартуского ун-та. Труды по правоведению XIV. Тарту, 1972, с. 90—108.

⁵⁷ Одар Я. Э. О применении основных положений теории управления в советском гражданском процессе. Автореф. канд. дисс. Тарту, 1974, с. 9.

нительной, но проводится она не ради ее самой, а в целях охраны системы материальных правоотношений и защиты материального субъективного права.

Приведенные выше признаки характеризуют как деятельность судебной системы, так и системы государственного арбитража. Следовательно, обе эти системы вместе и составляют систему юрисдикционных правоохранительных органов, которая входит в общую систему государственных правоохранительных органов в качестве структурного подразделения.

Отмечая общие признаки, дающие основание отнести суд и госарбитраж вместе в одну из подсистем общей системы государственных органов, через которую реализуется правовой метод в его правоохранительной части, следует отметить, что суд и госарбитраж, в то же время, остаются самостоятельными структурными подразделениями (подсистемами). Наряду с общими признаками они имеют существенные различия. Эти различия касаются и внутреннего строения систем и их специфических свойств, а также их деятельности, но эти различия могут быть обстоятельно раскрыты в специальном исследовании.

Мы предвидим, что против включения органов суда и госарбитража в одну подсистему органов государственного управления (систему юрисдикционных правоохранительных органов), может быть выдвинуто серьезное возражение, обосновываемое тем, что Конституция СССР различает органы законодательные, органы государственного управления и органы судебные. (В соответствии с этим в юридической литературе госарбитраж относится ко второй системе органов). Такое разграничение в Конституции имеет, бесспорно, свое обоснование, которое мы и не пытаемся поколебать. Наша классификация покоится на иных основаниях. В данной статье за исходное⁵⁸ принята вся система государственных органов, входящая в политическую организацию общества (как в систему, являющуюся субъектом управления обществом), а дальнейшая классификация производится только с целью раскрытия внутренней структуры и форм реализации одного из методов государственного управления — правового метода. Целью статьи является попытка конкретизировать структуру правового метода государственного управления и определить место отдельных правоохранительных органов. При этом автор не претендует на бесспорность своих выводов, ибо внутренняя структура органов и институтов, составляющих политическую организацию общества, как и проблема реализации государственной власти посредством правового метода еще недостаточно исследована как наукой управления, так и юридической наукой.

Необходимость юрисдикционной деятельности была обосно-

⁵⁸ См. с. 84—88 настоящей статьи.

вана еще К. Марксом, который, отмечая, что закон всеобщ, а случай, который должен быть определен на основании закона, единичен, писал: «Чтобы подвести единичное под всеобщее, требуется суждение», ... а также, судья». ⁵⁹ Юрисдикционный акт необходим, когда имеется спор и требуется суждение о наличии или конкретном содержании правоотношения или суждение об обязательности данной нормы к данному случаю и т. д. Такое применение санкции правовой нормы будет и законным и обоснованным.

Государственный арбитраж, разрешая споры между государственными, кооперативными и иными общественными предприятиями, организациями и учреждениями, занимается правоохранительной деятельностью в юрисдикционной форме и выносит свои решения в форме юрисдикционных актов. В этом заключается, на наш взгляд, основная функция госарбитража как органа управления.

Общепризнанного определения функции управления в литературе не выработано. Представляется, что многообразные определения, высказанные в литературе ⁶⁰, можно свести к тому, что функция управления — это однородный целенаправленный вид деятельности, объективно необходимый для выполнения главных задач, стоящих перед данной системой управления. Задачи подсистемы производны от общих задач системы в целом и назначение подсистемы — это служить целому. Это можно видеть и на примере госарбитража. Основные задачи системы Госарбитража СССР, зафиксированные в п. 2 Положения о Государственном арбитраже при Совете Министров СССР, ⁶¹ исходят из главной задачи, поставленной перед всей системой управления народным хозяйством XXIV съездом КПСС, — это «обеспечение всесторонней интенсификации общественного производства и повышение его эффективности, являющейся основной линией экономического развития страны, как на ближайшие годы, так и на длительную перспективу, важнейшим условием создания материально-технической базы коммунизма». ⁶² Поэтому не случайно в числе главных задач госарбитража указано «содействие повышению эффективности общественного производства, укреплению хозяйственного расчета, развитию рациональных хозяйственных связей между предприятиями, организациями и учреждениями, усилению роли договора в их отношениях и развитию сотрудничества между ними в выполнении народнохозяйственного плана».

⁵⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 66—67.

⁶⁰ См., например: 1) Научные основы управления производством ... с. 62.
2) Циммерман Ю. Управление отраслью промышленности. М., 1974, с. 14—18.

⁶¹ СП СССР 1974, № 4, ст. 19.

⁶² Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1961.

Дальнейший анализ задач госарбитража раскрывает правильность общего положения, согласно которому каждая часть системы, служа общей задаче целого, делает это по-своему, по-особенному.⁶³ Перечисленные выше задачи Госарбитража СССР являются основными не только для него, но и для других звеньев системы управления народным хозяйством. В чем же тогда специфика госарбитража? Очевидно, специфика и выражается в том, что через деятельность арбитража реализуется правовой метод осуществления этих задач, при этом правоохранительная часть этого метода, которая осуществляется и посредством юрисдикционной формы. Своими юрисдикционными актами госарбитраж применяет, главным образом, санкции правовых норм. Наряду с этим, он своим властным решением разрешает также споры, возникающие между социалистическими организациями по поводу применения ими диспозиции нормы права. Это преддоговорные споры, споры по поводу изменения или прекращения договоров.

Управляющее воздействие госарбитража происходит по горизонтали на межотраслевые товарно-денежные отношения. Имущественно обособленные участники этих отношений выступают как юридически равноправные стороны, не состоящие между собой в отношении субординации лица. Стороны спорного правоотношения управомочены и даже обязаны разрешить возникший спор сами путем доарбитражного урегулирования и могут сами применить в бесспорном порядке соответствующие меры государственного принуждения, в виде экономических санкций. Только в случае недостижения об этом соглашения стороны обращаются в государственный арбитраж, где спор рассматривается государственным арбитром и ответственными представителями сторон. Соответствующее закону соглашение сторон, составленное в арбитраже, приобретает силу решения и только в случае разногласий между сторонами решение принимается государственным арбитром.⁶⁴

Участие самих сторон не только в рассмотрении, но и разрешении спора — это один из основных принципов арбитражного, установленный законом.

Принцип арбитражного является специфическим для юрисдикционной деятельности арбитража. Он характеризует метод управляющего воздействия госарбитража и не присущ судебной юрисдикции. Принцип арбитражного обусловлен, во-первых, плановым характером товарно-денежных отношений, составляющих сферу управляющего воздействия арбитража; во-вторых,

⁶³ См. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., 1968, с. 16—17.

⁶⁴ См. ст. 17 Положение о государственном арбитраже при Совете Министров СССР. СП СССР 1974, № 4, ст. 19.

субъективным составом этих отношений, это социалистические организации, большая часть из которых базируются на единой государственной социалистической собственности.

Принцип арбитражирования, однако, нельзя сводить к так называемому «чистому арбитражированию» третейского суда, ибо в отличие от последнего, арбитраж наделен государственными властными полномочиями. Меры государственного принуждения применяются им не в целях охраны интересов сторон как таковых, а в целях охраны таких интересов сторон, которые находятся в соответствии с общегосударственными интересами, зафиксированными в законе и в плане. Согласно п. 2 Положения о Государственном арбитраже при Совете Министров СССР, его главными задачами при разрешении споров являются в равной мере, как обеспечение защиты имущественных прав и законных интересов предприятий, организаций и учреждений, так и активное воздействие на них в деле соблюдения ими социалистической законности и государственной дисциплины при выполнении плановых заданий и договорных обязательств; борьба с проявлениями местничества и ведомственности.

Метод арбитражирования неприменим для урегулирования конфликтов, вытекающих из правоотношений по вертикали, являющихся отношениями власти и подчинения. Не случайно, при утверждении нового Положения об арбитраже Совет Министров СССР не принял во внимание высказанные в печати предложения о наделении арбитража правом признания недействительными актов планирования, нарушающих права предприятий.

Государственный арбитраж как орган, действующий методом арбитражирования, рассчитанным на координирующее воздействие по горизонтали, не может одновременно оказывать непосредственное управляющее воздействие на отношения по вертикали. Это функция органа управления, с которым управляемые объекты находятся в отношениях субординации. Если бы арбитраж был наделен свойствами такого органа, то он неизбежно утратил бы имеющиеся у него сейчас свойства и оказался бы неспособным на координирующее воздействие. Государственный арбитраж, как и иное специализированное звено системы управления, не может совместить в своей деятельности два исключаящие друг друга метода воздействия. Это привело бы к нарушению целенаправленности воздействия на объект, т. е. к нарушению одного из основных требований всякого управления.⁶⁵ В то же время госарбитраж как правоохранительный орган не может оставаться безучастным, если он в связи с осуществлением своей основной функции, обнаружит факты или действия, препятствующие эффективной реализации правового метода управления в народном хозяйстве. Он обязан принять меры к их устранению. Однако для этого не применяются юрисдикционные формы и

арбитражное, а формы, установленные п. 2 Положения о Госарбитраже при СМ СССР.

В пределах, установленных Положением о Госарбитраже при СМ СССР, на него возложены и некоторые правотворческие полномочия, но правотворчество не основная функция арбитража, оно одно из средств, направленных на выполнение его основных задач.

⁶⁵ См. Берг А. И. Кибернетика — наука об оптимальном управлении. М.—Л., «Энергетика», 1964, с. 71.

**Eesti NSV autorite Nõukogude tsiviilõigusliku, perekonna-,
tsiviilprotsessi-, kolhoosi- ja maaõigusliku kirjanduse
bibliograafia eesti ja vene keeles**

- Adojaan, I. Osade kindlaksmääramine abikaasade ühisomanduses olevas varas ja selle jagamine. — «Nõukogude Õigus», 1974, nr. 4, lk. 261—264.
- Aljohhov, J. Maaseadusandlusest ja individuaalehitisest. — «Nõukogude Õigus», 1973, nr. 6, lk. 436—438.
- Ananjeva, J., Laasik, E. Praktilisi ülesandeid Nõukogude tsiviilõigusest. Tartu, 1959.
- Ananjeva, J. Protsessiosaliste piiritlemisest Eesti NSV tsiviilprotsessi koodeksis. — «Nõukogude Õigus», 1959, nr. 1, lk. 28—41.
- Ananjeva, J. Loengud Nõukogude tsiviilõigusest. Üldine õpetus obligatsioonidest. Tartu, TRÜ rotaprint, 1961.
- Ananjeva, J. Nõukogude tsiviilprotsessiõiguse printsiipide mõiste ja süsteem. — TRÜ Toimetised. Vihik 105. Õigusteaduslikke töid, nr. 1. Tartu. 1961, lk. 3—15.
- Ananjeva, J. Tagada kohtuotsuse täitmine. — Eesti NSV Ülemkohtu üllättään, 1965, nr. 4, lk. 35—40.
- Ananjeva, J., Ploom, E. Ülesandeid Nõukogude tsiviilõigusest. 1. Tartu, TRÜ rotaprint, 1966.
- Ananjeva, J. Tugevdada teovõimetute kodanike õiguste ja seaduslike huvide kaitset. — Eesti NSV Ülemkohtu üllättään, 1966, nr. 1, lk. 50—55.
- Ananjeva, J. (kaasautorid. Mäll, J., Sildmäe, I.). Tartu teaduslikult konverentsilt. — «Nõukogude Õigus», 1967, nr. 6, lk. 331—335.
- Ananjeva, J. Isaduse tunnustamine ja lapsendamine. — «Nõukogude Õigus», 1968, nr. 5, lk. 260—263.
- Ananjeva, J., Grabe, H., Jemeljanova, M., Kalme, A., Kangur, L., Kartau, J., Kask, P., Kelder, V., Laasik, E., Lill, L., Nurmela, V., Ploom, E., Plutus, K., Rajala, R., Sepp, H., Siigur, H., Talvik, E., Tõnismäe, E., Eesti NSV tsiviilkoodeks. Kommenteeritud väljaanne, Tln. 1969.
- Ananjeva, J. Sotsialistlik riik, õigus ja majandus. (Teaduslikult konverentsilt Moskvast). — «Nõukogude Õigus», 1970, nr. 1, lk. 9—12.
- Ananjeva, J. jt. Nõukogude tsiviilõigus. Tln., 1971.
- Ananjeva, J. Kümme aastat «NSV Liidu ja liiduvabariikide tsiviilseadusandluse aluste» kohaldamisest. Ettekanne teaduslik-praktilisel konverentsil 22.—23. det. 1971. a. «Eesti NSV tsiviil- ja protsessuaalseadusandluse kohaldamise ja täiustamise probleeme». Ettekannete teesid. Tartu, TRÜ rotaprint, 1971.
- Ananjeva, J., Kask, P. Õppemetoodiline skeemide kogumik Nõukogude tsiviilõigusest. Tartu, TRÜ rotaprint, 1971.
- Ananjeva, J., Salumaa, E. Eesti NSV abielu- ja perekonnakoodeks. Kommenteeritud väljaanne. Tln., 1974.

- Ananjeva, J., Moik, E., Tallo, H., Lohk, M., Kalme, A. Oigusteenindus rahvamajanduses. Tln., 1974.
- Austa, H. Tööliste ja teenistujate seoses nende tööga tekitatud vigastuse või muu tervisekahjustuse puhul ettevõtete, asutuste või organisatsioonide poolt kahju hüvitamise asjade lahendamisest. — Eesti NSV Ülemkohtu bulletään, 1965, nr. 1.
- Austa, H. Hüvise suuruse väljaarvutamisest tekitatud vigastuse või muu tervisekahjustuse eest. — TRÜ Toimetised. Vihik. 230. Oigusteaduslikke töid IX, 1969.
- Austa, H. Looduskaitse ja kohtuorganid. — «Nõukogude Oigus», 1968, nr. 1, lk. 16—18.
- Austa, H. Kuidas lahendatakse kaebusi administratiivorganite tegevuse peale. — «Nõukogude Oigus», 1971, nr. 4, lk. 240—243.
- Austa, H., Rajala, A. Tervisekahjustustest tingitud kulutuste hüvitamine. — «Nõukogude Oigus», 1971, nr. 1, lk. 17—20.
- Austa, H. Elamu või suvila omavoliliselt ehitamise tagajärgedest. Ettekanne teaduslik-praktilisel konverentsil 22—23. dets. 1971. a.
- Grabe, H. Miks veerand hagidest jäeti rahuldamata. — «Nõukogude Oigus», 1972, nr. 1, lk. 37—39.
- Grabe, H. Oiguslikud vahendid ja majandamine. — «Nõukogude Oigus», 1973, nr. 1, lk. 33—38.
- Grabe, H. Kapitaalehituse tööettevõtu leping vajab täiustamist. — «Nõukogude Oigus», 1973, nr. 3, lk. 209—212.
- Grabe, H. Arbitraažiotsuse aluseks olgu majanduslik analüüs. — «Nõukogude Oigus», 1974, nr. 4, lk. 271—173.
- Eilermäa, E. Eesti NSV maakoodeksi projektidest. — «Nõukogude Oigus», 1969, nr. 2, lk. 73—76.
- Eilermäa, E., Kelder, V. Mida muudab «Eesti NSV maakoodeks» maa-seadusandluses. — «Nõukogude Oigus», 1971, nr. 4, lk. 223.
- Eilermäa, E. Vt. Kelder, V., Eilermäa, E.
- Eilermäa, E. Mõningaid kodanike õueaiamaa ja ehituskruundi kasutamise õiguse lõppemise küsimusi. — «Nõukogude Oigus», 1974, nr. 1, lk. 27—33.
- Jervan, T. Laste ülalpidamiseks väljamõistetud alimentide sissenõudmise korrast. — «Nõukogude Oigus», 1972, nr. 2, lk. 112—113.
- Kalme, A. Hankeleping, pretensioon ja hagi arbitraažis. Tln., 1964. (III ja IV ptk.)
- Kalme, A. Majanduse arengu nimel. — «Nõukogude Oigus», 1967, nr. 5, lk. 287—291.
- Kalme, A. Millist terminit kasutada? — «Nõukogude Oigus», 1968, nr. 2, lk. 101—103.
- Kalme, A. Toodangu purunemine ja loomulik kadu transportimisel. — «Nõukogude Oigus», 1968, nr. 5, lk. 292—295.
- Kalme, A. Eesti NSV tsiviilkoodeks. Kommenteeritud väljaanne (24. peatükk). Tln., 1969.
- Kalme, A. Toodangu kvaliteedi järgi vastuvõtmise koht. — «Nõukogude Oigus», 1969, nr. 3, lk. 185—187.
- Kalme, A. Toodangu kvaliteeti tagava tsiviilõigusliku vastutuse aktuaalsetest probleemidest. — TRÜ Toimetised. Vihik 238. Oigusteaduslikke töid X. Tartu, 1970.
- Kalme, A. Toodangu kvaliteet ja selle kontrollimine. Tln., 1970.
- Kalme, A. Toodangu koguse järgi vastuvõtmine. Tln., 1970.
- Kalme, A. Süü kui hankelepingu rikkumise eest ettenähud tsiviilõigusliku vastutuse alus. — «Nõukogude Oigus», 1970, nr. 4, lk. 232—236.
- Kalme, A. Toodangu kvaliteet ja selle kontrollimine. Rmt.: Oiguslikke küsimusi. Tln., 1970.
- Kalme, A. Toodangu koguseline vastuvõtmine. Tln., 1970.
- Kalme, A. Keemiatoodete taara tagastamine. — «Nõukogude Oigus», 1972, nr. 1, lk. 39—43.

- Kalme, A. Mittestandardse toodangu realiseerimine. — «Nõukogude Oigus», 1972, nr. 4, lk. 264—266.
- Kalme, A. Oigusteenindus rahvamajanduses. — «Eesti Raamat», Tln., 1974. (IV ja VII ptk.)
- Kalme, A. Vt. Ananjeva, J., Moik, E. jt.
- Kalme, A. Pretensioonide esitamise ja läbivaatamise praktikast. — «Nõukogude Oigus», 1974, nr. 2, lk. 133—136.
- Kalme, A. Riiklikule arbitraažile esitatavate dokumentide vormistamisest. — «Nõukogude Oigus», 1975, nr. 2, lk. 134—138.
- Kask, P. Kitsendused pole põhjendatud. — «Edasi», 1966, 15. aprill.
- Kask, P. Eeskirjad on lünklikud. — «Edasi», 1966, 31. mai.
- Kask, P. Eeskirju täiendati. — «Edasi», 1966, 29. sept.
- Kask, P. Isikliku omandiõiguse teostamine ja kaitse. — Kandidaadiväitekirj. Tartu, 1966, 338. lk.
- Kask, P. Kas harjumus või õigekeelsus? — «Nõukogude Oigus», 1967, nr. 4, lk. 225.
- Kask, P. Iga hagiastja juriidiline kvalifikatsioon olgu täpne. — «Nõukogude Oigus», 1967, nr. lk. 340—341.
- Kask, P. Juriidilise terminoloogia küsimused päevakorda. — «Nõukogude Oigus», 1967, nr. 2, lk. 92—93.
- Kask, P. jt. Kollektiivelamute ehitamine vajab täiendavat õiguslikku reguleerimist. — «Edasi», 1967, 28. sept.
- Kask, P. Isikliku omandiõiguse teostamise mõiste, üldpõhimõtted ja garantiid. — TRÜ Toimetised. Vihik 197. Oigusteaduslikke töid V. Tartu, 1967, lk. 17—40.
- Kask, P. Avastus- ja leiutusõiguse terminoloogia vajab korrastamist. — «Nõukogude Oigus», 1968, nr. 5, lk. 287—288.
- Kask, P. Isikliku omandi väljanõudmisest võrast ebaseaduslikust valdusest. — Oigusteaduskonna aspirantide töid II. Tartu, 1968, lk. 97—104.
- Kask, P. Rooma õigus ja kaasaja jurisprudents. — «Nõukogude Oigus», 1969, nr. 1, lk. 26—30.
- Kask, P. Aianduskooperatiivide päevaprobleeme. — «Edasi», 1969, 21. oktoober.
- Kask, P. Vt. Ananjeva, J. jt.
- Kask, P. Terminite «omandus», «omand», «omandusõigus» ja «omandiõigus» kasutamisest. — «Keel ja Kirjandus», 1970, nr. 7, lk. 433—437.
- Kask, P. Omandusõiguse ja omandiõiguse terminoloogiast. — TRÜ Toimetised. Vihik 264. Oigusteaduslikke töid XII. Tartu, 1970, lk. 90—106.
- Kask, P. Vt. Ananjeva, J., Kask, P.
- Kask, P. Isikliku omandiõiguse probleeme seoses elamuga. — TRÜ Toimetised. Vihik 272. Oigusteaduslikke töid XIII. Tartu, 1971, lk. 64—89.
- Kartau, J. Vt. Ananjeva, J. jt.
- Kartau, J. Pretensioonide esitamise ja läbivaatamise uuest korrast. — «Nõukogude Oigus», 1974, nr. 2, lk. 133—136.
- Kartau, J. Mõningaid varalise vastutuse küsimusi seoses puuduhangetega. Ettekanne teesid konverentsil «Aktuaalseid õiguslikke probleeme rahvamajanduses». Tln., 1974, lk. 22—24.
- Kartau, J. Pretensioonide esitamise ja läbivaatamise uuest korrast. — «Nõukogude Oigus», 1974, nr. 2, lk. 133—136.
- Kelder, V. Kolhoosnikute materiaalne vastutus kolhooslikule omandile töödistsipliini rikkumisega tekitatud kahjude eest. — TRÜ Toimetised. Vihik 44. Oigusteaduslikke töid. Tln., 1956, lk. 75—87.
- Kelder, V. Tööleping ja tööettevõtuleping kolhoosides. — «Sotsialistlik Põllumajandus», 1959, nr. 4.
- Kelder, V. Kolhoosiõigus. Loengud. Tartu, TRÜ rotaprint, 1959.
- Kelder, V. Praktilisi ülesandeid kolhoosiõiguses. Tartu, TRÜ rotaprint, 1959.
- Kelder, V. Nõukogude maaõigus. Loengud. Tartu, TRÜ rotaprint, 1960.

- Kelder, V. Kolhoosnike distsiplinaarvastutusest. — «Sotsialistlik Põllumajandus», 1960, nr. 22.
- Kelder, V. Tööliste vallandamise vormistamisest kolhoosides. — «Sotsialistlik Põllumajandus», 1960, nr. 8.
- Kelder, V. Omandi vormidest kommunismi ehitamise perioodil. — «Nõukogude Naine», 1962, nr. 2.
- Kelder, V. Kolhoosiõigus. «Eesti Raamat», Tln., 1965.
- Kelder, V. Praktilisi ülesandeid kolhoosiõiguses. Tartu, TRÜ rotaprint, 1965.
- Kelder, V. Kolhoosi tööasjad kohtupraktikas. — TRÜ Toimetised. Vihik 183. Oigusteaduslikke töid IV. Tartu, 1966, lk. 117—125.
- Kelder, V. Nõukogude maaõigus. Loengud. Tartu, TRÜ rotaprint, 1966.
- Kelder, V. Looduse õiguslik kaitse. — TRÜ Toimetised. Vihik 199. Oigusteaduslikke töid VI. Tartu, 1967, lk. 184—196.
- Kelder, V. Kolhoosi revisjonikomisjoni tegevus vajab revideerimist. — «Nõukogude Oigus», 1967, nr. 2, lk. 80—82.
- Kelder, V. Kolhooslik omand ja tema õiguslik kaitse. Ühing «Teadus», 1967.
- Kelder, V. Kolhoosipere liikme õigused pere varale. — «Nõukogude Oigus», 1968, nr. 4, lk. 200—202.
- Kelder, V. Maakoodeksi koostamise probleeme. — «Nõukogude Oigus», 1969, nr. 4, lk. 216—218.
- Kelder, V. Kolhoosi näidispõhikirja projekt. — «Nõukogude Oigus», 1969, nr. 5, lk. 286—290.
- Kelder, V. Juriidilisest teenindusest kolhoosides. — «Nõukogude Oigus», 1969, nr. 4, lk. 243.
- Kelder, V. Vt. Ananjeva, J. jt.
- Kelder, V., Saarnits, L. Näidispõhikiri ja kolhooside ülesandeid. — «Nõukogude Oigus», 1970, nr. 1, lk. 16—18.
- Kelder, V. Uus etapp vabariikliku maaseadusandluse arengus. — «Nõukogude Oigus», 1970, nr. 5, lk. 283—288.
- Kelder, V. Näidispõhikiri ja kolhoosi põhikirjad. — «Edasi», 1970, 24. jaanuar.
- Kelder, V. Üldkoosolek kinnitab sisekorra eeskirjad. — «Rahva Hää!», 1970, 20. november.
- Kelder, V. Vt. Ellermaa, E., Kelder, V.
- Kelder, V. Looduse õiguslik kaitse. Loengud. Tartu, TRÜ rotaprint, 1972.
- Kelder, V. Maakasutuse õiguslik reguleerimine linnades. — Tartu Linna TSN TK bületään, 1972. lk. 13—23.
- Kelder, V. Tsiivilistidel on arvukalt ettepanekuid. — «Nõukogude Oigus», 1972, nr. 2, lk. 105—108.
- Kelder, V. Töösuhete lõpetamise vormistamine kolhoosides. — «Sotsialistlik Põllumajandus», 1972, nr. 22.
- Kelder, V. Kolhoosi ametiisiku mõiste ja nende vastutus. — «Sotsialistlik Põllumajandus», 1972, nr. 18.
- Kelder, V. Saarnits, L. Praktilisi ülesandeid kolhoosiõigusest. Tartu, TRÜ rotaprint, 1972.
- Kelder, V. Oueaiaamaal paiknevate hoonete võõrandamisest. — «Nõukogude Oigus», 1973, nr. 3, lk. 182—185.
- Kelder, V. Juhi vastutusest. Rmt.: Uut põllumajanduses 1973. Tln., 1973.
- Kelder, V. Kodanike maakasutus. Kalender 1973.
- Kelder, V. (koostaja). Sõna on põllumajandusjuristidel. — «Nõukogude Oigus», 1974, nr. 1, lk. 5—27.
- Kelder, V., Ellermaa, E. Eesti NSV maakoodeks. Kommenteeritud väljaanne. Tln., 1974.
- Kelder, V. Põllumajandusõigus — kas uus õigusharu? — «Nõukogude Oigus», 1975, nr. 2. lk. 112—115.
- Koitel, H. Patent ilule. — «Nõukogude Oigus», 1967, nr. 4. lk. 218.

- Koitel, H. Patendipuhutuse ekspertiisiga seonduvaid õiguslikke küsimusi. — ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused III, 1969.
- Koitel, H. Kaubamärkide kaitsest rahvusvahelises õiguses. — «Nõukogude Õigus», 1970, nr. 2, lk. 95—98.
- Koitel, H., Ennuvere, A., Jaansoo, A., Kukrus, A. Patenditöötaja käsiraamat. Tln., 1971.
- Koitel, H. Mõningaid intellektuaalse omandi kaitse rahvusvahelisõiguslikke küsimusi. — ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused, 1972.
- Koitel, H. Kaubamärk. Tln., 1972.
- Koitel, H. Tööstusnäidis. Tln., 1973.
- Koitel, H., Tivas, L. Teaduslik avastus ja selle õiguskaitse. — «Tehnika ja Tootmine», 1973, nr. 6.
- Koitel, H., Kukrus, A. Tehnika progress ja patendipoliitika. Tln., 1974.
- Koitel, H. Tehnika progress ja leiundus. Artiklite kogumik. Tln., 1975.
- Korsak, N. Puudustest arbitraazieelsete vaidluste reguleerimises ja hagi-materjali vormistamises. — «Nõukogude Õigus», 1968, nr. 3, lk. 162.
- Korsak, N. Taara mittetagastamise eest trahvi nõudmise asjade läbivaatamisest riiklikus arbitraazis. — «Nõukogude Õigus», 1969, nr. 2, lk. 115.
- Kukerman, V. Kolhoosipensionid. — «Nõukogude Õigus», 1969, nr. 1, lk. 48—50.
- Kukrus, A. Vt. Koitel, H., Kukrus, A.
- Laasik, E. Mõningaid eestikeelse juriidilise terminoloogia küsimusi. — TRÜ Toimetised. Vihik 39. Oigusteaduskonna töid. Tln., 1955, lk. 162.
- Laasik, E. Vt. Ananjeva, J., Laasik, E.
- Laasik, E. Eluuegse ülalpidamise leping. — TRÜ Toimetised. Vihik 84. Tartu, 1960, lk. 55—69.
- Laasik, E. Eluruumide kasutamise lepingu uuendamise probleemist. — TRÜ Toimetised. Vihik 105. Oigusteaduslikke töid I. Tartu, 1961, lk. 36—51.
- Laasik, E. Isiklik sõiduauto ja volitus. — «Rahva Hää!», 1963, 28. august.
- Laasik, E. Hüvise suuruse kindlaksmääramise kord vigastuse puhul. — Oigusteaduslikke töid. (Artiklite kogumik). Tartu, 1964, lk. 26—71.
- Laasik, E. Mõningad juriidilised terminid nõuavad läbivaatamist. — «Keel ja Kirjandus», 1964, nr. 1.
- Laasik, E. Pärimisõigus kolhoosiperes. — «Rahva Hää!», 1965, 14. jaan.
- Laasik, E. Mida peab rahvasaadik teadma elamispinna andmise korrast Tartu linnas. — Abiks Tartu linna TSN saadikule. Tartu, 1965.
- Laasik, E. Toimus liiklusavarii. Kes vastutab materiaalselt? — «Edasi», 1966, 5. jaan.
- Laasik, E. jt. Kollektiivelamute ehitamine vajab täiendavat õiguslikku reguleerimist. — «Edasi», 1967, 28. sept.
- Laasik, E. Ülesandeid nõukogude tsiviilõigusest. Tartu, TRÜ rotaprint. 1967, 188 lk.
- Laasik, E. Töövõime kaotuse astme kindlaksmääramisest. — «Nõukogude Eesti Tervishoid». 1966, nr. 6.
- Laasik, E. Veelkord teeninduslikust eluruumist. — «Nõukogude Õigus», 1967, nr. 4, lk. 210—212.
- Laasik, E. Vigastuse või surma tagajärjel tekkinud kahju hüvitamisest põllumajandustöötajale. — «Nõukogude Õigus», 1968, nr. 1, lk. 23—29.
- Laasik, E. Kodanikele isikliku omandiõiguse alusel kuuluvate elamute õiguslikust režiimist. Oigusteaduskonna aspirantide töid II. Tartu, 1968, lk. 221—243.
- Laasik, E. Ühisvara jagamisest ja parandamisest ühe abikaasa surma korral. — «Nõukogude Õigus», 1968, nr. 4, lk. 195—199.
- Laasik, E. Soovitus sõlmida ainult tähtjalisi üürilepinguid. — «Edasi», 1968, 14. märts.
- Laasik, E. Meetoodiline skeemide kogumik nõukogude tsiviilõigusest II. Tartu, TRÜ rotaprint, 1968, lk. 45.

- Laasik, E. Eluruumide üürimine. Kehtivate normatiivaktide kogumik. Tartu, TRÜ rotaprint, 1969.
- Laasik, E. Eesti NSV tsiviilkoodeks. Kommenteeritud väljaanne. Tln., 1969, lk. 197—240; 261—282; 467—477; 484—526.
- Laasik, E. Vt. Ananjeva, J. jt.
- Laasik, E. Elamute lammutamisele määramine ja omaniku õigused. — «Nõukogude Õigus», 1970, nr. 3, lk. 141—146.
- Laasik, E., Saarnits, L. Kolhoosi elamuallane seadusandlus vajab täiustamist. Ettekannete teesid. Tartu, 1971, lk. 47—50.
- Laasik, E. Loenguid nõukogude tsiviilõigusest. Tartu, TRÜ rotaprint. I osa, 1970; II osa, 1971; III osa, 1971.
- Laasik, E. Tsiviilõiguslikud aktid II. Tln., 1971.
- Laasik, E. Abikaasade koosomandiõiguse teostamise võrdsusest. Rmt.: Eesti NSV tsiviil- ja protsessiseadusandluse korraldamise probleeme. Tartu, 1971, lk. 28—34.
- Laasik, E. Kogu maja, kogu linna hüvanguks. — «Edasi», 1971, 12. mai.
- Laasik, E. Üürivõla tagajärgedest. — «Edasi», 1971, 16. juuni.
- Laasik, E. Kui palju maksab korteri võti? — «Edasi», 1972, 11. aprill.
- Laasik, E., Saarnits, L. Kolhoosi elamuallast seadusandlust tuleks täiendada. — «Nõukogude Õigus», 1972, nr. 3, lk. 187—191.
- Laasik, E. Eluruumi andmine. — «Nõukogude Õigus», 1973, nr. 1, lk. 49—51.
- Laasik, E. Eluruumi andmise vormistamine ja üürilepingu sõlmimine. — «Nõukogude Õigus», 1974, nr. 4, lk. 281—285.
- Laasik, E. Korteri ergutab paremini töötama. — «Edasi», 1974, 14. märts.
- Laasik, E. Mõjuvat rohtu üürivõlgnikele. — «Edasi», 1974, 29. november.
- Lasman, U. Isaduse tuvastamisest kohtu korras. — «Nõukogude Õigus», 1973, nr. 3, lk. 215—217.
- Laus, U. Laevaomaniku piiratud vastutusest. — «Nõukogude Õigus», 1969, nr. 3, lk. 172—174.
- Levin, B. Abielu ja perekond nõukogude seadusandluses. — «Eesti Naine», 1950, nr. 2.
- 2) Levin, B. Eessõna «Tootmisettevõtte tegevuse põhimääruse» kommenteeritud väljaandele. Tln., «Eesti Raamat», 1972.
- Lindsaar, L. Autovedudest tulenevaist vaidlustest. — «Nõukogude Õigus», 1974, nr. 4, lk. 221—224.
- Lohk, M. Vt. Ananjeva, J. jt.
- Moik, E. Õigusteenindus rahvamajanduses. — «Nõukogude Õigus», 1971, nr. 4, lk. 219—222.
- Moik, E. Õigusteenindusest põllumajanduses. — «Nõukogude Õigus», nr. 1, 1972, lk. 7—9.
- Moik, E. Juriskonsult Ungari Rahvavabariigis. — «Nõukogude Õigus», 1973, nr. 4, lk. 284—286.
- Moik, E. Rahvamajanduse õigusteenindus areneb. — «Nõukogude Õigus», 1973, nr. 6, lk. 408—412.
- Moik, E. Ananjeva, J., Moik, E.
- Nurmela, V. Eluruumi üürileping. — «Nõukogude Õigus», 1967, nr. 5, lk. 283—286.
- Nurmela, V. Suuremat täpsust erimenetlusasjade lahendamisel. — «Nõukogude Õigus», 1973, nr. 2, lk. 119—123.
- Odar, J. Hagiavaldus tsiviilprotsessis. — «Nõukogude Õigus», 1973, nr. 3, lk. 186—188.
- Odar, J. Nõukogude tsiviilprotsessi kui sotsiaalse juhtimise allsüsteemi printsiibid. — TRÜ Toimetised. Vihik 326. Õigusteaduslikke töid XVI. Tartu, 1974, lk. 49—111.
- Odar, J. Tsiviilasja arutamise edasilükkamise põhjustest ja läbivaatamise tähtaegadest. — «Nõukogude Õigus», 1974, nr. 3, lk. 198—200.

- Ostrat, J. Mõningate leitudnormide tõlgendamine. — «Nõukogude Õigus», 1972, nr. 1, lk. 109.
- Paas, K. Isikliku omandi õiguslikust režiimist. — «Nõukogude Õigus», 1968, nr. 5, lk. 264—268.
- Padar, E. Juriskonsult põllumajandusettevõttes. — «Nõukogude Õigus», 1968, nr. 2, lk. 95—96.
- Ploom, E. Vt. Ananjeva, J., Ploom, E.
- Ploom, E. Vastutus vara mittedaailimise puhul võõrastemajas, ühiselamutes ja muudes organisatsioonides. — TRÜ Toimetised. Vihik 197. Tartu, 1967, lk. 59—73.
- Ploom, E. Matuse kulude hüvitamine kannatanu surma korral. — TRÜ Toimetised. Vihik 199. Õigusteaduslikke töid VI. Tartu, 1967, lk. 246—255.
- Ploom, E. Vt. Ananjeva, J. jt.
- Ploom, E. Kaupade järeilmaksuga müümise leping ja selle kasutamine Tartu linna kaubandusorganisatsioonides. — TRÜ Toimetised. Vihik 244. Õigusteaduslikke töid. X. Tartu, 1970, lk. 39—45.
- Ploom, E. Teenindamisest ja asjatulist vaidlustest. — «Nõukogude Õigus», 1971, nr. 3, lk. 154—156.
- Plutus, K. Mida on uut nõukogude tsiviilseadusandluses. — Tln., «Eesti Raamat», 1962.
- Plutus, K. Olulised muudatused tsiviilseadusandluses. — «Sotsialistlik Põllumajandus», 1963, nr. 2.
- Plutus, K. Kahju hüvitamisest põllumajanduses asetleidnud töövigastuse või muu terviserikke puhul. — «Sotsialistlik Põllumajandus», 1963, nr. 14.
- Plutus, K. Kooperatiiv-, kollektiiv- või individuaalelamu. Tln., «Eesti Raamat», 1963.
- Plutus, K. Rohkem juriidilist abi debitorse võgnevuse likvideerimisel. — «Sotsialistlik Põllumajandus», 1964, nr. 15.
- Plutus, K. Elamuõiguslikest küsimustest. — «Küsimused ja Vastused», 1964, nr. 11.
- Plutus, K. Töötajate materiaalsest vastutusest. — «Küsimused ja Vastused», 1966, nr. 1.
- Plutus, K. Nõukogude pärimisõigus. Tln., «Eesti Raamat», 1965.
- Plutus, K. Väلتida vigu põllumajandustöötajate materiaalse vastutuse rakendamisel. — «Sotsialistlik Põllumajandus», 1966, nr. 16.
- Plutus, K. Millist teed minna? — «Nõukogude Õigus», 1967, nr. 1.
- Plutus, K. Eluruumist administratiivkorras väljatõstmisest. — «Nõukogude Õigus», 1967, nr. 3, lk. 152—155.
- Plutus, K. Kuidas arvestatakse korteriüüri maa- ja töölisasulates ning sovhoosides ja kolhoosides. — «Küsimused ja Vastused», 1967, nr. 4.
- Plutus, K. Millised probleemid on üles kerkinud perekonnaõiguses. — «Küsimused ja Vastused», 1967, nr. 6.
- Plutus, K. Kes vastutab autoavariiga tekitatud kahju eest. — «Küsimused ja Vastused», 1967, nr. 9.
- Plutus, K. Laste huvides. — «Nõukogude Õigus», 1967, nr. 10.
- Plutus, K. Millal ja millises korras võib piirata kodaniku teovõimet. — «Küsimused ja Vastused», 1967, nr. 11.
- Plutus, K. jt. Eesti NSV seltsimehelike kohtute põhimääruse kommenteeritud väljaanne. Tln., «Eesti Raamat», 1968. (Kaasautorlus.)
- Plutus, K. Kas pärast hoiustaja surma on hoiuselt võimalik saada matusekulusid ja kas pärijatel on õigus pärida. — «Küsimused ja Vastused», 1968, nr. 2.
- Plutus, K. Milliseid soodustusi omavad sõjaväelased ja nende perekonnaliikmed. — «Küsimused ja Vastused», 1968, nr. 4.
- Plutus, K. Milliseid mõjutusvahendeid võib kohaldada seltsimehelik kohus. — «Küsimused ja Vastused», 1968, nr. 5.
- Plutus, K. Algas maal asuvate elamute arvestuse korrastamine. — «Sotsialistlik Põllumajandus», 1968, nr. 12.

- Plutus, K. Uuest abielu- ja perekonnaseadusest. — «Nõukogude Oigus», 1968, nr. 10.
- Plutus, K. Kuidas hüvitatakse individuaalelamu omanikele kahjud seoses maa eraldamisega riiklikeks vajadusteks. — «Küsimused ja Vastused», 1968, nr. 10.
- Plutus, K. Keda võidakse pärimisõigusest ilma jätta ja kes omab õiguse sundosale. — «Küsimused ja Vastused», 1968, nr. 11.
- Plutus, K. Perekonnaõiguslikest probleemidest. (Abimaterjal lektorile.) Ühing «Teadus», Tln., 1968.
- Plutus, K. Vt. Ananjeva, J. jt.
- Plutus, K. Kuidas säilitatakse elamispid neile, kes on kutsutud sõjaväkke aega teenima. — «Küsimused ja Vastused», 1969, nr. 1.
- Plutus, K. Muudatustest abielu- ja perekonnaseadusandluses. — «Sotsialistlik Põllumajandus», 1969, nr. 5.
- Plutus, K. Milliseid varalisi vaidlusi võib arutada seltsimehelik kohus. — «Küsimused ja Vastused», 1969, nr. 3.
- Plutus, K. Maaseadusandluse alustest. — «Sotsialistlik Põllumajandus», 1969, nr. 9.
- Plutus, K. Tsiiviilkohtu järelevalvest. — «Nõukogude Oigus», 1969, nr. 2, lk. 100.
- Plutus, K. Kas kodanikud võivad omada kuldmine? — «Küsimused ja Vastused», 1969, nr. 7.
- Plutus, K. Millistest töötasudest ja tuludest võib kinni pidada alimente? — «Nõukogude Oigus», 1969, nr. 6, lk. 87.
- Plutus, K. Maaelanikkonna maksustamise õigustest. — «Küsimused ja Vastused», 1969, nr. 8.
- Plutus, K. Prokurööri tsiiviilkohtu järelevalvest. — «Nõukogude Oigus», 1970, nr. 2, lk. 99—100.
- Plutus, K. Kuidas lahendatakse abielulahutuse korral laste küsimus? — «Küsimused ja Vastused», 1970, nr. 4.
- Plutus, K. Perekonna huvides. — «Nõukogude Oigus», 1970, nr. 6, lk. 328—330.
- Plutus, K. Milline kord ja soodustused on kehtestatud maaelanike taludest maa-asulatesse ümberasumisel. — «Küsimused ja Vastused», 1970, nr. 10.
- Plutus, K. Millal võidakse kohtulikult tuvastada isadust? — «Küsimused ja Vastused», 1971, nr. 2.
- Plutus, K. Mida tuleks teada alimentide maksmise korrast? — «Küsimused ja Vastused», 1971, nr. 4.
- Plutus, K. Millised on aianduskooperatiivide liikmete õigused ja kohustused? — «Küsimused ja Vastused», 1971, nr. 5.
- Plutus, K. Millistest sissetulekutest võib kinni pidada alimente? — «Küsimused ja Vastused», 1971, nr. 7.
- Plutus, K. Perekonnaseadusandluse kohaldamise praktikast. Ühing «Teadus», Tln., 1971, (abimaterjal lektorile).
- Plutus, K. Tõhustada prokurööri järelevalvet perekonnaõiguslikest suhetest tulenevais tsiiviiljasjus. — «Nõukogude Oigus», 1971, nr. 3, lk. 170—174.
- Plutus, K. Vilbiks, L. Aktiviseerida prokurööri järelevalvet vanemlike õiguste äravõtmise tsiiviiljasjus. — «Nõukogude Oigus», 1972, nr. 1, lk. 47.
- Plutus, K. Kuidas lapsendada? — «Küsimused ja Vastused», 1972, nr. 5.
- Plutus, K. Tõhustada materiaalse kahju hüvitamist. — «Nõukogude Oigus», 1972, nr. 4, lk. 269.
- Plutus, K. Milliseid töö- ja tsiiviilõiguslike vahendeid kohaldatakse alkoholismi vastu võitlemisel? — «Küsimused ja Vastused», 1972, nr. 10.
- Plutus, K. Kuidas teha testamenti? (1973. a. kalendris.) Tln., «Eesti Raamat», 1972.
- Plutus, K. Kas talumaja võib soetada suvilaks? — «Küsimused ja Vastused», 1972, nr. 11.
- Plutus, K. Keda loetakse ülalpeetavaks? — «Küsimused ja Vastused», 1973, nr. 3.

- Plutus, K. Abielulahutuse praktikast Tallinna kohtutes. — «Nõukogude Oigus», 1973, nr. 1, lk. 46—49.
- Plutus, K. Maa-, individuaalehituse ja hoonete võõrandamisealast seadusandlust tuleb täpselt täita. — «Sotsialistlik Põllumajandus», 1973, nr. 18.
- Plutus, K. Naiste töökaitsest sovhoosides ja kolhoosides. — «Sotsialistlik Põllumajandus», 1973, nr. 23.
- Plutus, K. Perekonnaseadusandluse selgitamise meetodikast. (Abimaterjal lektoritele.) Ühing «Teadus». Rahvaülikoolide Nõukogu, Tln., 1973.
- Plutus, K. Mida peab teadma perekonnaseadusandlusest. Tln., «Eesti Raamat», 1974.
- Plutus, K. Seadus vee kaitseks. — «Küsimused ja Vastused», 1974, nr. 3.
- Plutus, K. Autovaldajate varaline vastutus. — «Sotsialistlik Põllumajandus», 1974, nr. 10.
- Plutus, K. Elamuehituskooperatiivi liikme õigustest ja kohustustest. — «Küsimused ja Vastused», 1974, nr. 7.
- Plutus, K. Uuest aianduskooperatiivi põhimäärusest. — «Sotsialistlik Põllumajandus», 1974, nr. 21.
- Rajandi, H. Notarite vabariikliku seminari taustal. — «Nõukogude Oigus», 1967, nr. 1, lk. 16—18.
- Raju, S. Leitudistest, patendist ja autoritunnistusest. — «Nõukogude Oigus», 1967, nr. 3, lk. 171—173.
- Raju, S. Oigusalane töö Eesti NSV Liha- ja Piimatööstuse Ministeeriumi süsteemis. — «Nõukogude Oigus», 1973, nr. 4, lk. 264—268.
- Rajala, A. Mõned probleemid tsiviilamasjade kohtupraktikast. — «Nõukogude Oigus», 1968, nr. 2, lk. 87—90.
- Rajala, A. Vt. Ananjeva, J. jt.
- Rajala, A. Elamuasjade kohtupraktikast. — «Nõukogude Oigus», 1970, nr. 3, lk. 137—141.
- Rajala, A., Austa, H. Tervisekahjustustest tingitud kulutuste hüvitamine. — «Nõukogude Oigus», 1971, nr. 1, lk. 17—21.
- Rajala, A. Kolhooside tsiviilasjade kohtupraktikast. — «Nõukogude Oigus», 1971, nr. 3, lk. 143—147.
- Rajala, A. Kolhoosiliikmete materiaalne vastutus. — Eesti NSV Põllumajanduse Ministeeriumi Teaduslik-Tehnilise Informatsioonivalitsuse bulletin, 1971, detš., lk. 44—50.
- Rajala, A. Vt. Austa, H., Rajala, A.
- Rajala, A. Abikaasade ühisomanduses olev vara ja selle jagamine. — «Nõukogude Oigus», 1972, nr. 1, lk. 15—21; nr. 2, lk. 114—119; nr. 3, lk. 203—208.
- Rajala, A. Kolhoosipere õiguslik seisund. — Eesti NSV Põllumajanduse Ministeeriumi Teaduslik-Tehnilise Informatsioonivalitsuse bulletin, 1972, detš., lk. 40—48.
- Rajala, A. Põllumajandussaaduste riiklik kokkuost. — Eesti NSV Põllumajanduse Ministeeriumi Teaduslik-Tehnilise Informatsioonivalitsuse bulletin, 1972, juuni, lk. 32—42.
- Rajala, A. Kohtuotsus tsiviilasjas. — «Nõukogude Oigus», 1973, nr. 5, lk. 312—317.
- Rajala, A. Kolhoosiliikmete töö õiguslikust reguleerimisest. — Eesti NSV Põllumajanduse Ministeeriumi Teaduslik-Tehnilise Informatsioonivalitsuse bulletin, 1973.
- Rajala, A. Au ja väärrikuse tsiviilõiguslik kaitse. — «Nõukogude Oigus», 1974, nr. 3, lk. 201—206.
- Rokk, E. Oigusest autoritasule leitudist ja ratsionaliseerimissetpanekute eest. — «Nõukogude Oigus», 1970, nr. 4, lk. 242—245.
- Saarnits, L. 47 kolhoosi, 10 000 avaldust, 830 töötundi. — «Nõukogude Oigus», 1968, nr. 6, lk. 337—339.

- Saarnits, L. Kolhoosides koosolekute protokollimisest. — «Sotsialistlik Põllumajandus», 1969, nr. 1.
- Saarnits, L. Teaduslikest alustest kolhooside kollegiaalsel juhtimisel ja selle õiguslikust reguleerimisest. Kandidaadidissertatsioon. Tartu, 1969.
- Saarnits, L. Kolhoosisese kollegiaalse juhtimise täiustamisest. Ühing «Teadus». Tln., 1969, nr. 30.
- Saarnits, L. Kolhoosisese juhtimise mõiste ja printsiibid. — TRÜ Oigusteadeuskonna aspirantide töid III. Tartu, 1970, lk. 60—99.
- Saarnits, L. Kolhoosi kollegiaalsete juhtimisorganite (koosolekute) töö korralduse organisatsioonilistest alustest. — TRÜ Toimetised. Vihik 264. Oigusteadeuslikke töid XII. Tartu, 1970, lk. 66—87.
- Saarnits, L. Juhtimisteadeuse põhimõtetest ja nende rakendamisest konkreetsete süsteemide juhtimisel. — TRÜ Toimetised. Vihik 272. Oigusteadeuslikke töid XIII. Tartu, 1971, lk. 161—177.
- Saarnits, L. Vt. Kelder, V., Saarnits, L.
- Saarnits, L. Kolhoosi esimehe osa ja koht kolhoosisiseses juhtimises. — TRÜ Toimetised. Vihik 298. Oigusteadeuslikke töid XIV. Tartu, 1972, lk. 75—87.
- Saarnits, L. Vt. Laasik, E., Saarnits, L.
- Saarnits, L. Juhtimise probleeme kolhoosis. — Rmt.: Juhtimine kohalikes nõukogudes. Koostanud I. Sildmäe. Tln., «Eesti Raamat», 1972, lk. 132—151.
- Salumaa, E. Kas isaduse kohta kehtivate õigusnormide muutmine on vajalik. — TRÜ Toimetised. Vihik 61. Oigusteadeuslikke töid. Tartu, 1959, lk. 90—99.
- Salumaa, E. Kohtulikud vaidlused alaealiste lastele alimentide nõudmise asjus. — TRÜ Toimetised. Vihik 92. Tartu, 1960, lk. 70.
- Salumaa, E. Lapsendamise õiguslikust reguleerimisest «Eesti NSV perekonnakoodeksis», — TRÜ Toimetised. Vihik 105. Oigusteadeuslikke töid I. Tartu, 1961, lk. 69—96.
- Salumaa, E. Tsiiviilasja algatamise ja läbivaatamise probleeme. — TRÜ Toimetised. Vihik 183. Oigusteadeuslikke töid IV. Tartu, 1966, lk. 127—139.
- Salumaa, E. Abielu sõlmimine ning abikaasade õigused ja kohustused. — «Nõukogude Oigus», 1968, nr. 6, lk. 321—323.
- Salumaa, E. Isaduse tekkimise alused. — «Nõukogude Oigus», 1973, nr. 4, lk. 245—250.
- Salumaa, E. Vt. Ananjeva, J., Salumaa, E.
- Salumaa, E. Isaduse tekkimise alused (2). — «Nõukogude Oigus», 1973, nr. 5, lk. 317—323.
- Sepp, H. Vt. Ananjeva, J. jt.
- Sepp, H. Elamu ühine ehitamine ja omandiõiguse teke. — «Nõukogude Oigus», 1970, nr. 4, lk. 210—215.
- Sepp, H. Ostueesõigus ja selle rikkumise tagajärjed. — «Nõukogude Oigus», 1971, nr. 2, lk. 78—81.
- Sepp, H. Pärandi vastuvõtmise õiguslikust reguleerimisest. — «Nõukogude Oigus», 1971, nr. 3, lk. 147—151.
- Sepp, H. Ühise omandiõiguse mõistest. — Rmt.: Eesti NSV tsiviil- ja protsessiseadusandluse kohaldamise probleeme. Tartu, 1971, lk. 9—14.
- Sepp, H. Sotsialistliku ühiselu reegleid tuleb austada ka omas korteris. — «Nõukogude Oigus», 1973, nr. 1, lk. 20—21.
- Tallo, H. Vt. Ananjeva, J. jt.
- Talvik, E. Vt. Ananjeva, J. jt.
- Talvik, E. Looduse kaitsmine on üldrahvalik ülesanne. — «Nõukogude Oigus», 1967, nr. 3, lk. 141—144.
- Tolstoi, J. (Leningrad) Pärandi sundosa kindlaksmääramine. — «Nõukogude Oigus», nr. 6, 1969, lk. 350—351.
- Tõnismäe, E. Vt. Ananjeva, J. jt.

- Tõnismäe, E. Poolte vastutus teeninduslepingu järgi. — «Nõukogude Õigus», 1971, nr. 4, lk. 234—239.
- Tõnismäe, E. Teenindusleping. Õppevahend. Tln., TPI rotaprint, 1972.
- Urussov, D. Hankeleping. — «Nõukogude Õigus», 1967, nr. 1, lk. 23.
- Urussov, D. Lepingueelsete vaidluste lahendamisest. — «Nõukogude Õigus», 1971, nr. 6, lk. 354.
- Urussov, D. 50. aastat riiklikku arbitraazi. — «Nõukogude Õigus», 1972, nr. 6, lk. 439.
- Urussov, D. Rohkem tähelepanu majanduslepingule. — «Nõukogude Õigus», 1973, nr. 9, lk. 341—344.
- Urussov, D. Uut riikliku arbitraazi tegevuses. — «Nõukogude Õigus», 1974, nr. 4, lk. 275—277.
- Veskimäe, E. «Eesti NSV veekoodeksist». — «Nõukogude Õigus», 1972, nr. 4, lk. 244—249.
- Veskimäe, E. Perekonnaseadusandluse mõnede sätete rakendamise praktikast. — «Nõukogude Õigus», 1973, nr. 1, lk. 16—18.
- Адоян И. А. О некоторых вопросах личной собственности супругов. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 326. Труды по правоведению XIV. Тарту, 1974, стр. 111—121.
- Ананьева Ж. К. Судебные споры о воспитании детей. Изд-во ЛГУ, Л., 1954.
- Ананьева Ж. К. Вопросы усыновления по советскому праву. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 39. Труды юрид. фак. Тарту, 1955, стр. 80—93.
- Ананьева Ж. К. Об особенности правоотношения по воспитанию детей. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 44. Тарту, 1956, стр. 116—131.
- Ананьева Ж. К. Вопросы кодификации гражданского процессуального законодательства ЭССР. — Уч. зап. ТГУ. № 84, 1960.
- Ананьева Ж. К. О понятии гражданского правонарушения и мерах государственного принуждения по советскому праву. — Теоретические вопросы развития советского государства и права в период развернутого строительства коммунизма. Ростовский университет, 1960.
- Ананьева Ж. К. Итоги межвузовского научного совещания Прибалтийских республик, посвященного вопросам кодификации. — Уч. зап. ТГУ, № 84, 1960 г.
- Ананьева Ж. К., Ласик Э. Я. Об обязательствах, возникающих вследствие причинения вреда. — «Советское государство и право», 1961, № 3, стр. 101—104.
- Ананьева Ж. К. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик и гражданский кодекс Эстонской ССР. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 126. Труды по правоведению II. Тарту, 1962, стр. 3—26.
- Ананьева Ж. К. О структуре гражданских кодексов союзных республик. Новое в гражданском процессуальном законодательстве Союза ССР и союзных республик. М., Изд-во ВЮИОН, 1962.
- Ананьева Ж. К. О повышении воспитательного воздействия гражданско-правовой ответственности. — Труды по правоведению. Сб. статей. Тарту, 1964, стр. 3—25.
- Ананьева Ж. К. Вопросы права общей собственности в практике судов Эстонской ССР. — «Правоведение», 1966, т. 4, стр. 154—159.
- Ананьева Ж. К. О разграничении исков в судебной практике. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 199. Труды по правоведению IV. Тарту, 1967, стр. 198—217.
- Ананьева Ж. К. Из вопросов, возникающих при применении гражданского кодекса Эстонской ССР. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 230. Труды по правоведению IX. Тарту, 1969, стр. 75—88.
- Ананьева Ж. К. О теории субъективного права в юридической литературе. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 264. Труды по правоведению XII. Тарту, 1970, стр. 26—51.

- Ананьева Ж. К. О классификации гражданских правоотношений. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 298. Труды по правоведению XIV. Тарту, 1972, стр. 91—109.
- Ананьева Ж. К. О роли государственного арбитража в борьбе с правонарушениями в экономике. Проблемы борьбы с правонарушениями, причиняющими ущерб экономическим предприятиям. Донецк, 1972.
- Ананьева Ж. К., Касьяк П. П., Лаасик Э. Я. О развитии советского гражданского законодательства и гражданскоправовой мысли в Эстонской ССР. Развитие гражданскоправовой мысли в советских республиках Прибалтики. Тезисы докладов. Вильнюс, 1973.
- Ананьева Ж. К., Салумаа Э. Э. Кодекс Эстонской ССР о браке и семье. Комментированное издание. Таллин, 1974.
- Касьяк П. П. Вопросы осуществления права личной собственности на автотранспортные средства. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 183. Труды по правоведению IV. Тарту, 1966, стр. 97—115.
- Касьяк П. П. О понятии «нетрудовой доход» и о применении санкции в связи с извлечением нетрудовых доходов. Тезисы докладов. В сб.: Теоретические вопросы применения и дальнейшего совершения законодательства. Тарту, 1967.
- Касьяк П. П. Осуществление и защита права личной собственности. Автореф. канд. дисс. Тарту, 1967.
- Касьяк П. П. Об экономическом содержании права личной собственности. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 199. Труды по правоведению IV. Тарту, 1967, стр. 218—245.
- Касьяк П. П. см. Ананьева Ж. К., Касьяк П. П.
- Касьяк П. П. О понятии «нетрудовой доход» и о применении санкций в связи с извлечением нетрудовых доходов. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 230. Труды по правоведению IX. Тарту, 1969, стр. 148—153.
- Кельдер В. П. Машинно-тракторные станции и их договорные отношения с колхозами. (Автореф. канд. дисс.). Изд-во ЛГУ, 1954.
- Кельдер В. П. Юридическая природа договора и договорных отношений МТС с колхозами. — Уч. зап. ТГУ. Труды юрид. фак. Вып. 39. Тарту, 1955, стр. 58—77.
- Кельдер В. П. О дополнениях устава с/х артели в свете решения СМ СССР и ЦК КПСС от 6 марта 1956 г. (Научный доклад). М., Изд-во МГУ, 1956.
- Кельдер В. П. Трудовой договор и договор подряда в колхозах. — «Правоведение», 1959, № 4, стр. 72—81.
- Кельдер В. П. О дисциплинарной ответственности колхозников. — «Правоведение», 1959, № 4.
- Кельдер В. П. О дисциплинарной ответственности колхозников. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 61. Труды по правоведению. Тарту, 1959, стр. 69—85.
- Кельдер В. П. Материальная ответственность за причинение ущерба имуществу колхозов. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 99. Труды по правоведению. Тарту, 1960, 132 стр.
- Кельдер В. П. К вопросу о законности договоров в колхозах. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 105. Труды по правоведению I, Тарту, 1961, стр. 19—33.
- Кельдер В. П. Дальнейшее развитие и сближение колхозной и общенародной форм собственности в период развернутого строительства коммунизма. Изд-во ЛГУ, 1961.
- Кельдер В. П. Регулирование имущественных отношений колхозов в Основных гражданском законодательства Союза ССР и союзных республик и в гражданском кодексе Эстонской ССР. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 126. Труды по правоведению II. Тарту, 1962, стр. 36—48.
- Кельдер В. П. Повысить ответственность за сохранность социалистической собственности. — «Советская Юстиция», 1963, № 9.
- Кельдер В. П. Способы правового обеспечения рационального использования земли сельскохозяйственного назначения. — Труды по правоведению. Сб. статей. Тарту, 1964, стр. 103—119.

- Кельдер В. П. Система средств правовой охраны колхозной собственности. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 175. Труды по правоведению III. Тарту, 1965. стр. 43—47.
- Кельдер В. П. Правосубъективность и правоспособность колхоза. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 175. Труды по правоведению III. Тарту, 1965, стр. 97—108.
- Кельдер В. П. О совершенствовании норм колхозного законодательства. — «Правоведение», № 4, 1966, стр. 103—104.
- Кельдер В. П. Колхозно-правовая и гражданско-правовая охрана собственности сельскохозяйственной артели. (Автореферат докт. дисс.). Изд-во ЛГУ, 1968.
- Кельдер В. П., Саарнитс Л. П. О проблемах управления сельскохозяйственными предприятиями. — Сб. II. Межвузовская конференция по теоретическим проблемам управления соц. хоз. организациями. Таллин, 1969, стр. 75—84.
- Кельдер В. П., Саарнитс Л. П. О методике конкретно-социологических исследований в колхозном праве. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 244. Труды по правоведению X. Тарту, 1970, стр. 79—94.
- Кельдер В. П., Саарнитс Л. П. О спецкурсе «Основы науки управления». — «Правоведение», 1971, № 6.
- Кельдер В. П. О понятии функции управления — Уч. зап. ТГУ. Вып. 298. Труды по правоведению XIV. Тарту, 1972, стр. 66—74.
- Кельдер В. П., Саарнитс Л. П. О некоторых актуальных проблемах развития науки колхозного права в Эстонской ССР. — Тезисы докладов и сообщений... Вильнюс, 1973, стр. 52—55.
- Койтель Х. Некоторые вопросы правовой охраны промышленных образцов в СССР. В соавторстве с Гавриловым Э. — «Вопросы изобретательства», 1967, № 9.
- Койтель Х. Еще раз о судьбе изобретений. В соавторстве с Гавриловым Э. — «Коммунист Эстонии», 1968, № 4.
- Койтель Х. О товарном знаке. Известия АН ЭССР. Общ. науки. 1970, № 1.
- Койтель Х. О некоторых проблемах внешнего обозначения товаров. В сб.: Инф. материал по товарным знакам и промышленным образцам, Таллин, 1970.
- Койтель Х. О целесообразности патентно-правовой охраны научно-технических достижений. В соавторстве с Кукрус А. Труды ТПИ 1974, № 353.
- Лаасик Э. Я. Право личной собственности на жилое строение по советскому гражданскому праву. Автореф. канд. дисс., Л., 1953.
- Лаасик Э. Я. Проблема выдела реальной части дома. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 39. Труды по правоведению. Тарту, 1955, стр. 118—128.
- Лаасик Э. Я. Защита права личной собственности. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 44. Тарту, 1956, стр. 135—151.
- Лаасик Э. Я. Устранить проблемы в законодательстве, препятствующие исполнению договора подряда по капитальному строительству. — «Правоведение», 1959, № 1, стр. 101—104.
- Лаасик Э. Я. Выступление 9 декабря 1959 г. по проекту ГК РСФСР и о хозяйственном праве в Москве. — В сб.: Материалы республиканского совещания научных работников и руководящих практических работников органов юстиции по вопросам... М., 1960.
- Лаасик Э. Я. О некоторых проблемах найма жилого помещения по Основам гражданского законодательства Союза и союзных республик. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 126. Труды по правоведению II. Тарту, 1962, стр. 51—81.
- Лаасик Э. Я. См. Ананьева Ж. К., Лаасик Э. Я.
- Лаасик Э. Я. Некоторые теоретические вопросы применения норм новых гражданских кодексов союзных республик и усовершенствования гражданского законодательства. В кн.: Тезисы докладов и научных сообщений. Алма-Ата, 1965, стр. 63—65.
- Лаасик Э. Я. Возникновение жилищного правоотношения по гражданскому

- кодексу Эстонской ССР. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 183. Труды по правоведению IV. Тарту, 1966, стр. 58—76.
- Лаасик Э. Я. Вопросы толкования норм жилищного права. — «Правоведение», 1966, № 4.
- Лаасик Э. Я. Об осуществлении права требования по солидарным обязательствам, возникающим из причинения вреда. В кн.: Теоретические вопросы применения и дальнейшего совершенствования законодательства. Тарту, 1967, стр. 53—56.
- Лаасик Э. Я. К вопросу возникновения солидарного обязательства вследствие совместного причинения вреда. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 230. Труды по правоведению IX. Тарту, 1969, стр. 128—147.
- Лаасик Э. Я. Правовое регулирование отношений по пользованию жилыми помещениями в домах граждан нуждается в усовершенствовании. В кн.: Состояние и задачи дальнейшего развития научных исследований в области жилищного законодательства в СССР. М., 1972, стр. 40—42.
- Лаасик Э. Я. См. Ананьева Ж. К., Касьяк П. П., Лаасик Э. Я.
- Граббе Х., Левин Б. Роль юридической службы в улучшении экономических показателей предприятий. — «Советское государство и право», 1961, № 2.
- Левин Б. Семья и закон. — «Советская Эстония», 1968, 19 мая.
- Плоом Э. Л. Договор бытового проката по советскому гражданскому праву. Автореф. дисс. канд. 1965.
- Плоом Э. Л. Об ответственности абонента перед прокатной организацией по договору бытового проката. — «Правоведение», 1964, № 4, стр. 126—131.
- Плоом Э. Л. Понятие и общая характеристика договора бытового проката. Труды по правоведению. Сб. статей. Тарту, 1964, стр. 73—90.
- Плоом Э. Л. Ответственность по договору проката легковых автомобилей. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 175. Труды по правоведению III. Тарту, 1965, стр. 23—41.
- Плоом Э. Л. Об обязанностях сторон по договору проката легковых автомобилей. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 183. Труды по правоведению IV. Тарту, 1966, стр. 78—95.
- Плоом Э. Л. Об ответственности предприятия бытового обслуживания за качество выполненных работ. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 298. Труды по правоведению XIV. Тарту, 1972, стр. 127—135.
- Саарнитс Л. П. См. Кельдер В. П., Саарнитс Л. П.
- Салумаа Э. Э. Судебные споры об алиментах несовершеннолетним детям. Автореф. канд. дисс. Тарту, 1962.
- Салумаа Э. Э. О подведомственности бракоразводных дел. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 126. Труды по правоведению II. Тарту, 1962, стр. 85—89.
- Салумаа Э. Э. См. Ананьева Ж. К., Салумаа Э. Э.
- Сепп Х. В. Правопреемство и приобретение права собственности. — «Правоведение», 1970, № 6, стр. 68—74.
- Сепп Х. В. Правопреемство и разграничение способов приобретения права собственности. — Уч. зап. ТГУ, Вып. 264. Труды по правоведению. Тарту, 1970, т. 12, стр. 52—65.
- Сепп Х. В. О предмете и месте права оперативного управления. — Уч. зап. ТГУ. Труды по правоведению. Тарту, Вып. 272, 1971, т. 13, стр. 92—105.
- Сепп Х. В. О принятии наследства. — Уч. зап. ТГУ. Труды по правоведению. Тарту, Вып. 298. 1972, т. 14, стр. 109—126.
- Сепп Х. В. Проблемы приобретения права собственности и права оперативного управления. Автореф. канд. дисс. Вильнюс, 1974, стр. 23.
- Тынисмяэ Э. Договор проката легковых автомобилей. — Вестник Ленинградского университета, 1962, № 23, с. 106—111.
- Тынисмяэ Э. Об ответственности подрядчика по договору бытового подряда. — Вестник Ленинградского университета, 1963, № 11, с. 149—154.
- Тынисмяэ Э. Ответственность сторон по договору бытовых услуг. — «Советское право», 1971, № 4, с. 246—252.

- Урусов Д. Л. Договор поставки. — «Советское право», 1967, № 1.
- Урусов Д. Л. Некоторые актуальные вопросы арбитражной практики по применению имущественных санкций за невыполнение обязательств по поставкам. — «Советское право», 1969, № 1.
- Урусов Д. Л. Инструкции и правила выполняются неудовлетворительно. — «Советское право», 1969, № 4.
- Урусов Д. Л. Больше внимания заключению и исполнению договоров контракции сельскохозяйственной продукции. — «Советское право», 1970, № 5.
- Урусов Д. Л. Новые Особые условия поставки. — «Советское право», 1971, № 1.
- Урусов Д. Л. Вопросы арбитражной практики по преддоговорным спорам. — «Советское право», 1971, № 6.
- Урусов Д. Л. Государственному арбитражу — 50 лет. — «Советское право», 1972, № 6.
- Урусов Д. Л. Больше внимания хозяйственному договору. — «Советское право», 1973, № 5.
- Урусов Д. Л. Новое в деятельности государственного арбитража. — «Советское право», 1974, № 4.
- Урусов Д. Л. Повысить роль и значение хозяйственного договора. — «Советское право», 1974, № 6.

Dissertatsioonid

- Адоян И. А., Судебные споры о разделе имущества, находящегося в совместной собственности супругов. Канд. дисс., Вильнюс, 1975.
- Ананьева Ж. К., Судебные споры о воспитании детей. Канд. дисс., Ленинград, 1954.
- Kalme, A. Toodangu kvaliteet ja selle kontrollimine. Oiguslikke küsimusi. Kанд. diss., Tartu., 1971.
- Kask, P. Isikliku omandiõiguse teostamine ja kaitse. (Eesti NSV-s kehtiva seadusandluse järgi). Kанд. diss., Tartu, 1966.
- Koitel, H. Tööstustoodete väliskuju õigusliku kaitse küsimusi. Kанд. diss., Tartu, 1970.
- Кельдер В. П. Машино-тракторные станции и их договорные отношения с колхозами. Канд. дисс., Ленинград, 1954.
- Кельдер В. П. Колхозно-правовая и гражданско-правовая охрана собственности сельскохозяйственной артели. Докт. дисс., Ленинград, 1969.
- Ласик Е. Я. Право личной собственности на жилое строение по советскому гражданскому праву. Канд. дисс., Ленинград, 1953.
- Odag, J. Juhtimisteooria põhimõtete kohaldamisest nõukogude tsiviilprotsessis. Kанд. diss., Tartu, 1974.
- Плоом Э. Л. Договор бытового проката по советскому гражданскому праву. Канд. дисс., Tartu, 1965.
- Pulk, J. Töö õiguslik organiseerimine kolhoosides (ENSV materjalide alusel). Kанд. diss., Tartu, 1956.
- Saarnits, L. Kolhooside kollegiaalse juhtimise teaduslikest alustest ja selle õiguslikust reguleerimisest. Kанд. diss., Tartu, 1969.
- Salumaa, E. Kohtulikud vaidlused alaealistele lastele alimentide nõudmise asjus. Kанд. diss., Tartu, 1962.
- Сепп Х. Проблемы приобретения права собственности и права оперативного управления. Канд. дисс., Вильнюс, 1974.

SISUKORD — ОГЛАВЛЕНИЕ

П. К а с ь к. Понятие и виды отношений общей собственности	3
Э. П л о о м. Вопросы исполнения договоров бытового обслуживания	29
Э. Л а а с и к. О необходимости усовершенствования правового регулирования отношений по пользованию жилыми помещениями в домах граждан	37
В. К е л ь д е р. О сельскохозяйственном праве	52
E. S a l u m a a. Nagi mõiste ja elemendid	66
J. O d a r. Nõukogude tsiviilprotsessi koht sotsiaalses juhtimises ja tema mõiste	73
Я. О д а р. Место советского гражданского процесса в социальном управлении и его понятие. <i>Резюме</i>	82
Ж. А н а н ь е в а. О месте Государственного арбитража в системе правоохранительных органов	84
Eesti NSV autorite Nõukogude tsiviilõigusliku, perekonna-, tsiviilprotsessi-, kolhoosi- ja maaõigusliku kirjanduse bibliograafia eesti ja vene keeles	108

Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 452. Проблемы совершенствования правового регулирования народного хозяйства. ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ XXIV. На русском и эстонском языках. Тартуский государственный университет. ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18. Ответственный редактор Л. Саарнитс. Корректоры В. Логинова, В. Ланг. Сдано в набор 26/X 1977. Подписано к печати 21/III 1978. Бумага печатная 60×90/16. Печ. листов 7,75. Учетно-издат. листов 9,15. Тираж 500. МВ-03812. Типография им Х. Хейдеманна, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли 17/19. III. Зак. № 5251.

• Цена 1.50